

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2024 № 1

- Общеизвестные научные категории как теоретико-методологический базис научных исследований
- Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки
- «Значение» образовательного процесса

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 1

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2024. — № 1. — 148 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
Federal State University of Education

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2024. – No. 1. – 148 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Бондарева Я. В., Костадинович Д., Курабцев В. Л., Беркут В. П. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part IV ... 6

Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. «Рука Всевышнего» с позиций онтологии..... 15

Мусин А. И. Некоторые возможные научно-методологические подходы в православной теологии 24

Сериков А. Е. Индивидуальное понимание вещей: распределённые значения, экземпляры и уницепты 33

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Мирошкин М. С. Экономика символического насилия над человеческим телом: историко-философский анализ 44

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Лебедев С. А., Ребрищев В. Д. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки 57

Седанкина Т. Е. Осмысление принципа гибкости методологической рациональности в контексте становления теологии как науки 67

Стрельников Д. О. Милитаризация NBIC технологий: от военной необходимости к технологической сингулярности 85

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Артеменков А. А. Психофизиологическая проблема: единство материального и идеального в человеке 96

Горбунов А. С. Возможность осуществления принципа соборности в сетевой коммуникационной среде 113

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Технообразы человека. Часть I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network 120

Кокоева И. А. «Значение» образовательного процесса 129

Колесниченко Ю. В. Евразийские ценности российской новейшей истории и наглядные формы их иеротопии (Всероссийская акция «Бессмертный полк», Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации) 140

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

Ya. Bondareva, D. Kostadinovich, V. Kurabtsev, V. Berkut. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part IV. 6

O. Elkhova, A. Kudryashev. “The Divine Hand” in Ontological Context15

A. Musin. Some Possible Approaches Relating to Methodology of Science in Orthodox Theology...24

A. Serikov. Individual Understanding of Things: Distributed Meanings, Exemplars, and Unicepts...33

HISTORY OF PHILOSOPHY

M. Miroshkin. The Economy of Symbolic Violence over the Human Body: Historical and Philosophical Analysis 44

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

S. Lebedev, V. Rebrishchev. Philosophical Foundations of Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science. 57

T. Sedankina. Comprehending the Principle of Flexibility of Methodological Rationality in the Context of the Formation of Theology as a Science 67

D. Strelnikov. Militarization of NBIC Technologies: From Military Necessity to Technological Singularity 85

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

A. Artemenkov. Psychophysiological Problem: The Unity of Material and Ideal in Human 96

A. Gorbunov. Possibility of Implementing the Principle of Conciliarity in Network Communication Environment. 113

A. Guryanova, A. Timofeev. Human Technotypes. Part I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network 120

I. Kokoeva. The “Meaning” of the Educational Process. 129

Yu. Kolesnichenko. The Eurasian Values of Russian Contemporary History and the Visual Forms of Their Hierotopy (All-Russian Action “Immortal Regiment” (“Bessmertniy Polk”), the Main Cathedral of the Russian Armed Forces 140

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-6-14

GENERALLY RECOGNIZED SCIENTIFIC CATEGORIES AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR SCIENTIFIC RESEARCH. PART IV

Ya. Bondareva¹, D. Kostadinovich², V. Kurabtsev³, V. Berkut⁴

¹ Federal State University of Education

ul. Veri Voloshinoy 24, Mytitschi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²University of Niš

Univerzitetskigr 2, Niš 18106, The Republic of Serbia

³HSE University

ul. Myasnitskaya 20, Moscow 101000, Russian Federation

⁴The Military Academy of Strategic Rocket Troops after Peter the Great

ul. Karbysheva 8, Balashikha 143900, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. Based on philosophical methodology, consider in detail the content of some general scientific (philosophical) categories “separate”, “individual”, “special”, “universal” (that is, categories reflecting the delimitation of some phenomena from others), the categories “identity”, “difference”, “opposite”, “contradiction”, “struggle” (categories reflecting the process of comparing the characteristics of phenomena), “change”, “movement”, “development”, “progress”, “regression” (categories reflecting the transition from one qualitative state of being to another) and define them in a modern edition.

Methodology. The work was carried out based on a systematic approach using classification methods and comparative analysis.

Results. Research within the framework of the system of philosophical categories because of cognitive activity, which is a systematization of information about a phenomenon and the naming of this phenomenon, is still relevant today. The categories reflect the characteristics of phenomena of a certain class, record the essential properties of the phenomena and the connections between them. In addition, based on the content of general scientific categories, methods of cognition are formed. They also have a general scientific character and participate in all scientific research without exception. This fact gives special importance to understanding the essence of general scientific (philosophical) categories, which, working to solve problems of scientific research, are transformed into methods of scientific research. This circumstance determines the need for a detailed presentation of the content of general scientific (philosophical) categories in their modern edition.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: separate, individual, special, universal, identity, difference, opposition, contradiction, struggle, change, movement, development, progress, regression

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ НАУЧНЫЕ КАТЕГОРИИ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ БАЗИС НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЧАСТЬ IV

Бондарева Я. В.¹, Костадинович Д.², Курабцев В. Л.³, Беркут В. П.⁴

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Университет в Нише

18106, г. Ниш, Университетская площадь, д. 2, Республика Сербия

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

⁴Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого

143900, Московская обл., г. Балашиха, ул. Карбышева, д. 8, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основе философской методологии детально рассмотреть содержание некоторых общенаучных (философских) категорий «отдельное», «единичное», «особенное», «всеобщее» (т. е. категорий, отражающих ограниченность одних явлений от других), категорий «тождество», «различие», «противоположность», «противоречие», «борьба» (категорий, отражающих процесс сравнения признаков феноменов), «изменение», «движение», «развитие», «прогресс», «регресс» (категорий, отражающих переход из одного качественного состояния бытия в другое) и дать им определение в современной редакции.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного подхода с использованием методов классификации и сравнительного анализа.

Результаты. Исследования в рамках системы философских категорий как результата познавательной деятельности, представляющей собой систематизацию сведений о каком-либо явлении и назывании этого явления, сегодня по-прежнему актуальны. В категориях отражаются признаки явлений определённого класса, фиксируются существенные свойства явлений и связи между ними. Кроме того, на основе содержания общенаучных категорий формируются приёмы познания. Они также имеют общенаучный характер, участвуют во всех без исключения научных исследованиях. Этот факт придаёт особое значение пониманию сути общенаучных (философских) категорий, которые, работая на решение задач научных исследований, трансформируются в приёмы научного исследования. Данное обстоятельство детерминирует необходимость детального представления содержания общенаучных (философских) категорий в их современной редакции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: отдельное, единичное, особенное, всеобщее, тождество, различие, противоположность, противоречие, борьба, изменение, движение, развитие, прогресс, регресс

Introduction

In modern scientific research (and this cannot but cause justified concern), a kind of “methodological fashion” has developed – a “fashion” for the mandatory use of certain “fashionable” methodologies, which often have not yet fully proven their true scientific status. This weakens scientific research. Among such “fashionable” methodological schools (without denying their significance,

objecting to the exaggeration of their research capabilities) should be mentioned: abstractionism, globalism, dogmatism, synergism, structuralism, functionalism, evolutionism, and others. It is obvious that exaggerating the role of these methodologies weakens the methodological culture of scientific research. More carefully it is necessary to immerse yourself in the categorical apparatus of scientific research.

Categories “separate”, “single”, “special”, “universal”

Each real phenomenon can be legitimately considered as existing separately from others. Thus, there is a need to introduce into scientific circulation a category that reflects the essence of the named fact. This category is the “separate” category. Since all phenomena, one way or another, to a greater or lesser extent, are isolated from others, the category that reflects the essence of this phenomenon deservedly takes its place in the system of philosophical categories.

In modern scientific literature it is rightly noted that “separate” is a synonym for the concept of “thing”, that is, a relatively isolated, qualitatively defined fragment of existence¹. We do not have any grounds for criticizing the above definition of the category “separate,” since it captures the essence of the facts of a certain delimitation of phenomena.

The category “separate” is rightly placed on a par with the categories “individual”, “special”, “universal”. Moreover, it is considered as a key concept that reveals the content of the above categories: “The categories of individual, special and universal are a reflection of the relative independence of things, phenomena of existence, their diversity and unity. The key concept that reveals the content of these categories is the concept of the separate”².

We must agree that the categories “separate”, “single”, “special”, “general” (“universal”) are closely related, stand on the same page, and complement each other’s understanding. At the same time, there is hardly any reason not to distinguish between the specifics of their content. And such attempts exist in science. The categories “separate” and “single” are most often identified. In particular, in one of the sources we read: “In our consideration, the individual and the separate are considered as synonyms”³. There is hardly any need for comments here. In a veiled form, this position

is found in the following wording: “The individual (private) is separate, limited in time and space, isolated from all others”⁴.

The vast majority of researchers rightly qualify the category “single” as a concept that reflects in an object or phenomenon that which is inherent only in this object or phenomenon. Many authors rightly clarify: the individual carries within itself the uniqueness of phenomena, which makes it possible to distinguish it from all other phenomena, which constitutes its individuality and quantitative certainty. In a word, the individual is a philosophical category that reflects the fact of the uniqueness and inimitability of each phenomenon of reality. There are no particular differences in the approaches of researchers to the category “special”. They associate its content with the presence of aspects and properties in phenomena that determine their belonging and unity with phenomena of a certain class.

In a word, the special is a category that reflects the facts of the generality of phenomena of certain classes. Finally, you should pay attention to the essence of the category “universal”. There is every reason to qualify the category “universal” as a philosophical concept that reflects the presence of properties and characteristics inherent in all phenomena of reality. This point of view is presented in the literature.

Along with it, there are positions that replace the category “universal” with the category “general”, which, it seems, is not fundamental if we consider them identical, as the authors of the following point of view do: “General is a philosophical category that captures the similarity of properties, aspects individual objects and phenomena”⁵. The situation is often aggravated by reducing the essence of the category “universal” to a concept reflecting the commonality of characteristics and phenomena of a certain class, that is, to the content of the category “special”. There is no reason not to see the unity of the contents

¹ Бучило А. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 103.

² Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебник. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 77.

³ Тарасов Ю. Н. Философия: учебное пособие. М.: МПСИ: МОДЭК, 2006. С. 459.

⁴ Моисеева Н. А., Сорокикова В. А. Философия: краткий курс. СПб.: Питер, 2010. С. 148.

⁵ Философия: учебник / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 234–235.

of these categories and to deny their dialectical connections. However, there is no basis for their identification. The category “universal” reflects the fact of the unity of all phenomena of reality, the presence of the same properties and characteristics in them.

Categories “identity”, “difference”, “opposite”, “contradiction”, “struggle”

Having accumulated information about the cognizable phenomenon, its essential characteristics, understanding its interaction with the environment and other phenomena, comparing its signs with the signs of other phenomena, let us turn our attention to the problem of their identity and difference. First, however, we will have to decide on the philosophical categories “identity” and “difference”.

What does the scientific literature say about these categories? In one of the encyclopedic sources we read: “Identity is a category expressing equality, the sameness of an object (thing, process, etc.) with itself or the equality of several objects”¹. In the main, we can agree with this understanding of identity. It is opposed to difference. The latter is very often interpreted as a relationship of discrepancy between the properties of the same object with a predominance of properties preserved from the previous state.

In science, identity is often considered the initial stage of the development of a contradiction, as a relation of sameness, the similarity of a thing to itself or to other things. The classical interpretation of the essence of the category “difference” sounds like this: difference is “a relationship of dissimilarity, non-coincidence with oneself, with other things, phenomena, parties”².

Perhaps, one should agree with this understanding of the essence of the identities and differences of phenomena, noting that the category “identity” reflects the essence of sameness, the coincidence of internal and

external characteristics of phenomena, and the category “difference” reflects the essence of their discrepancy and dissimilarity. In a word, “difference” is a category that reflects the universal property of phenomena not to coincide with each other in their internal and external characteristics. It is our deep conviction that understanding the identity and differences of phenomena and their relationships plays a major role in the formation of contradictions. In a word, it is the basis for understanding the essence of contradictions [5; 7].

How are contradictions interpreted in modern literature? One of the encyclopedic sources states: “Contradiction, ... A logical relationship between judgments, one of which excludes another that is incompatible with it”.³

As you can see, in this edition we are talking about logical contradictions, and they are considered as mutually exclusive opposites. It seems to us that those researchers who believe that contradictions are interactions of opposites, but opposites that are in a state of mutual exclusion, are more accurate in understanding the essence of contradictions, and, at the same time, in internal unity and interpenetration. This point of view is quite widely represented in the scientific literature. Agreeing in the main with the given understanding of the essence of contradictions, we nevertheless note that in relations of mutual exclusion and complementarity there are identical and differing elements, fragments, aspects of phenomena. This gives us the right to state that contradictions arise where and when opposites interact, and these are the identity and difference of phenomena. Thus, the philosophical category “contradiction” reflects the essence of interactions between identical and differing aspects of phenomena [1; 2].

It would seem that we can put an end to this and complete our reflections on the essence of contradictions, but this can hardly be done without defining our attitude to the essence of the category “opposite”, since in the overwhelming majority of cases the category

¹ Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебник. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 99.

² Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 223.

³ Большой толковый словарь русских существительных / сост. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2008. С. 165.

“contradiction” is interpreted with its use. Moreover, in the literature one can find a definition of the category “opposite”, which is actually identical to the definition of the category “contradiction”. It is obvious that contradictions and opposites are phenomena of the same order, interconnected and interpenetrating into each other, but still different. This difference becomes especially obvious when opposites are interpreted as phenomena that are maximally, extremely different from each other. In other words, as phenomena “located in a given space and time in a state of minimal identity and maximum difference”¹.

In addition, it is known that interacting opposites are always in a state of struggle with each other. “Struggle” is a philosophical category that reflects the interaction of opposites. If we imagine this category through contradictions, then we can state the fact: opposites are phenomena that are in a state of extreme contradiction with each other.

Categories “change”, “movement”, “development”, “progress”, “regression”

Reflecting on the essence of the categories “identity”, “difference”, “opposite”, “contradiction” and “struggle”, one cannot but emphasize that a correct understanding of their essence forms the basis for determining the content of the next block of categories, namely philosophical categories: “change”, “movement”, “development”, “progress” and “regression”. This dependence is not difficult to understand if we consider contradiction as the source of all development.

So, let’s pay attention to the essence of the category “change”. In one of the encyclopedic sources you can find the following conclusion: “Change is a transformation into another, a transition from one qualitatively defined being to a qualitatively different defined being”². As you can see, its authors connect the essence of changes with the quality of phenomena, that is,

with the internal processes occurring in them. There is reason to believe that this approach narrows the understanding of change. As reality shows, they are subject to both internal and external signs of phenomena [3; 6].

Moreover, some researchers believe: “Change is an essential sign of movement and development, the process of the emergence of differences, the disappearance of some and the appearance of other aspects (properties, connections, relationships) in any object, the transition of an object from one state to another”³.

While generally agreeing with the proposed understanding of the essence of changes, we nevertheless note that it is hardly worth asserting that changes are always associated with the transition of a phenomenon from one state to another. Reality shows that changes occur permanently and continuously in phenomena and not all of them lead them to new, different states. If we keep this in mind, it becomes clear that the following definition more accurately reflects change: “Change” is a philosophical category that reflects the fact of the emergence of some and the disappearance of others differences between phenomena or their states⁴.

However, the essence of changes can be determined not only through differences, but also through the identity of phenomena. In this case, the formulation of the category “change” will sound as follows: “change” is a category that reflects the process of the emergence and disappearance of similarities between phenomena or their states.

Change is organically connected with movement, as a specific process of being. Let’s see what modern literature says about the movement.

Firstly, the overwhelming majority of sources direct us towards understanding the organic unity of movement and change.

Secondly, in many works movement is interpreted as any change occurring in nature, society, and people’s thinking. We

¹ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 211.

² Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 171.

³ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 485.

⁴ Кокорин А. А. Методология научных исследований: учебное пособие. М.: Московский государственный областной университет, 2015. С. 212.

provide evidence on this matter: "Movement is a philosophical category to designate any changes, transformations taking place in nature, society, and people's thinking"¹.

Thirdly, movement is often considered not just as a change, but also as a transition of phenomena from one state to another. This approach, in our opinion, leads to the identification of closely related, but still different processes of movement and development. This conclusion will become especially clear once the essence of the category "development" is defined.

Fourthly, in science there are detailed definitions of the essence of movement, indicating its difference from development. Here is one of them: "... movement is interpreted as a process of any changes, transformations that can be progressive, carried out from lower to higher, from simple to complex, regressive, associated with degradation, partial disintegration of the system, disintegration of its functions, cyclical, associated with reproduction relatively stable system of connections and relationships, then the concept of development includes a slightly different content"².

Paying tribute to all researchers of such a phenomenon as movement, we note that it seems to us the most correct conclusion that "movement" is a philosophical category that reflects the essence of all changes occurring in phenomena, both internal and external, significant and inessential, qualitative and quantitative, spatial and temporal. Understanding the essence of the category "movement" is the basis for a strict approach to the essence of such a phenomenon as development and the categories that reflect its essence.

Analysis of scientific literature allows us to see several nuances in approaches to defining the essence of the category "development" [4; 8; 9].

¹ Философия: учебник / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 210; Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 80; Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебник. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 69.

² Философия: учебник / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 287–288.

Nuance 1. Development is interpreted as a necessary, natural movement, a change in something over time. The emphasis on understanding development as a necessary, natural change is fair, but this is not enough to meaningfully present the essence of development.

Nuance 2. It is defended by researchers who point out that development is always directed, irreversible, natural, and necessarily qualitative changes in phenomena. In this regard, we will give one of the illustrations: "... development is a certain form of change in general, a special type of movement, which is characterized by natural, directed, irreversible, qualitative changes in material objects"³. In our opinion, the remark that development differs from movement as such, since it concerns changes precisely in the quality of phenomena, is very important and productive. The same point of view, in a more detailed version, is defended by scientists who believe that development is "always the beginning and end of changes over time, the certainty of changes, the presence of changes, both within a given quality, and the transition from one quality to another"⁴.

Nuance 3: Often, development is interpreted only as progress, progressive qualitative changes. In one of the sources we read: "Development means, first of all, progressive qualitative changes. Development caused by the contradictions of the system is a natural, qualitative, irreversible, directional change in material or ideal phenomena, processes, states"⁵. There are other proponents of a similar approach to development.

In a word, we are ready to agree that development is indeed a necessary, irreversible, natural, qualitative change in phenomena.

³ Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 110; Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия: учебник. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 74; Бучило А. Ф., Исаев И. А. История и философия науки: учебное пособие. М.: Проспект, 2021. С. 100; Моисеева Н. А., Сороковикова В. А. Философия: краткий курс. СПб.: Питер, 2010. С. 155.

⁴ Тарасов Ю. Н. Философия: учебное пособие. М.: МПСИ, МОДЭК, 2006. С. 448.

⁵ Философия: учебник / под. ред. З. Т. Фокиной. М.: Вузовская книга, 2012. С. 288.

This is true. But it is hardly possible to agree that development is necessarily a progressive change. In our opinion, development can be both progressive and regressive. This becomes more understandable after understanding the essence of such phenomena as progress and regression.

Let's see how they are interpreted in the scientific literature.

Progress, progressive development, is usually defined as movement, development, direction of development "from lower to higher, from less perfect to more perfect"¹. And this is fair, just as the use of the concept of "progressive development" is fair.

There is every reason to consider regression as a movement, a development opposite to progress. Researchers who use the phrase "regressive development" act quite correctly. Thus, one of the sources gives the following definition: "Regressive development (Latin regressus – reverse movement) is the transition of an object from a qualitative state of the highest degree of complexity to another qualitative state of the lowest degree of complexity"².

So, "development" is a category that reflects changes in the qualities of a phenomenon.

"Progress" is a category that reflects development, characterized by a transition from simpler qualities to more complex, more perfect ones. "Regression" is a category that reflects development in the opposite direction to progress.

Conclusion

Thus, on the basis of philosophical methodology, we examined in detail the content of some general scientific (philosophical) categories "separate", "individual", "special", "universal" (that is, categories reflecting the delimitation of some phenomena from others), the categories "identity", "difference", "opposite", "contradiction", "struggle" (categories reflecting the process of comparing the characteristics of phenomena), "change", "movement", "development", "progress", "regression" (categories reflecting the transition from one qualitative state of being into another) and define them in a modern edition. At the end of the cycle "generally recognized scientific categories", we will consider the content and logical relationship of the categories "space" and "time".

Статья поступила в редакцию 18.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.
2. Загребин М. В., Буренков С. В. О первостихии разумного категориального способа мышления // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов IV Международной научной конференции, г. Москва, 20 ноября 2020 г. / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2020. С. 140–146.
3. Колесниченко Ю. В. Методологический инструментальный научного исследования: способы и подходы // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 215–222.
4. Концепция модернизации системы дополнительного профессионального педагогического образования Новосибирской области / В. Я. Синенко, И. Л. Беленок, А. Н. Величко, М. Г. Волчек // Сибирский учитель. 2011. № 4 (77). С. 22–28
4. Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 148–158.

¹ Большой толковый словарь русских существительных / сост. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2008. С. 303.

² Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия: учебник. М.: Эксмо, 2005. С. 501.

5. Песоцкий В. А., Колесниченко Ю. В. Исследование и его роль в научном познании // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 322–332.
6. Полицинский Е. В., Похоруков О. Ю., Синенко В. Я. Актуальные проблемы отечественного технического образования и возможные пути их решения // Сибирский учитель. 2021. № 6 (139). С. 5–12.
7. Синенко В. Я. Современная модель повышения квалификации работников образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2009. № 1 (1). С. 91–93.
8. Ivinskaya E. Y., Nikitin A. A., Sinenko V. Y. Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational Services // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 65–69.

REFERENCES

1. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 noyabrya 2021 g.* [Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 106–116.
2. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [About the First Element of a Reasonable Categorical Way of Thinking]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 20 noyabrya 2020 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the IV International Scientific Conference, Moscow, November 20, 2020]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2020, pp. 140–146.
3. Kolesnichenko Yu. V. [Methodological Tools for Scientific Research: Methods and Approaches]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 215–222.
4. Sinenko V. Ya., Belenok I. L., Velichko A. N., Volchek M. G. [The Concept of Modernization of the System of Additional Professional Pedagogical Education in the Novosibirsk Region]. In: *Sibirskiy uchitel'* [Siberian Teacher], 2011, no. 4 (77), pp. 22–28.
5. Maykova V. P., Gorbunov V. S., Namestnikova I. V. [Systemic Approach as a Basis for Scientific Methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2019, no. 1, pp. 148–158.
6. Pesotsky V. A., Kolesnichenko Yu. V. [Research and Its Role in Scientific Knowledge]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 322–332.
7. Politsinsky E. V., Pohorukov O. Yu., Sinenko V. Ya. [Current Problems of Modern Russian Education and Possible Ways to Solve Them]. In: *Sibirskiy uchitel'* [Siberian Teacher], 2021, no. 6 (139), pp. 5–12.
8. Sinenko V. Ya. [Present-Day Model of Skills Level Improvement of Educational Personnel]. In: *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], 2009, no. 1 (1), pp. 91–93.
9. Ivinskaya E. Y., Nikitin A. A., Sinenko V. Y. Development of Competitive Relations in the Russian Market of Educational Services. In: *International Review of Management and Marketing*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 65–69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, Federal State University of Education.

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Danijela Kostadinovic – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Faculty of Philosophy, University of Niš (The Republic of Serbia);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Vasily L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Faculty of Humanities, HSE University;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Victor P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Humanities, The Military Academy of Strategic Rocket Troops after Peter the Great;

e-mail: v_berkut@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

Костадинович Даниэла – доктор филологических наук, доцент факультета философии Университета Ниша (Республика Сербия);

e-mail: danijela.kosladinovic@filfak.ni.ac.rs

Курабцев Василий Леонидович – доктор философских наук, доцент, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

e-mail: kurabtsev@mail.ru

Беркут Виктор Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого;

e-mail: v_berkut@mail.ru

FOR CITATION

Bondareva Ya. V., Kostadinovich D., Kurabtsev V. L., Berkut V. P. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part IV. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-6-14

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part IV / Я. В. Бондарева, Д. Костадинович, В. Л. Курабцев, В. П. Беркут // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-6-14

УДК 111

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-15-23

«РУКА ВСЕВЫШНЕГО» С ПОЗИЦИЙ ОНТОЛОГИИ

Елхова О. И., Кудряшев А. Ф.

Уфимский университет науки и технологий

450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить онтологическое содержание метафоры «рука Всевышнего» в различных философских и религиозных контекстах.

Процедура и методы. В качестве методологического основания в работе используется философско-онтологический подход, в рамках которого, в частности, производится сопоставление двух онтологических моделей, а именно иерархии слоёв бытия и троичной структуры реальности. В исследовании использованы элементы диалектической методологии: рассмотрение изучаемого объекта путём его противопоставления с антитезой, символизирующей негативные и деструктивные силы, которые противодействуют благоприятным проявлениям «руки Всевышнего». В работе применялся контекстный анализ употребления метафоры «рука Всевышнего» в различных философских и религиозных источниках.

Результаты. Уточнено использование метафорического выражения «рука Всевышнего» в религиозных контекстах для обозначения влияния Божественной силы на ход человеческих событий как фактора, выходящего за рамки предсказуемости и человеческого контроля и указывающего на глубокую связь между людьми и высшим порядком реальности. Выявлена корреляция понятия «рука Всевышнего» с религиозными и философскими концепциями. В частности, указанное понятие сопоставляется с идеей Божественной Провиденции св. Фомы Аквинского, а также с иерархической онтологией Н. Гартмана, в которой более высокие слои воздействуют на нижние, проявляя себя как своеобразное воздействие более высокой силы на различные аспекты реальности. Обнаружена взаимосвязь понятия «рука Всевышнего» с онтологической моделью, разработанной В. Н. Сагатовским и описывающей троичную структуру бытия (объективную, субъективную и трансцендентную реальности). В данной модели целостность бытия превышает онтологический статус каждого его типа, что позволяет интерпретировать такую целостность как своего рода вариант «руки Всевышнего». Обозначены перспективы для научного толкования метафоры «рука Всевышнего» на основе установок современной постнеклассической науки, включающей синергетические исследования в области хаоса и сложности.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в концептуализации онтологического содержания метафоры «рука Всевышнего», что расширяет философские представления об отношениях между человеком и трансцендентным. Результаты работы могут служить основой для дальнейшего развития понимания в области духовной стороны жизнедеятельности человека, для расширения горизонта современного философского дискурса о причинности, детерминизме и случайности.

Ключевые слова: Абсолют, детерминизм, индетерминизм, метафора, онтология, «рука Всевышнего», случайность, философия

“THE DIVINE HAND” IN ONTOLOGICAL CONTEXT

O. Elkhova, A. Kudryashev

Ufa University of Science and Technology

ul. Zaki Validi 32, Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

© CC BY Елхова О. И., Кудряшев А. Ф., 2024.

Abstract

Aim. The aim of this research is to identify the ontological content of the metaphor “the Divine hand” in various philosophical and religious contexts.

Methodology. As a methodological foundation in the work, a philosophical-ontological approach is utilized. Within this framework, a comparison is made, specifically, between two ontological models: the hierarchy of layers of being and the triadic structure of reality. Dialectical methodology is utilized to examine the metaphor’s usage, contrasting it with an antithesis symbolizing negative forces opposing the benevolent manifestations of the “the Divine hand” Contextual analysis of the metaphor’s usage in diverse philosophical and religious sources is applied in the research.

Results. The study clarifies the usage of the metaphorical expression “the Divine hand” in religious contexts to denote the influence of Divine power on human events beyond predictability and human control, indicating a profound connection between humans and a higher order of reality. A correlation between the concept of the “the Divine hand” and religious and philosophical ideas is identified. The concept is compared to the idea of Divine Providence in St. Thomas Aquinas’s philosophy and N. Hartmann’s hierarchical ontology, where higher layers influence lower ones, manifesting as a unique impact of a higher power on various aspects of reality. The study uncovers the connection between the concept of the “the Divine hand” and the ontological model developed by V. N. Sagatovsky, describing the triadic structure of being (objective, subjective, and transcendental reality). In this model, the integrity of being surpasses the ontological status of each type, allowing the interpretation of such integrity as a kind of “the Divine hand”. Perspectives for the scientific interpretation of the metaphor “the Divine hand” are outlined based on the principles of contemporary postclassical science, including synergistic studies in the realms of chaos and complexity.

Research implications. Theoretical and practical significance lies in conceptualizing the ontological content of the metaphor, expanding philosophical notions about the relationship between humans and the transcendental. The results can serve as a foundation for further development of understanding in the realm of the spiritual aspects of human life, contributing to the broadening of the horizon in contemporary philosophical discourse on causality, determinism, and randomness.

Keywords: Absolute, determinism, indeterminism, metaphor, ontology, “the Divine hand,” chance, philosophy

Введение

В литературе и искусстве метафора «рука Всевышнего» часто используется для создания сильных образов и символов. Исследование данной метафоры представляет собой актуальную задачу, поскольку расширяет понимание культурных и литературных контекстов, где данная метафора присутствует. В аспекте философии метафора предоставляет почву для обсуждения онтологических и метафизических вопросов. Её анализ способствует раскрытию различных философских вопросов, например, таких как свобода воли и отношение человека к высшим силам.

С позиций многих онтологических концепций реальность предстаёт как многослойная структура бытия, где каждый

уровень обладает уникальными свойствами и законами. Обращение к онтологическим моделям открывает новые перспективы для исследования метафоры «рука Всевышнего».

Для более глубокого понимания содержания метафоры «рука Всевышнего» также можно обратиться к постнеклассической науке, особенно к областям исследования хаоса и сложности. В этом контексте случайность приобретает новый смысл, становясь неотъемлемой частью изучения природы реальности. Так, теория хаоса анализирует поведение динамических систем со сложным и непредсказуемым характером, где малейшие изменения могут привести к существенным различиям в будущем.

Обозначение влияния Божественной силы

Мы ставим своей задачей проанализировать онтологический смысл того, что в литературе называется «рукой Всевышнего». Напомним, что само по себе выражение «рука Всевышнего» первоначально использовалось при описании военной победы русских войск, давшей далеко не сразу и с большим трудом, в чём можно было усмотреть вмешательство высшей силы [7]. Оборот речи «рука Всевышнего отечество спасла» стал популярным после появления драмы Н. В. Кукольника под таким же названием в 1832 г. (поставлена на сцене в 1834 г.). Однако автором его следует считать драматурга со сложной жизненной судьбой Владислава Александровича Озерова. В его трагедии «Димитрий Донской» (1807 г.), многократно ставившейся на сцене Александринского театра и дающей картину Куликовской битвы, «рука Всевышнего» появилась впервые¹. Приведём соответствующий отрывок из пьесы (сохранена орфография русского языка начала XIX в.), представляющий собой фрагмент прямой речи одного из действующих лиц трагедии боярина Московского:

«Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоит противу сей десницы?
Она съ торжественной срывает колесницы
Кичливого душей, среди самих побѣдъ;
И гордый какъ скала кремнистая падеть»².

Метафора прижилась и получила распространение за пределами победных сражений. В частности, в религиозно-православном контексте выражение «рука

Всевышнего» обычно интерпретируется как метафорическое описание вмешательства или влияния Божественного начала на ход человеческой жизни. Вне религиозного контекста в философии это выражение обозначает тот фактор, который выходит за рамки формальной логики и предсказуемости и включает в себя элемент случайности. При таком толковании «руки Всевышнего» случайность является проявлением трансцендентного порядка, который превышает ограниченные человеческие понятия предсказуемости и контроля. «Рука Всевышнего» указывает на присутствие более высокой силы или порядка, которые влияют на ход событий и которые могут быть восприняты как божественные только в том смысле, что они превосходят наше непосредственное понимание. Этот онтологический элемент подчёркивает неотъемлемую связь между человеческим существом и высшим Абсолютом, указывая на присутствие более глубоких уровней реальности, которые мы можем только частично понять и описать.

Во многих религиозных традициях исход вроде бы безнадежных дел зачастую объясняется и интерпретируется как вмешательство «руки Всевышнего». Это предполагает, что в ситуациях, которые кажутся безвыходными для человека, божественное вмешательство может обеспечить неожиданный поворот к лучшему. Следует отметить, что человек, безусловно, может надеяться на такую помощь, но гарантий никаких нет. Следует также понимать, что Божественное действие не проявляется в мелочах.

В контексте философии, а вместе с ней и в онтологии, понятие «рука Всевышнего» не так часто встречается. Тем не менее, в ряде философских традиций, особенно в Средневековой философии, соответствующие концепции мы всё же можем найти. Например, в философии св. Фомы Аквинского есть идея Божественной Провиденции, которая управляет всеми событиями в мире, включая и «случайные». В своём обширнейшем трактате «Сумма теологии» мыслитель отмечает, что Бог управ-

¹ Озеров В. А. Димитрій Донской. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ Санктпетербургѣ: Въ Типографіи Императорскаго театра, 1807. 82 с. (на титуле автор не указан; указание на него появляется лишь на 10-й странице пронумерованных страниц в обращении автора к Императору Александру Павловичу, которому трагедия и посвящается; нумерация страниц начинается с текста пьесы).

² Озеров В. А. Димитрій Донской. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ Санктпетербургѣ: Въ Типографіи Императорскаго театра, 1807. С. 71.

ляет всеми существами, всеми событиями и обстоятельствами, достигая своих целей. Хотя люди имеют свободу выбора, но Бог в состоянии предусмотреть и включить их свободные действия в свой божественный план, поскольку Он в своём могуществе превосходит привычное для человека пространство и время. Таким образом, для Фомы Аквинского Божественная Провиденция является ключевым принципом, объясняющим порядок и назначение всего существующего. Бог не только создатель всего, что существует, но и активный участник в жизни созданного им мира, направляя его к конечной цели [1].

Стоит отметить, что существует продолжительная дискуссия среди мусульманских учёных о наличии рук у Аллаха. Так, аргументы «За» в этом вопросе придерживаются буквальных упоминаний о руках Аллаха в Священном Коране и хадисах, указывают на то, что эти упоминания подразумевают фактическое существование рук у Бога. Доводы «Против» настаивают на метафорическом и символическом толковании этих упоминаний, утверждая, что они удостоверяют могущество и силу Аллаха, а не его физическую природу. В настоящее время эта дискуссия продолжается в различных интерпретациях и толкованиях¹.

Онтологические модели

Согласно многим онтологическим концепциям, реальность организована в виде слоёв бытия, каждый из которых обладает своими собственными уникальными свойствами и законами. Эти слои бытия включают в себя как материальные, так и нематериальные элементы, и каждый из них играет важную роль в структуре общей реальности. Так, Н. Гартман разработал подробную онтологическую систему с четырьмя уровнями реального бытия, которые он назвал «слоями реальности»: не-

органический, органический, психический и духовный. Согласно Н. Гартману, в иерархии слоёв каждый следующий слой бытия построен на основе предыдущего, но при этом обладает уникальными свойствами и законами. Это обусловлено особыми качествами каждого слоя, которые определяют его своеобразие и неповторимость. Таким образом, концепция слоёв бытия Н. Гартмана представляет собой сложную и многоуровневую картину мироздания, в которой каждый слой играет свою роль и обладает своими особенностями [4; 5]. Если более низкие слои служат фундаментом более высоких слоёв, то обратная связь между ними тоже должна себя проявлять, и поскольку каждый наслаиваемый уровень более свободен в своём бытии, то его влияние на более низкие слои выглядит для этих последних как игра случая. Таково же и притом ещё более непредсказуемо воздействие реального бытия как целого на все свои составные уровни. Во всём этом можно видеть онтологическое обоснование «руки Всевышнего».

Представляет значительный интерес другая онтологическая модель, разработанная В. Н. Сагатовским, в которой бытие изображается как неотделимое соединение его основных слоёв, образующих троичную структуру: реальности объективная, субъективная, трансцендентная. Объективная реальность отграничена от субъективной реальности и зависит от повторяемых внешних взаимодействий с другими объектами существования. С другой стороны, существование субъективной реальности вытекает из интерпретационного ядра внутреннего мира индивида, его субъективной апперцепции. В то время как субъективная реальность основывается на внутреннем принципе, обрабатывающем информацию о мире, трансцендентность служит источником этого принципа, обеспечивая целостность как Вселенной в целом, так и отдельного индивида. Таким образом, для субъекта трансцендентное обеспечивает опыт присутствия в духовном единстве, отражающем целостность более высокого онтологического порядка [9; 10]. Ранее мы

¹ Две руки Аллаха [Электронный ресурс]. URL: <https://e-minbar.com/suleyman-ashqar-aaeeda/bazhestvennye-atributy-v-korane-i-sunne/dve-ruki-al-laha?ysclid=lrkzfggyxx261195105> (дата обращения: 07.10.2023).

неоднократно подчёркивали плодотворность той типологии бытия, которая была осуществлена В. Н. Сагатовским. Теперь же подчеркнём, что эта типология не является застывшей схемой, её можно развивать, и один из путей такого развития мы видим в конкретизациях и уточнениях «внутреннего» мира каждого из трёх выделенных Валерием Николаевичем типов бытия. Проблемным остаётся присутствие «всего во всём», т. е. все они обособлены друг от друга весьма относительно, т. к., будучи самостоятельными типами, вместе с тем они друг друга пронизывают, что заставляет считать типологию бытия, предложенную В. Н. Сагатовским, неиерархичной, чем она сильно отличается от типологии бытия Н. Гартмана. Но в ней есть целостность, онтологический статус которой превышает онтологический статус каждого типа бытия в отдельности, и тем самым именно целостность бытия и может быть интерпретирована в качестве интересующей нас «руки Всевышнего».

Феномен случайности

Если отвлечься от приведённых выше типологий, то можно заметить, что связь человеческого существа с высшим Абсолютом, возможно, проявляется в виде своего собственного слоя бытия, который включает в себя элементы как материального, так и нематериального мира. Этот слой бытия отличается своей глубиной и многомерностью, представляя собой нечто большее, чем просто совокупность отдельных элементов. На этом уровне реальности могут проявляться специфические закономерности, вызванные действиями Абсолюта. Они могут включать в себя неожиданные, непредсказуемые события или явления, которые в рамках обыденной реальности могут казаться случайными, но при предположении связей с глубинными слоями бытия могут быть принципиально объяснены своей погружённостью в трансцендентность. Таким образом, онтологическое изучение связей человека и Абсолюта может обогатить наше мировоз-

зрение, открывая новые перспективы для понимания бытия в его полноте и многообразии.

Феномен случайности играет ключевую роль в обозримой действительности благодаря своей внутренней ценности и свойству непредсказуемости. Тем не менее, важно отметить, что такое восприятие варьируется в зависимости от индивидуальных убеждений и религиозной принадлежности. В частности, некоторые философы могут видеть в таких обстоятельствах «руку Всевышнего», в то время как другие могут интерпретировать эти события как результат стечения обстоятельств, удачи или даже казуальной связи. Метафизика случайности в современной философии подразумевает дискуссионный характер обсуждения структуры реальности и её основных принципов [11]. В частности, дискуссионными остаются общие проблемы причинности, детерминизма, индетерминизма, а также более частные проблемы, порождённые современной квантовой механикой. Например, некоторые философы поддерживают детерминистский взгляд на мир, согласно которому все события предопределены их причинами. В этом контексте случайность представляется лишь как проявление нашего незнания о точных причинах событий. С другой стороны, индетерминистские взгляды утверждают, что не все события полностью определяются их причинами. Согласно такой точке зрения, случайность является важным метафизическим принципом, влияющим на структуру реальности.

Антитеза «руки Всевышнего»

То, что вмешательство «руки Всевышнего» несёт с собой, как правило, Благо, можно объяснить вершинным характером категории Блага, которую надо именовать поэтому с большой буквы. Но, конечно, целостность и полнота Абсолюта с его воздействием на своё содержание, или свободная игра более высокоорганизованного слоя с менее совершенным слоем бытия, тем более игра трансцендентного на-

чала в имманентных слоях бытия вовсе не обязана иметь благостный характер всегда и для всех. Для таких случаев метафора «руки Всевышнего» явно не подходит. Это не те события, которые характеризуют конфликтные ситуации и их исходы [8], например, когда победа одной стороны означает поражение другой стороны («рука Всевышнего» помогает лишь победителю, но Благо она несёт и тем, и другим, и победителю, и побеждённому, хотя каждому из них своё Благо). Впрочем, полнота и вседозволенность Абсолюта, его влияние на свои составляющие, взаимодействие более развитых слоёв бытия с менее развитыми, в особенности роль трансцендентного начала в имманентных уровнях существования, не всегда могут приносить Благо для каждого. Тут имеются в виду плохо предсказуемые события тотального бедствия, всеобщей катастрофы, принципиально страшные и ужасающие, для происхождения которых можно ввести антипод «руки Всевышнего», некую злобствующую когтистую лапу. Откровенно говоря, для её именования просто не хочется подыскивать адекватного выражения, поэтому мы были бы склонны обойтись лишь намёком, о чём идёт речь. И всё же думаем, что словосочетание «когти Дьявола» способно создать мощный и яркий образ, который может служить прекрасной антитезой «руки Всевышнего». Он может символизировать Зло, разрушение, внезапные бедствия, искушение или негативные силы в более широком смысле.

Предлагаемая метафора как воплощение активности Зла в состоянии быть особенно эффективной в литературе, философии, искусстве или религиозных текстах. Если «рука Всевышнего» символизирует Благо и помощь, то «когти Дьявола» представляют собой негативные или деструктивные силы, которые также способны играть ощутимую роль в нашей жизни. Это могут быть события или ситуации, наполненные бедствием, несчастьем или разрушением. Примерами служат войны, кризисы или любые другие ситуации, вызывающие глубокое человеческое страда-

ние и влекущие разрушения. В таких контекстах «когти Дьявола» могли бы быть интерпретированы как беспощадная или хаотическая сила, влияние которой часто ведёт к неблагоприятным результатам. Важно отметить, что эта метафора используется нами для обозначения идеи и не обязательно связана с каким-либо религиозным или духовным представлением. Мы используем её просто в качестве способа выразить две противоположные силы или влияния, которые могут присутствовать в жизни человека. Обратим внимание, что множественное число «когтей Дьявола» косвенно соответствует гипотезе о более частых столкновениях человека с силами Зла, чем с «рукой Всевышнего», единственное число которой подчёркивает случайный характер всегда счастливых проявлений подлинного Блага.

Современная постнеклассическая наука

В конце XX – начале XXI вв. происходят коренные изменения в основаниях научного знания и деятельности, итогом чего явилось рождение постнеклассической науки, где возрастает значение междисциплинарных исследований и комплексных программ, разрабатываются идеи синергетики. Актуальными стали исследования объектов, предстающих как открытые и саморазвивающиеся системы, а научное знание с необходимостью соотносится с общественным бытием, культурой, историей и трактуется находящимся в нераздельном единстве с ценностями и мировоззрением в целом [6].

Для научного объяснения того содержания, которое в зародыше содержится в метафоре «руки Всевышнего», можно привлечь данные постнеклассической науки, которая включает в себя современные исследования в области хаоса и сложности и в которой роль случайности получила новое осмысление и значительное расширение.

Случайность современной наукой не только признаётся, но и активно используется как важный и неотъемлемый элемент

изучения и понимания природы реальности. Так, теория хаоса исследует поведение динамических систем, которые могут проявлять сложное и непредсказуемое поведение даже при наличии детерминированных уравнений движения. В таких системах малые изменения в начальных условиях могут привести к значительным различиям в поведении системы в будущем и к такому явлению, которое известно как эффект «бабочки». Всё это делает случайность важной характеристикой исследования динамических систем.

Теория сложности является областью науки, которая занимается изучением сложных и сверхсложных систем и структур. Целью этой теории является понимание, как относительно простые элементы взаимодействуют, чтобы создавать более сложные поведенческие паттерны и структуры. Сложные системы обычно проявляют эмерджентные свойства, которые не могут быть полностью объяснены через свойства отдельных элементов системы. Это означает, что «целое» больше, чем просто сумма его частей. Такие системы обычно бывают неоднородными и многоуровневыми. Они включают в себя элементы и взаимодействия разных масштабов на множестве несводимых друг к другу уровней. Как совершенно верно подчёркивают В. И. Аршинов и В. Я. Свирский, мы фактически имеем дело с качественно новым, постнеклассическим понятием сложности,

для обозначения которого предлагается термин «сложность» [2; 3]. И во всём этом можно видеть направление для научного объяснения того эффекта, который метафорически обозначается выражением «рука Всевышнего».

Таким образом, современная постнеклассика представляет собой обширное поле исследований, где метафора «рука Всевышнего» находит своё дополнительное объяснение.

Заключение

Таким образом, в работе рассмотрены философско-онтологические аспекты метафоры «рука Всевышнего». Проанализированы философские и религиозные контексты, в которых эта метафора находит своё использование. Выявлено, что «рука Всевышнего» может интерпретироваться как проявление трансцендентного порядка, выходящего за рамки человеческой логики и предсказуемости. Подчеркнём значимость онтологического изучения связей человека и высших сил, намечающего новые горизонты для понимания бытия в его полноте и многообразии. Дискуссии в современной философии о причинности, детерминизме и случайности также придают актуальность интересующей нас проблематике и служат основой для её дальнейших разработок.

Статья поступила в редакцию 25.11.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аквинский Ф. Сумма Теологии. Ч. 1. Вопр. 1–43 / пер. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. Киев: Эльга: Ника-Центр; М.: Элькор-МК, 2002. 559 с.
2. Аршинов В. И. Наука как когнитивно-семиотический процесс в оптике парадигмы мышления-вместе-со-сложностью // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2 (36). С. 81–94.
3. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель // Человек. 2019. Т. 30. № 2. С. 130–153.
4. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. Ю. В. Медведева. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
5. Гартман Н. Старая и новая онтология / пер. Д. Мироновой // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1988. С. 320–324.
6. Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. Парадигмальное развитие науки // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 537–538.
7. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. К онтологии искусства // Современная онтология X: Онтология и искусство: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2021 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2022. С. 16–19.

8. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Социальный конфликт как средство познавательной деятельности // Великий Октябрь – время перемен: сборник научных докладов Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Октябрьской революции и 100-летию образования БАССР. Уфа: Башкирский государственный университет, 2018. С. 176–181.
9. Сагатовский В. Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. 123 с.
10. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 232 с.
11. Шипилов А. И. К проблеме онтологии объективной случайности // Вестник Российского философского общества. 2021. № 1–2 (95–96). С. 107–117.

REFERENCES

1. Aquinas Th. Summa theologiae (Rus. ed.: Eremeeva S. I., Yudina A. A., transl. *Summa Teologii. Ch. 1. Vopr. 1–43*. Kiev, El'ga, Nika-Centr Publ., Moscow, El'kor-MK Publ., 2002. 559 p.).
2. Arshinov V. I. [Science as a Cognitive-Semiotic Process in the Optics of the Thinking-Together-with-Complexity Paradigm]. In: *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxema. Problems of visual semiotics], 2023, no. 2 (36), pp. 81–94.
3. Arshinov V. I., Svirsky Ya. I. [The Complex World and Its Observer]. In: *Chelovek [Man]*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 130–153.
4. Hartmann N. Zur grundlegung der ontologie (Rus. ed.: Medvedev Yu. V., transl. *K osnovopolozheniyu ontologii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 640 p.).
5. Hartmann N. Alte und neue Ontologie (Rus. ed.: Mironova D., transl. *Staraya i novaya ontologiya*. In: *Istoriko-filosofskij ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 320–324).
6. Elhova O. I., Kudryashev A. F. [Paradigmatic Development of Science]. In: *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2021, no. 12 (163), pp. 537–538.
7. Kudryashev A. F., Elhova O. I. [Towards the Ontology of Art]. In: *Sovremennaya ontologiya X: Ontologiya i iskusstvo: sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya – 2 iyulya 2021 g.* [Modern Ontology X: Ontology and Art: Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, June 28 – July 2, 2021]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation Publ., 2022, pp. 16–19.
8. Kudryashev A. F., Elhova O. I. [Social Conflict as a Means of Cognitive Activity]. In: *Velikij Oktyabr' – vremya peremen: sbornik nauchnykh dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 100-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii i 100-letiyu obrazovaniya BASSR* [The Great October Revolution – A Time of Change: A Collection of Scientific Reports of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of the October Revolution and the 100th Anniversary of the Formation of the BASSR]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2018, pp. 176–181.
9. Sagatovsky V. N. *Triada bytiya (vvedenie v nemetafizicheskuyu korrelyativnuyu ontologiyu)* [The Triad of Being (Introduction to Non-Metaphysical Correlative Ontology)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 123 p.
10. Sagatovsky V. N. *Filosofiya antropokosmizma v kratkom izlozhenii* [Philosophy of Anthropocosmism in Brief]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005. 232 p.
11. Shipilov A. I. [On the Problem of the Ontology of Objective Randomness]. In: *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2021, no. 1–2 (95–96), pp. 107–117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елхова Оксана Игоревна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

Кудряшев Александр Федорович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: philozof@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana I. Elkhova – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology;
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

Alexander F. Kudryashev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology;
e-mail: philozof@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Елхова О. И., Кудряшев А. Ф. «Рука Всевышнего» с позиций онтологии // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 15–23.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-15-23

FOR CITATION

Elkhova O. I., Kudryashev A. F. “The Divine Hand” in Ontological Context. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 15–23.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-15-23

УДК 167.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-24-32

НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕОЛОГИИ

Мусин А. И.^{1,2,3}¹Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»

127994, г. Москва, пер. Вадковский, д. 1, Российская Федерация

³Московская духовная академия Русской Православной Церкви

141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить научно-методологические подходы и научные методы, которые можно использовать в православной теологии как научной дисциплине для получения научных результатов.

Процедура и методы. Используя поисковый метод и метод критического анализа, проведён обзор работ современных авторов, посвящённых общей методологии и методологии теологии в частности.

Результаты. Сформулированы и описаны научно-методологические подходы для теологических исследований: системный, структурный, категориальный, нарратологический, постструктуралистский. Описаны научные методы: источниковедения, герменевтический, биографизма – как возможные для применения.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в помощи исследователю в области теологии на фазе планирования и составления программы научных исследований.

Ключевые слова: герменевтика, деконструкция, доксология, методология теологии, нарратологический подход, постструктуралистский подход.

SOME POSSIBLE APPROACHES RELATING TO METHODOLOGY OF SCIENCE IN ORTHODOX THEOLOGY

A. Musin^{1,2,3}¹Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Moscow State University of Technology "STANKIN"

per. Vadkovsky 1, Moscow 127994, Russian Federation

³Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church

Trinity-Sergius Lavra, Academy, Sergiev Posad 141300, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine scientific and methodological approaches which can be used in the Orthodox theology as an academic discipline to obtain scientific results.

Methodology. Using the search method and the method of critical analysis, a review of the modern authors' works devoted to general methodology and the methodology of theology in particular was carried out.

Results. Systemic, structural, categorical, narratological, post-structural approaches for theological research relating to methodology of science are formulated and described. Source study method, hermeneutic, biographical method are described as possible for application.

Research implications. The current study facilitates scientific research in the field of theology during the planning and defining the research agenda.

Keywords: deconstruction, doxology, hermeneutics, methodology of theology, narratological approach, post-structuralist approach.

Введение

В 2015 г. среди специальностей ВАК, по которым присуждаются степени доктора и кандидата наук, появилась специальность 26.00.01 – Теология. В 2022 г. вступил в силу новый перечень паспортов научных специальностей, теперь вместо одной специальности «Теология» присутствуют три: 5.11.1 – Теоретическая теология, 5.11.2 – Историческая теология, 5.11.3 – Практическая теология. Однако перед введением теологии как научной специальности в современной России возникли споры о том, как следует понимать научную дисциплину «теология» [8]. Основную критику можно сформулировать в виде следующих основополагающих вопросов [19]:

1) как можно создавать кафедры и факультеты теологии в вузах, если в советской и современной России отсутствовала эта традиция?

2) что является предметом изучения теологии, могут ли результаты, полученные в результате теологических исследований, быть воспроизведены другими исследователями?

3) существует ли собственная методология теологии, и если да, то какие научно-методологические подходы и научные методы можно использовать?

На первый и второй вопросы можно дать следующие ответы. Исторически традиция теологии как университетской дисциплины в XX–XXI вв. в России отсутствовала, однако традиция вполне может быть создана на основе дореволюционного опыта духовных учебных заведений Российской империи и многовекового опыта европейских университетов. Отметим в связи с этим книгу И. В. Понкина [14], который собрал опыт правового регулирования факультетов теологии в европейских университетах, часть этого опыта наверняка может быть востребована в российском

образовательном пространстве. А предметом теологии могут быть религиозный опыт людей, учение религиозных организаций, которые отражаются на материальных носителях (рукописи, аудиозаписи, археологические находки и т. д.), а значит, выводы исследователя могут быть проверены и подвергнуты научной критике.

Третий вопрос более серьезный, он обсуждался и обсуждается внутри уже существующего богословского сообщества в России, например, в работах К. М. Антонова [2; 3], священника А. А. Васильева [5], игумена Серапиона (Митько) [10], протоиерея К. О. Польского [12; 13] и др. Действительно, научные результаты могут быть получены только в рамках научной методологии. Если предметное поле теологии сужать до «системы обоснования учения о Боге, комплекс доказательств истинности догматики и религиозной морали» [11], то остро встанет вопрос о применимости научных методов.

Теология как научная дисциплина может использовать научные методы из других наук: философии, культурологии, истории, филологии и т. д. Вопрос о *специфическом* теологическом методе не так прост, однако К. О. Польсков [13] предлагает рассматривать его как процесс соотнесения богословских смыслов с сотериологическим идеалом традиции. Именно специфический богословский метод, а не система догматических утверждений, как отмечает К. О. Польсков, позволяет исследователю получать научно значимые результаты [12].

В христианской теологии принято выделять рационалистический компонент (логические рассуждения о Боге) и мистический (Богообщение в молитве) [18, с. 33–35], между которыми можно усматривать противоречие, поскольку для рационализма как раз требуется научная *методология*,

а для мистицизма – *доксология* (т. е. хваление). Архимандрит Кирилл (Говорун) отмечал опасность уклонения в ту или иную сторону, предлагая вдумчивое применение критического анализа без отказа от церковной традиции, ведь критический анализ не означает отрицания самого предмета анализа¹. По его мнению, «отрицание возможности критического анализа... – это отрицание богочеловечества Церкви, экклезиологическое монофизитство»².

В качестве примера разумного баланса рационализма и доксологии можно привести работу современного православного теолога Д. Б. Харта «Красота бесконечного». В ней автор, с одной стороны, проводит последовательную критику современной постмодернистской философии с позиции христианской метафизики, объявляя, что «дискурс фешенебельного постмодернизма делается неприятным и безвкусным для богословской рефлексии... из-за его неспособности вполне освободиться от мифов современности» [16, с. 9]. С другой стороны, Харт предлагает дискурс красоты как альтернативу дискурсу насилия, который выявили философы-постмодернисты, говоря, что намерение христианского дискурса – «стремиться вызывать у другого любовь, эстетический восторг, пленяющий (или, верней, освобождающий) своим сиянием» [16, с. 660].

Важной проблемой также становится выбор и обоснование методов теологического исследования, выполняемого в рамках диссертации на соискание степени доктора или кандидата теологии. В начале работы диссертант должен составить программу исследования, выбрать научно-методологический подход, в рамках которого он будет рассматривать объект исследования, подобрать комплекс методов в рамках научно-методологического подхода, которые будут использоваться для получения

научных результатов³. Всё сказанное выше обосновывает актуальность исследований в сфере методологии теологии.

Научно-методологические подходы в теологии

После того, как учёный-теолог определился с объектом исследования, ему необходимо выбрать научно-методологический подход к объекту, т. е. ответить на вопрос: каким я вижу этот объект?

Если исследователь смотрит на объект как на *систему*, т. е. совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определённую целостность, единство⁴, то этому ответу соответствует *системный* подход. Например, такой подход можно использовать при исследовании догматических систем религиозного сообщества или системы взглядов конкретного автора.

Если мы видим в объекте *структуру*, т. е. совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях⁵, тогда мы используем *структурный* подход. Он может использоваться, к примеру, при исследовании религиозной организации и практики религиозной жизни в истории.

Объект можно воспринимать как *категорию*, т. е. особую познавательную единицу, маркирующую реальность таким образом, что это позволяет использовать категории для организации мышления⁶. *Категориальный* подход, таким образом, может использоваться при исследовании природы и области применения религиозных категорий, например: *вера, благодать, грех, ересь, таинство* и т. д. Общенаучные методы в рамках категориального подхода разрабатывались

¹ Кирилл (Говорун), архим. К вопросу о богословском методе. В связи с дискуссией о «диссертационности» богословия // Правмир: [сайт]. 26.05.2017. URL: <https://www.pravmir.ru/k-voprosu-o-bogoslovskom-metode> (дата обращения: 11.08.2023).

² Там же.

³ Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. 227 с.

⁴ Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 552.

⁵ Структура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 647.

⁶ Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 64.

В. И. Разумовым и подробнее раскрывались Г. Д. Боуш. К ним относятся: *метод триадных сетей*¹, *метод категориального маятника*², *метод триадической дешифровки категорий*³ и др. Применение этих универсальных методов в теологии может в будущем дать много новых научных результатов.

В рамках трёх указанных подходов можно применять общенаучные методы: *критического анализа, сравнения, систематизации, реконструкции* и др. Применяя эти методы, необходимо учитывать и те факторы, которые не связаны напрямую с религиозным учением, в частности, при работе со священными текстами. К ним относятся лексические особенности речи и языка времени создания текстов, контекст слова или словосочетания, исторический и политический фон событий⁴.

Анализируя священные тексты, мы стремимся дать правильную интерпретацию и текста, и образов, которые предлагаются читателю. Но что значит «правильно»? Любой художественный текст может иметь множество интерпретаций, не говоря уже о священных текстах, к которым постоянно обращается живая религиозная традиция (переинтерпретируя эти тексты). В ситуации постоянно увеличивающегося числа интерпретаций всё труднее говорить о «правильных» интерпретациях, и, по мнению нидерландского философа Ф. Р. Анкерсмита, «чем более высококачественные интерпретации мы имеем, тем более скомпрометированным становится идеал “правильной” интерпретации» [1, с. 353]. Поэтому с точки зрения нарратологии Анкерсмита представляется более корректным говорить не о правильной или неправильной интерпретации, а о более качественной и менее качественной.

Хотя Анкерсмит изначально занимался нарративной философией истории [1], предложенные им тезисы возможно применить в

теологии. Таким образом, актуальным представляется использование *нарративного* научно-методологического подхода, в рамках которого объект исследования воспринимается как нарратив (повествование). Этот подход предполагает реконструкцию нарратива того или иного теолога.

Интересным и современным также нам представляется *постструктуралистский* научно-методологический подход, в рамках которого исследователь смотрит на объект и мир в целом как на «текст» – совокупность знаков языка, который абсолютизируется. Для постструктурализма как философского направления характерно отрицание понятия объективной истины. В рамках данного подхода основным методом является *метод деконструкции*, разработанный Ж. Деррида, в котором при взаимодействии текста, автора и читателя рождается значение.

Среди современных авторов, разрабатывающих этот подход, можно назвать священника А. С. Волчкова. Он отмечает, что деконструкция «не обрекает христианство на необходимость разрыва с метафизической традицией» [6]. В рамках метода деконструкции предлагается рассматривать такие традиционные метафизические термины, как «Бог», «смысл», «Библия», «Логос», «разум», «начало», в *перечёркнутом* состоянии – т. е. использовать их исключительно в негативном ключе, чтобы более полно осмыслить феноменологию религиозного опыта, который выходит за метафизические рамки. Таким образом, метод деконструкции предлагает теологу уход в новую апофатику, в которой Бог является героем библейского нарратива.

Во многих современных работах православных теологов можно встретить ссылку на церковный авторитет и традицию. Например, игумен Виталий (Уткин) пишет: «в применении к православному христианству ... Церковь ... является конечным критерием восприятия теологом предмета своего исследования», «позиция исследователя начинает определяться иным, вертикальным по отношению к истории и культуре измерением бытия, опытно постигаемым в таинствах, молитвенной жизни и интеллек-

¹ Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 89.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 172.

⁴ Панищев А. Л. Методология и история теологии: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 28.

туальной деятельности» [15, с. 177]. В такого рода обоснованиях мы видим проблему, ведь получается, что результаты исследования не могут быть воспроизведены или хотя бы осмыслены вне церковной среды.

Попытка сформулировать более рационально *конфессиональный* (церковный) научно-методологический подход наталкивается на ряд трудностей. Можно предложить в рамках этого подхода получать научные результаты, извлекая их из Предания и сравнивая их с Преданием. Однако, что есть Предание? Если это, по В. Н. Лосскому, жизнь, сообщающая каждому члену Тела Христова (т. е. Церкви) способность слышать, принимать, познавать Истину в присущем ей свете, а не в естественном свете человеческого разума [9, с. 682], то теология становится мистической и ненаучной.

Если определить Предание как корпус текстов, собранных на основании, например, коллегиального утверждения их законной церковной властью, то мы возьмём определение семи Вселенских соборов, поместных соборов второго тысячелетия, принятые всеми поместными православными церквями. Однако данные тексты не охватывают круг всех теологических вопросов, особенно тех, что ставит перед нами современная действительность, кроме того, статус некоторых текстов вызывает дискуссии среди православных богословов – например, это касается т. н. символических книг¹, которые фактически были приняты всей полнотой православной церкви, но не всеми считаются обязательными с вероучительной точки зрения².

¹ К ним относятся: 1) Православное Исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной; 2) Послание Патриархов Восточно-Кафолической Церкви о Православной вере. Подробнее см. Булгаков М., митр. Введение в православное богословие. СПб.: Б. и., 1897. С. 415–418, § 151.

² Критический взгляд на символические книги проявился у православных богословов XX в., которые воспринимали их как продукт «латинского пленения» и отрыва от учения святых отцов. См. подпр.: Кривошеин В., архиеп. Символические тексты в Православной Церкви // Кривошеин В., архиеп. Богословские труды / сост., авт. вступ. диак. Александр Мусин. Нижний Новгород: Сардоникс, 2011. С. 452. Флоровский Г., прот. Пути русского

Способом определить истинность тех или иных богословских утверждений в рамках конфессионального подхода могло бы быть обращение к *consensus patrum* (согласию отцов), т. е. к тем богословским мнениям, которые разделяются многими признанными церковью святыми³. Принцип согласия отцов был сформулирован в V в. преподобным Викентием Лирийским⁴ и до сих пор используется в исследованиях, например [17]. Однако такой подход упирается в ряд трудностей: большое количество святоотеческих текстов, применимость только к догматическим вопросам. Эти и другие проблемы *consensus partum* обсуждались в диспуте между иереем Георгием Максимовым и А. Г. Дунаевым⁵, состоявшимся в 2016 г.

Таким образом, хотя мистический аспект в теологии неизбежен, тем не менее, необходимо использовать научно-методологические подходы, наиболее понятные широкому кругу исследователей как внутри церковного сообщества, так и за его пределами.

В поисках научных методов для теологических исследований

Поскольку религиозное учение фиксируется в определённых источниках, необходимо отметить *метод источниковедения* как основополагающий при работе с любыми источниками. В рамках данного метода необходимо: 1) установить информационные возможности источника, т. е. сколько фактических данных можно из него извлечь по интересующему нас исследовательскому вопросу, насколько эти данные полны, достоверны, актуальны; 2) дать оценку значения

богословия / отв. ред. О. Платонов. М., 2009. С. 72.

³ Богословское мнение // Православная энциклопедия: в 71 т. Т. 5. М.: Православная энциклопедия, 2002. С. 534.

⁴ Викентий Лирийский // Православная энциклопедия: в 71 т. Т. 8. М.: Православная энциклопедия, 2004. С. 416.

⁵ Максимов Г., иерей, Дунаев А. Г. Диспут «Существует ли *consensus patrum* в православном Предании?» // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Patrollogija/disput-sushestvuet-li-consensus-patrum-v-pravoslavnom-predanii> (дата обращения: 15.08.2023).

источника для науки с данной точки зрения¹. Характерной чертой метода источниковедения является критический подход, в котором выделяется *внешняя критика*, призванная ответить на вопрос, является ли источник подлинным, и *внутренняя критика*, определяющая достоверность источника².

Источниковедческое исследование разбивается на этапы: эвристический, текстологический, герменевтический³. Для теологических исследований можно было бы раскрыть их так:

1) *эвристический* – поиск и сбор источников, при этом в конфессиональной теологии учитывается вероучительный авторитет источника. Например, для православной церкви наивысшим вероучительным авторитетом являются постановления Вселенских соборов, затем – соборов поместных церквей, после – отдельные мнения святых отцов и других церковных авторов, и т. д.;

2) *текстологический* – «установление текста», т. е. прочтение источника и его буквальное понимание. Сюда же можно отнести разбор отдельных слов и словосочетаний, выяснение их богословского смысла из контекста, а также из ряда других близких текстов. Например, в библейских исследованиях, когда интересующее слово ищется в других местах исследуемой библейской книги или всего корпуса Священного Писания;

3) *герменевтический* – выяснение объёма, полноты, качества, достоверности, объективности полученных из источника сведений, научная оценка и перспектива использования в науке. Таким образом, источник необходимо истолковать для получения смыслов, понятий, категорий, соотношений и других форм научных результатов.

Совсем иначе говорит о герменевтике Е. А. Шульга, для неё *герменевтический* метод является отдельным научным методом, который используется для толкования священных текстов. Историческое развитие и современное состояние герменевтики из-

ложено в монографии [20]. В зависимости от подхода исследователя к объекту результаты, полученные при применении метода, могут быть следующими [20, с. 99].

1. *Аутентичное* толкование, которое исходит непосредственно от автора текста или от комментатора.

2. *Узаконенное* толкование, которое исходит не от законодателя, а от его последователя или от равного ему по законодательной силе, или от верховного авторитета. В качестве примера можно привести толкования, выпущенные собором церкви или авторитетными святыми отцами.

3. *Научное* толкование, в котором ценится не авторитет истолкователя, а весомость аргументов, точность соблюдения правил герменевтики, также зачастую необходимо учитывать исторический контекст, литературную форму библейской книги и цель её написания, филологические особенности языка оригинала.

Необходимо отметить, что, согласно православной традиции, священный характер текстов требует дополнительных правил истолкования, которые не применимы к остальным документам. Некоторые практические подходы и приёмы можно найти в книге А. С. Десницкого. В частности, он выделяет следующие этапы анализа [7, с. 195–198]:

1) ознакомление с текстом *в целом*;
2) выявление *экзегетических проблем* (непонимание первичного смысла, противоречие смысла отрывка смыслу контекста, существенное различие авторитетных толкований и др.);

3) определение *контекстов* (текстового, сюжетного, культурно-исторического);

4) определение *жанрового своеобразия*;

5) фиксация *текстуальных разночтений* и определение их влияния на понимание текста;

6) *лингвистический анализ*;

7) *литературно-риторический анализ* художественной составляющей;

8) формулирование *основных ответов* на интересующие вопросы;

9) оценка ответов с точки зрения *цены* (т. е. требуемых допущений), *качества*

¹ Русина Ю. А. Методология источниковедения: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский университет, 2015. С. 119.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 192.

(степени ясности) и сочетаемости с другими принятыми решениями.

Для составления агиографических материалов (житий), а также жизнеописаний богословов и церковных деятелей необходимо использовать методы биографических исследований. В современной науке [4] используют *метод экзистенциального биографизма*, в котором предполагается отказ от исторического контекста в пользу изучения взглядов героя биографии, его взаимодействие с исторической и социокультурной средой. Кроме того, применяется *метод персонального биографизма*, в рамках которого реконструируется личная жизнь индивидуума, изучается формирование и развитие внутреннего мира.

Заключение

В исследовании была сделана попытка рассмотреть проблему научной методологии для теологии как научной специальности в современной России. По результатам работы можно сформулировать следующие выводы.

Указана необходимость «среднего» пути между доксологией (хвалением) и методологией. Хотя доксологию сложно сделать научной в строгом смысле этого слова, тем не менее она позволяет успешно заявлять о христианстве в постметанарративной реальности.

В рамках строгой методологии не отрицается мистическая сторона теологии, но смещается акцент с созерцания Бога на мышление о Боге в рамках определённого понятийного аппарата. Рациональная теология применяется к истинам, сообщённым христианам в Откровении, через описание и осмысление того, каким образом обособляется мистический опыт Боговидения и Богообщения. Таким образом, исследуется не личный духовный опыт, не вписывающийся в рамки научности, а духовный опыт других людей, их восприятие Бога в интерпретации исследователя.

Было показано, что объект теологического исследования может пониматься в рамках различных научно-методологических подходов, для каждого из которых необходимо использовать свои научные методы. Нарратологический и постструктуралистский подходы являются новаторскими и перспективными в плане получения новых научных результатов, однако требуют дальнейшего осмысления и рецепции в церковной среде.

Были приведены и описаны некоторые научные методы других наук, которые можно использовать в научных исследованиях, среди них – метод источниковедения, герменевтический метод, методы биографизма.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Антонов К. М. Принцип методологического объективизма и позиция «точки зрения» в академическом исследовании религии: проблемы и перспективы // Религиоведческие исследования. 2020. № 2 (22). С. 118–132.
3. Антонов К. М., Польсков К. О., Смирнов М. Ю. Секуляризация и постсекулярность (к дискуссии о современном научном аппарате исследования религий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 105. С. 138–154.
4. Белавина А. А. Современные биографические исследования: методологические поиски и новые подходы // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2018. № 1 (14). С. 180–189.
5. Васильев А. А. Методы академической теологии (pro et contra Бернарда Лонергана) // Вопросы теологии. 2021. Т. 3. № 2. С. 254–266.
6. Волчков А. С. Постструктурализм и перспективы христианской метафизики // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 2. С. 181–188.

7. Десницкий А. С. Введение в библейскую экзегетику. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. 416 с.
8. Ершова И. И. Теология или «богословие 2.0»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 93–108.
9. Лосский В. Н. Боговидение / пер. В. А. Рещиковой. М.: АСТ, 2006. 759 с.
10. Митько А. Е. (игумен Серапион). Проблема метода в современной православной миссиологии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 2А. С. 5–15.
11. Овсиенко Ф. Г. Сферы изысканий религиоведения и теологии и специфика постижения ими рассматриваемых объектов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № S3. С. 48–60.
12. Польсков К. О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93–101.
13. Польсков К. О. Теологический метод vs метод в теологии // Философия и культура. 2015. № 9 (93). С. 1277–1285.
14. Понкин И. В. Теологический факультет государственного университета. Европейский опыт правового регулирования. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 212 с.
15. Уткин И. Н. (игумен Виталий). К вопросу о предмете и методе теологии (в применении к изданию журнала «Миссионерский сборник») // Теология и образование. 2018. № 1. С. 171–186.
16. Харт Д. Б. Красота бесконечного: эстетика христианской истины / пер. А. В. Лукьянова. М.: ББИ, 2022. 673 с.
17. Шатохин В. Догматы Церкви и частные мнения святых отцов // Богословско-исторический сборник. 2017. № 1 (9). С. 9–21.
18. Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. 460 с.
19. Штурбабин С. А., прот., Орлов М. О., Петрова К. Ю. Теологическое знание в светском образовательном пространстве: проблемы и пути развития диалога // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 2 (17). С. 59–80.
20. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor (Rus. ed.: Kukarcev M., Kolomoec E., Kashaev V., transl. *Istoriya i tropologiya: vzlyot i padenie metafory*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003. 496 p.).
2. Antonov K. M. [The Principle of Methodological Objectivism and the Position of the “Point of View” in the Academic Study of Religion: Problems and Prospects]. In: *Religiovedcheskie issledovaniya* [Religious Studies], 2020, no. 2 (22), pp. 118–132.
3. Antonov K. M., Pol'skov K. O., Smirnov M. Yu. [Secularization and Post-Secularity (On the Discussion about the Modern Conceptual Framework of Religious Studies)]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2023, no. 105, pp. 138–154.
4. Belavina A. A. [Modern Biographical Research: Methodological Search and New Approaches]. In: *Vestnik nauchnoj associacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Stadia Historica Jenium* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Graduate Students of the History Department of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Stadia Historica Jenium], 2018, no. 1 (14), pp. 180–189.
5. Vasiliev A. A. [Methods of Academic Theology (pro et contra Bernard Lonergan)]. In: *Voprosy teologii* [Issues of Theology], 2021, vol. 3, no. 2, pp. 254–266.
6. Volchkov A. S. [Poststructuralism and the Future of Christian Metaphysics]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2018, vol. 19, no. 2, pp. 181–188.
7. Desnitsky A. S. *Vvedenie v biblejskuyu ekzegetiku* [Introduction to Biblical Exegesis]. Moscow, Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University Publ., 2015. 416 p.
8. Ershova I. I. [Theology or “Theology 2.0”?]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Episode 7: Philosophy], 2020, no. 1, pp. 93–108.
9. Lossky V. N. *Ecole pratique des Hautes Etudes* (Rus. ed.: Reshchikova V. A., transl. *Bogovidenie*. Moscow, AST Publ., 2006. 759 p.).

10. Mit'ko A. E. [The Problem of Method in Modern Orthodox Missiology]. In: *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2019, vol. 8, no. 2A, pp. 5–15.
11. Ovsienko F. G. [Areas of Research in Religious Studies and Theology and the Specifics of Their Comprehension of the Objects under Consideration]. In: *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2009, no. S3, pp. 48–60.
12. Pol'skov K. O. [To the Question of the Scientific Theological Method]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 7, pp. 93–101.
13. Pol'skov K. O. [Theological Method vs Method in Theology]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture], 2015, no. 9 (93), pp. 1277–1285.
14. Ponkin I. V. *Teologicheskij fakul'tet gosudarstvennogo universiteta. Evropejskij opyt pravovogo regulirovaniya* [Theological Faculty of State University. European Experience of Legal Regulation]. Moscow, Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University Publ., 2006. 212 p.
15. Utkin I. N. [On the Question of the Subject and Method of Theology (As Applied to the Study of the Journal "Missionary Collection")]. In: *Teologiya i obrazovanie* [Theology and Education], 2018, no. 1, pp. 171–186.
16. Hart D. B. The Beauty of the Infinite: The Aesthetics of Christian Truth (Rus. ed.: Luk'yanov A. V., transl. *Krasota beskonechnogo: estetika hristianskoj istiny*. Moscow, BBI Publ., 2022. 673 p.).
17. Shatohin V. [Dogmas of the Church and Private Opinions of the Holy Fathers]. In: *Bogoslovsko-istoricheskij sbornik* [Theological and Historical Collection], 2017, no. 1 (9), pp. 9–21.
18. Shmonin D. V. *Tajna otveta: vvedenie v racional'nuyu teologiyu* [The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology]. St. Petersburg, St. Petersburg Theological Academy Publ., Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2021. 460 p.
19. Shturbabin S. A., Orlov M. O., Petrova K. Yu. [Theological Knowledge in the Secular Educational Space: Problems and Ways of Development Dialogue]. In: *Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary], 2022, no. 2 (17), pp. 59–80.
20. Shul'ga E. N. *Kognitivnaya germenevtika* [Cognitive Hermeneutics]. Moscow, IFRAN Publ., 2002. 235 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мусин Артем Игоревич – диакон, кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры фундаментальной физики и нанотехнологии Государственного университета просвещения; старший преподаватель кафедры физики Московского государственного технологического университета «СТАНКИН»; студент Московской духовной академии Русской Православной Церкви; e-mail: ai.musin@physics.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artem I. Musin – Deacon, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Senior Lecturer, Department of Fundamental Physics and Nanotechnology, Federal State University of Education; Senior Lecturer, Department of Physics, Moscow State University of Technology "STANKIN"; Student, Moscow Theological Academy of the Russian Orthodox Church; e-mail: ai.musin@physics.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мусин А. И. Некоторые возможные научно-методологические подходы в православной теологии // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 24–32.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-24-32

FOR CITATION

Musin A. I. Some Possible Approaches Relating to Methodology of Science in Orthodox Theology. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-24-32

УДК 111 + 165 + 81`3

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-33-433

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ВЕЩЕЙ: РАСПРЕДЕЛЁННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ЭКЗЕМПЛЯРЫ И УНИЦЕПТЫ

Сериков А. Е.*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование формирования и существования индивидуальных представлений людей о вещах и их связи с языковыми категориями.

Процедура и методы. Проанализированы сведения об исследованиях активности отдельных нейронов мозга, идеи теории когнитива и экземплярных теорий категоризации, философская концепция уницептов.

Результаты. Научные данные свидетельствуют об уникальности представлений каждого человека о вещах. Отдельным элементам субъективного опыта каждого человека соответствуют распределённые гиперсети нейронов. Языковые категории опираются на субъективный опыт взаимодействия с конкретными экземплярами. Коммуникация осуществляется не на основе всеобщих концептов, а на основе уникальных индивидуальных представлений – уницептов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Впервые в обобщённом виде формулируется идея распределённого кодирования значений, объединяющая то, как понимается кодирование значений вещей в нейропсихологии, в теориях категоризации, в концепции уницептов.

Ключевые слова: концепт, прототип, распределённое кодирование, семантика, уницепт, экземпляр

INDIVIDUAL UNDERSTANDING OF THINGS: DISTRIBUTED MEANINGS, EXEMPLARS, AND UNICEPTS

A. Serikov*Samara National Research University,
ul. Moskovskoe shosse 34, Samara 443086, Russian Federation*

Abstract

Aim. To explore the formation and existence of humans' individual representations of things and their connection to linguistic categories.

Methodology. The research incorporates analysis of data on the activity of individual brain neurons, ideas from the cognitome theory and exemplar theories of categorization, as well as the philosophical concept of unicepts.

Results. Scientific evidence suggests the uniqueness of each individual's representations of objects. Distributed hypernetworks of neurons correspond to specific elements of subjective experience for each person. Linguistic categories are based on subjective experience of interacting with specific exemplars. Communication is based not on universal concepts, but rather on unique individual representations – unicepts.

Research implications. For the first time, this study presents, in a generalized form, the idea of distributed coding of meaning, which combines the understanding of meaning encoding in neuropsychology, categorization theories, and the notion of unicepts.

Keywords: concept, prototype, distributed coding, semantics, unicept, exemplar

Введение

Цель статьи состоит в исследовании вопросов о том, как формируются и существуют индивидуальные представления людей о вещах, как они связаны с языковыми категориями. В 1892 г. в классической статье «Смысл и денотат» («Смысл и значение») Готлоб Фреге предложил чётко различать имя или знак вещи (Name, Zeichen), с одной стороны, саму вещь как денотат или значение этого имени (Bedeutung), с другой, и смысл имени или понятие вещи (Sinn), с третьей. Уточняя, что такое смысл, Фреге проводит ещё одну важную границу: между всеобщим объективным смыслом вещи и её индивидуальным представлением, её субъективным внутренним образом. При этом ни сам Фреге, ни многочисленные его последователи в области семиотики особо не интересовались индивидуальными представлениями как таковыми, концентрируя своё внимание на объективных смыслах, в реальности которых никто из философов и учёных вплоть до недавнего времени не сомневался.

Однако в 2005 г. Рут Гаррет Милликэн публично заявила, что «Фреге ошибся, постулируя нечто общее за пределами *Bedeutung*, которое схватывается умом каждого компетентного говорящего, использующего одну и ту же недвусмысленную языковую форму» [7, р. 66]. Согласно Милликэн, всеобщих фрегеанских смыслов не существует, а существуют лишь сами вещи, существуют естественные языковые конвенции, не требующие всеобщего единого понимания языка, и существуют уникальные индивидуальные представления (понимания, реакции), названные ей относительно недавно *уницептами* [12].

Если Милликэн в чём-то права и смыслы вещей не столь всеобщы, как мы привыкли считать, вопросы об индивидуальных представлениях вещей приобретает особую актуальность. Как формируются и каким образом существуют эти представления с точки зрения современной науки? Одна и та же вещь в представлении разных людей – это одна и та же вещь или разные вещи?

Если каждую вещь мы понимаем по-своему, как возможно взаимное понимание людей, разговаривающих о вещах? Как кодируются индивидуальные представления о вещах? Не рождается ли в ходе обсуждения этих вопросов ещё одна относительно новая идея о том, что такое значение?

Когнитом и нейронное кодирование когнитивной информации

В научно-популярной статье «Нейроны бабушки» нейрофизиологи Родриго Киан Кирога, Ицхак Фрид и Кристоф Кох вспоминают, что в 1969 г. Джерри Леттвин выдумал историю о гениальном русском нейрохирурге Акакии Акакиевиче, который по просьбе пациента удалил у него нейроны, содержащие память о назойливой матери, а затем стал искать нейроны, в которых закодирована память о бабушке пациента, чтобы удалить и их. С тех пор в течение 40 лет существование «нейронов бабушки» часто обсуждалось в нейронауке как гипотетическая непроверяемая возможность, но в последнее время ситуация изменилась. Выяснилось, что действительно существуют отдельные нейроны (точнее, группы нейронов), которые активны в тот момент, когда человек воспринимает некий объект, его видео или фото, его звучащее или написанное наименование. В частности, у одного из пациентов был обнаружен «нейрон Дженнифер Энистон», который активизировался только при предъявлении фото этой актрисы, но не фото других актрис и актёров, знаменитостей, каких-либо мест или животных. У ещё одного пациента был обнаружен нейрон, активизировавшийся только при предъявлении фото или написанного имени актрисы Хэлли Берри. Другой нейрон реагировал исключительно на фото и имя (написанное или произнесённое) телеведущей Опры Уинфри, ещё один нейрон – только на изображения или имя Люка Скайуокера¹. Эти и некоторые другие от-

¹ Quiroga R. Q., Fried I., Koch C. Brain Cells for Grandmother // Scientific American. 2013. Vol. 308. № 2. P. 30–35.

крытия были сделаны в результате применения Фридом и его коллегами методики исследования активности отдельных нейронов мозга путём внедрения в них микро-электродов [17].

Опираясь на подобные эмпирические факты, Константин Владимирович Анохин развивает новый подход к построению теории сознания, одна из основных идей которого состоит в том, чтобы «рассматривать мозг не как коннектом – нейронную сеть, а как когнитом – нейронную гиперсеть, состоящую из нейронных групп со специфическими когнитивными свойствами» [1, с. 39]. Группы, о которых идёт речь, – это сети нейронов, которые разряжаются одновременно, когда активизируется тот или иной элемент опыта, знаний, памяти. Они называются *когами*. Коги образуют устойчивые связи, в основе которых лежат общие нейроны, одновременно входящие в разные коги. Коги и их связи совместно образуют глубокую (многослойную) нейронную гиперсеть, называемую *когнитомом* и понимаемую как нейронный коррелят разума.

В 2022 г. в докладе на междисциплинарном семинаре в МГУ Анохин излагал свои идеи в следующих терминах: «Разум обладает зернистой структурой, он состоит из когнитивных элементов – *когов*. Коги опосредуют каузальные (информационные) соотношения целостного когнитивного агента с его средой. Коги образуют между собой устойчивые когнитивные связи – *локи*. Локи отражают причинные связи элементов и процессов в среде и в соотношениях когнитивного агента с ней. Коги и локи образуют единую когнитивную сеть – *когнитом*. Когнитом является носителем всего субъективного опыта когнитивного агента»¹. Тот или иной ког может быть связан с образом определённого объекта или события, определённой ситуа-

ции, и его активация в некоторый момент времени будет передаваться другим когам, в которых закодирована возможная реакция на данный объект или событие в следующий момент времени. «Иначе говоря, если активирован ког “собака”, это означает, что во внешнем мире существует некий объект, существо, которое соответствует этому когнитивному элементу. Это элемент знания о том, “что” в мире для этого когнитивного агента. Но эта же активация этой когнитивной группы несёт знание также и то, “как”, т. е. не только причину, но и эффект»².

И терминология, и отдельные тезисы данной теории постоянно развиваются и уточняются, но одна из идей сохраняется: языковые категории и их значения в идиолекте каждого конкретного человека могут быть поняты как распределённо закодированные сетью нейронов его головного мозга. Самого Анохина прежде всего интересует проблема соотношения разума и мозга; о проблеме того, что такое значение, он специально не говорит. Но, решая проблему «разум / мозг», Анохин буквально задаёт вопросы о нейронном коде: «Как мозг кодирует ментальные феномены?» Поэтому представляется, что на периферии теории когнитивного агента возникает относительно новое (для философии, лингвистики, семантики в целом) понимание значения языковых категорий. Его можно назвать *распределённо закодированным значением*.

Сам этот термин нельзя считать совершенно новым. Один из математических подходов к обработке естественного языка (natural language processing) состоит в том, чтобы кодировать значения слов векторами (наборами координат) в многомерном пространстве. Модели, использующие этот принцип, называют *распределёнными семантическими моделями* (Distributional semantic models – DSMs). Согласно Рэндаллу Джемисону, Джонатану Эйвери, Брендану Джонсу и Микаэлю Джоунсу, эти модели используются не просто в целях

¹ Анохин К. В. Гиперсетевой мозг: новое решение mind-brain problem: доклад на междисциплинарном семинаре факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова «Время. Субъект. Сознание. Деятельность» 11.05.2022 // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k8IIRydqKu4> (дата обращения: 30.05.2023).

² Там же.

компьютерного перевода или поиска информации, но для того, чтобы «объяснить, как люди преобразуют статистический языковой опыт первого порядка в глубокое знание репрезентаций значений слов» [4, p. 119]. Перспективы развития DSMs данные авторы связывают с применением в них *экземплярного* подхода к пониманию значения в естественных языках.

Экземплярный подход к пониманию значений

В «Трактате о принципах человеческого знания» (1710) Джордж Беркли критически оценивал суждение Джона Локка о том, что имеющие «общий характер» слова являются знаками общих абстрактных идей. Согласно Беркли, невозможно вообразить «треугольник вообще» или «человека вообще», но только конкретные разновидности треугольника или типы человека, представления о которых и обобщаются соответствующими словами. Поэтому Беркли считает, что общих абстрактных идей не существует, а соответствующие слова являются знаками множеств, объединяющих схожие частные идеи.

В 1951 г. в статье «Две догмы эмпиризма» Уиллард Куайн показал, что кантианское различие между аналитическими и синтетическими суждениями, с одной стороны, и вера эмпиристов в возможность сведения эмпирических понятий исключительно к данным непосредственного опыта, с другой стороны, тесно взаимосвязаны. В этом контексте можно предположить, что Беркли заблуждался, когда полагал, что наши абстрактные идеи опираются исключительно на конкретные образы и образцы, но, с другой стороны, заблуждаются и те, кто полагает, что можно аналитически определить некое понятие, не опираясь ни на какой опыт и ни на какие образцы вообще.

Вопрос Беркли о представлении «треугольника вообще», «человека вообще» и сомнение Куайна в возможности чёткого различения между аналитическими и синтетическими суждениями можно пе-

реформулировать на языке современной нейрофизиологии следующим образом: существуют ли соответствующие общим абстрактным понятиям (чистым аналитическим понятиям) группы нейронов, при активизации которых не активируются нейроны конкретных понятий (нейроны эмпирических образцов)? Например, существуют ли *нейроны треугольника вообще*, *нейроны человека вообще* по аналогии с тем, как существуют *нейроны бабушки*? И могут ли нейроны треугольника вообще активизироваться без активизации нейронов равнобедренного треугольника, могут ли нейроны человека вообще активизироваться без активизации нейронов бабушки? В такой форме эти вопросы рано или поздно могут быть проверены эмпирически.

Идея о том, что наше понимание категорий естественного языка (а в более радикальной версии – и понимание научных понятий) с необходимостью опирается на знание конкретных образцов, во второй половине XX в. получила название *экземплярного подхода* к проблеме категоризации. В когнитивной психологии этот подход обычно противопоставлялся так называемому *прототипическому подходу*, в то время как оба этих подхода вместе взятые противопоставлялись *классическому логическому подходу* к определению понятий. Оба термина – «экземплярный» и «прототипический» – являются многозначными, поэтому на уровне ярлыков в этой области царит путаница, в которой следует разобраться.

В середине XX в. термин «прототип» употреблялся в когнитивной психологии в качестве синонима «схемы», понимаемой как статистическая средняя (центральная тенденция) конкретных образцов, а сами образцы – как отклонения от этой средней (вариации). В 1968 г. Майкл Познер и Стивен Кили опубликовали статью «О происхождении абстрактных идей», где сформулировали три альтернативные гипотезы о том, как может происходить запоминание и последующее распознавание образцов: 1) субъекты в ходе процесса

абстрагирования формируют и запоминают прототипическую схему, лежащую в основе образцов; 2) субъекты запоминают и прототипическую схему, и образцы; 3) субъекты запоминают только образцы. В своём исследовании Познер и Кили использовали в качестве прототипа / схемы бессмысленные паттерны из точек, а образцами были искажения этих паттернов на основании определённых статистических правил. Результаты исследования, в истолковании авторов, максимально согласовывались с гипотезой № 2, т. е. с одной из прототипических гипотез, отличных от экземплирной гипотезы № 3 [16].

Экземплирный подход зародился в рамках исследований по дифференцировочному обучению животных (*discrimination learning*, научение реакции различения). В 1975 г. в работе «Теория контекста в дифференцировочном обучении» Дуглас Медин сравнивает *целостные* и *компонентные* модели стимулов, воздействующих на обучаемое животное. Например, с точки зрения целостной модели, крыса в лабиринте воспринимает белый треугольник слева как единый стимул, а с точки зрения компонентной модели, она реагирует независимо на белый цвет, форму треугольника, левое расположение. Компонентные модели обладали рядом преимуществ, но обычно опирались на предположение, что отдельные компоненты стимула воздействуют на животное независимо. Идея Медина состоит в том, чтобы рассматривать отдельные компоненты как зависимые друг от друга; тогда один из компонентов может быть понят как *контекст* для другого [10].

В статье 1978 г. «Контекстная теория обучения классификации», написанной Медином совместно с Маргерит Шаффер, эта идея используется при объяснении того, как люди выполняют задачи категоризации (классификации). Гипотеза заключается в том, что люди распознают предметы по признакам, не являющимися независимыми. Значение одного из параметров, на основании которого предъявляемый предмет относится к некоторой катего-

рии, взаимодействует со значением других (контекстных) параметров. Контекстная теория противопоставляется авторами классическому логическому подходу к «хорошо определённым понятиям», т. е. таким, которые определены путём перечня достаточных и необходимых существенных признаков. Ссылаясь на исследования Элеанор Рош с соавторами, обнаружившими в начале 1970-х гг. эффекты базового уровня абстракции и прототипические эффекты в структуре языковых категорий, Медин и Шаффер пишут, что «большинство естественных категорий не имеют хорошо определённых правил или фиксированных границ, разделяющих альтернативные категории. Скорее, члены различаются степенью, в которой они признаны хорошими (типичными) примерами данной категории, и многие естественные концепты не могут быть определены путём указания на множество критических признаков» [11, р. 208]. Отталкиваясь от этого эмпирического факта, Медин и Шаффер формулируют необходимость объяснения того, как происходит изучение и использование «плохо определённых» категорий. При этом они подвергают сомнению обоснованность выводов Познера и Кили. «Познер и Кили (1968) предлагали, что на основе опыта знакомства с экземплярами, у людей формируется впечатление о центральной тенденции некой категории, и что категориальные суждения должны быть основаны на этой центральной тенденции, или прототипе. Поскольку нет универсального согласия, что формирование прототипа лежит в основании концептуального обучения в этой области, появление всё больших доказательств того, что естественные категории и концепты не являются хорошо определёнными, привело к возрастанию интереса в развитии теорий концептуального поведения по правилам, допускающим исключения» [11, р. 208]. Основная идея предлагаемой Медином и Шаффер контекстной теории соответствует гипотезе № 3 Познера и Кили и заключается в том, что «классификационные суждения основаны на извлечении сохра-

нённой в памяти информации об экземплярах» [11, р. 208–209]. Позже такой подход стали называть *экземплярной точкой зрения*.

Здесь наметилось видимое противоречие в использовании термина «прототипический подход». С одной стороны, этот термин обозначал подходы на основе идеи прототипической схемы, понимаемой как центральная тенденция. С другой стороны, он начал обозначать подходы, основанные на открытых Рош прототипических эффектах, которые можно было объяснить, используя как идею центральной тенденции, так и идею экземпляров. Дело в том, что и сама Рош в качестве автора теории прототипов критиковала идею центральной тенденции. Борис Митрофанович Величковский приводит (в его переводе на русский язык) следующую цитату из статьи Рош 1973 г. «О внутренней структуре перцептивных и семантических категорий»: «Ни модель формирования понятий в терминах заучивания “правильной” комбинации дискретных атрибутов, ни модель процесса абстракции в терминах абстрагирования центральной тенденции ... некоторого произвольного сочетания признаков не являются адекватными объяснениями природы и развития естественных категорий ... Предлагается ... следующая альтернатива: существуют ... формы, которые перцептивно более заметны, чем все другие стимулы в данной области ... эти наиболее заметные формы являются “хорошими формами” гештальтпсихологии»¹.

В приведённой выше цитате из статьи Медина и Шаффер видно, что эти авторы опираются на открытые Рош прототипические эффекты, но понимают прототипы как экземпляры и противопоставляют свою теорию экземпляров теориям, основанным на понимании прототипов как схемы и центральной тенденции. В этом контексте думается, что полезным было бы терминологическое различение

прототипов-схем и прототипов-экземпляров.

В 1981 г. Медина и Эдвард Смит выпустили книгу «Категории и понятия», в которой различили три теоретические точки зрения на структуру категорий: *классическую, вероятностную*, примером которой является теория прототипов, и их собственную – *экземплярную*. Согласно вероятностной точке зрения (the probabilistic view) принадлежность объекта к классу определяется схожестью с прототипом. Непрототипические объекты относятся к категории лишь с некоторой вероятностью. Один из вариантов этой точки зрения называется подходом, основанном на признаках (featural): категории представляются в терминах признаков, значимых в разной степени и с разной вероятностью; объект принадлежит к категории, если обладает неким критическим количеством признаков с учётом их вероятности; прототип – это не реальный объект, а абстрактное обобщение наиболее вероятных признаков разных объектов. Другой вариант вероятностной точки зрения – это подход, основанный на *размерностях* (dimensional): значимые признаки понимаются как переменные, формирующие многомерное пространство, в котором прототипы занимают определённое место, а объект принадлежит к категории в зависимости от близости к этому месту. Третий вариант данной точки зрения называется *целостным* (holistic) подходом: вероятность принадлежности объектов к классу зависит от схожести с прототипами, которые понимаются как целостные образы конкретных прототипических представителей. Суть *экземплярной точки зрения* (the exemplar view) заключается в том, что категории в обыденном восприятии связаны не столько с какими-либо абстрактными обобщениями или образами, сколько с имеющимися знаниями о конкретных представителях или подвидах данной категории. «Представление о понятии состоит из отдельных описаний некоторых его экземпляров (или конкретных объектов, или подмножеств)» [18, р. 144].

¹ Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: учебное пособие: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл, 2006. С. 35.

Обобщающая информация включается в знания о категориях, но играет существенно меньшую роль, чем это предполагается вероятностной точкой зрения. Точка зрения экземпляров позволяет достаточно просто объяснить, почему большинству испытуемых с трудом удаётся определять категории путём перечисления необходимых и достаточных признаков. Она объясняет существование дизъюнктивных категорий, членство в которых для одних объектов связано с одними признаками, а для других – с другими. Например, имя существительное определяется как часть речи, отвечающая на вопросы «Кто?» или «Что?» и обозначающая или вещи, или вещества, или живые существа, или явления и события, или признаки.

Есть нечто общее между экземплярным подходом к категоризации, с одной стороны, и теорией когнитива, с другой. Согласно теории экземпляров, каждая категория (концепт) связана с множеством экземпляров. С точки зрения теории когнитива, любой конкретный эпизод индивидуального опыта, любой концепт и каждое из известных индивиду его значений, каждый из известных индивиду случаев употребления слова – всё это может быть рассмотрено как знание об экземплярах, связанных с тем или иным концептом и закодированное в соответствующих когах и локах. Если тезисы этих теорий свести воедино, то получается следующее: значение абстрактных категорий в идиолекте закодировано множеством взаимосвязанных нейронов в мозге данного индивида, и это множество должно быть связано с несколькими другими множествами нейронов, которые кодируют память об экземплярах данной категории, воспринимаемых индивидом в качестве её прототипов-экземпляров или в качестве основы для прототипов-схем.

Сегодня споры по поводу экземплярного подхода продолжаются, т. е. они по-прежнему актуальны. Один из последних примеров – тематический выпуск в октябре-декабре 2020 г. сдвоенного 40-го тома журнала “First Language”, полностью по-

свящённого обсуждению экземплярной модели усвоения языка. В начале тома опубликована проблемная статья Бена Эмбриджа «Против сохраняемых абстракций: Радикальная экземплярная модель усвоения языка» [6], затем 18 статей различных авторов, критически анализирующих и комментирующих тезисы Эмбриджа, а в конце тома – его ответная статья «Абстракции, сделанные из экземпляров или “Вы правы, а я изменил свою точку зрения”: Ответ комментаторам» [5]. Итоги дискуссии видны из названия заключительной статьи: начав с радикального тезиса о том, что при усвоении языка мы запоминаем лишь конкретные высказывания, их значения и контекстуальные детали, и не сохраняем в своей памяти абстрактные лингвистические формы, Эмбридж под давлением критических аргументов пришёл к выводу, что хотя мы и сохраняем в памяти конкретные экземпляры, в процессе их использования мы также заново репрезентируем (re-represent) их на различных уровнях абстракции.

В ходе подобных споров выясняется, в частности, что следует различать *радикальный* и *умеренный* варианты экземплярного подхода. Радикальный вариант отрицает роль абстракций при обучении и выполнении задач категоризации полностью, умеренный вариант допускает определённую роль абстракций, но также настаивает на необходимости существования конкретных образцов. При этом можно по-разному понимать, что такое экземпляр. Например, в умеренных подходах абстракции нижнего уровня понимаются как экземпляры по отношению к абстракциям верхнего уровня. В контексте вопроса о распределённом кодировании значений концептов можно высказать следующее дополнительное соображение: нельзя понимать экземпляры только как образцы каких-то конкретных материальных вещей, ведь существуют также образцы теоретических объяснений, примеры определений и связанных с ними вычленяемых существенных признаков предметов, образцы классификаций из

учебников, конкретные примеры употребления слов и языковых выражений.

Естественные конвенции и уницепты

В конце 1960-х гг. Дэвид Льюис разработал теорию языковых конвенций, ставшую основой для всех последующих дискуссий в этой области [7; 8]. Согласно этой теории, конвенции – это альтернативные варианты использования языка, существующие на основе почти всеобщей правдивости говорящих, почти всеобщем доверии слушающих, почти всеобщем следовании конвенции, а также рациональном понимании и предпочтении абсолютного большинства членов популяции того, что другие члены популяции предпочитают следовать данной конвенции, что позволяет эффективно решать проблемы координации. В 1998 г. Милликэн отбрасывает большинство этих предположений и предлагает понятие *естественных* языковых конвенций. «Естественная конвенциональность складывается из двух довольно простых взаимосвязанных характеристик. Во-первых, естественные конвенции состоят из паттернов, которые “воспроизводятся” ... Во-вторых, тот факт, что эти паттерны распространяются, основан частично на значении прецедентов, а не на свойственной им, к примеру, превосходящей способности выполнять определённую функцию» [13, p. 162].

Идеи Милликэн в своей основе очень просты, лучше согласованы с эмпирическими наблюдениями и позволяют предлагать теоретические объяснения, невозможные на основе традиционных представлений [2; 3; 9]. Как и конвенции в теории Льюиса, естественные конвенции Милликэн имеют место там, где возможны альтернативные варианты. Но выбор этих вариантов совсем не обязательно должен строиться на рациональных предположениях большинства членов популяции. Достаточно простого подражания прецедентам и того, чтобы основанное на нём общение было результативно хотя бы иногда, т. е. время от времени приносило бы

пользу. Например, чтобы один человек общался другому правдивую информацию, помогающую обоим решить их практические проблемы. Или чтобы после просьбы о помощи она была правильно понята, и нужная помощь была действительно оказана. Говоря техническим языком, для того, чтобы языковые конвенции сохранялись, они должны быть функциональны, а для этого при их использовании время от времени должны выполняться условия истинности или обоснованности. Время от времени – значит не всегда и даже не в большинстве случаев, а просто в некоторой доле случаев, достаточной для того, чтобы эти конструкции не забывались и воспроизводились.

Но что особенно важно, такое понимание конвенций хорошо согласуется с теми описанными выше фактами, что представления людей о вещах являются индивидуальными и уникальными. В своей новой книге «За пределами понятий: уницепты, язык и естественная информация» Милликэн предложила для обозначения таких уникальных представлений удачный неологизм – *уницепты* [12].

Если существует одна и та же вещь или множество похожих вещей, у встречавшего такие вещи человека есть для них имя или несколько синонимичных имён, и связанное с этими именами распределённое значение – уницепт. Уницепт – часть идиолекта, уницепты одних и тех же вещей у всех людей разные. Некоторые имена и определения вещей конвенциональны, конвенциональные имена и определения являются элементами уницептов тех людей, которые данным конвенциям следуют. Но даже конвенциональные имена и определения связаны у разных людей с разными экземплярами, и поэтому их уницепты различаются. При этом нет таких конвенций, которым следуют все или даже абсолютное большинство. Кроме того, большинство людей не задумываются об определениях и не помнят их, поэтому многие уницепты не включают в себя определения.

В этом контексте следует уточнить понятие идиолекта. Традиционное понима-

ние заключается в том, что идиолект – это индивидуальная подсистема естественного языка, включающая лексические и грамматические формы, которыми владеет данный индивид. Допустим, индивид знает далеко не все слова и идиомы родного языка, и знаком не со всеми значениями тех слов, которые знает, но те, с которыми он знаком, – это всеобщие значения, т. е. фрегеанские смыслы, зафиксированные в словарях. Однако, если Милликэн права, уницепты разных людей, значения индивидуальных лексиконов не совпадают, а в словарях представлены лишь некоторые конвенциональные значения, эксплицированные и сформулированные лексикографами.

Заключение

Итак, существует нечто, что можно назвать индивидуальным распределённым кодированием значения языковых категорий. Близкие по значению языковые категории и кодирующие их коги должны быть связаны общими нейронами, участвующими в обоих когах. Поэтому связанные по значению категории можно представить как закодированные совместно единой гиперсетью. Активация одной из категорий должна активировать ассоциативно связанные с ней другие категории, значе-

ния которых в данном идиолекте не могут существовать отдельно друг от друга, но взаимно определяют друг друга коннотативно. Такой взгляд хорошо согласуется и с экземплярной теорией языковых категорий, и с представлением об уницептах. В сознании вещи и их виды представлены, с одной стороны, как память об их конкретных экземплярах и образах, с другой стороны – как память об экземплярах их абстрактных определений или описаний. В принципе, распределённые значения существуют просто потому, что существуют индивиды с их особым опытом и образцами значений.

Что же такое общие значения слов и связанных с ними вещей? Если они и существуют, то лишь как конвенции, причём такие, которые не являются общеобязательными. Несмотря на реальное существование вещей, каждый из нас воспринимает и понимает эти вещи по-своему. Поэтому, когда мы говорим о вещах или делаем с ними что-то совместно с другими людьми, мы понимаем друг друга лишь частично. Это частичное понимание и есть то, что мы привыкли считать пониманием, другого просто не бывает.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
2. Сериков А. Е. Понятие конвенции Дэвида Льюиса и его современная рецепция // Аспирантский вестник Поволжья. 2023. Т. 23. № 3. С. 43–48.
3. Сериков А. Е. Понимание правил языка в биосемантике Рут Гаррет Милликэн // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 3. С. 13–21.
4. An Instance Theory of Semantic Memory / R. K. Jamieson, J. E. Avery, B. T. Johns, M. N. Jones // Computational Brain & Behavior. 2018. Vol. 1. No 2. P. 119–136.
5. Ambridge B. Abstractions Made of Exemplars or ‘You’re All Right, and I’ve Changed My Mind’: Response to Commentators // First Language. 2020. Vol. 40. No. 5–6. P. 640–659.
6. Ambridge B. Against Stored Abstractions: A Radical Exemplar Model of Language Acquisition // First Language. 2020. Vol. 40. No 5–6. P. 509–559.
7. Lewis D. Convention: A Philosophical Study. Harvard: Harvard University Press, 1969. 213 p.
8. Lewis D. Languages and Language // Minnesota Studies in the Philosophy of Science / ed. by K. Gunderson. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1975. P. 3–35.
9. Matczak M. Ruth G. Millikan’s Conventionalism and Law // Legal Theory. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 146–178.
10. Medin D. L. A Theory of Context in Discrimination Learning // The Psychology of Learning and Motivation. Vol. 9 / ed. by G. H. Bower. New York: Academic Press, 1975. P. 263–314.

11. Medin D. L., Schaffer M. M. Context Theory of Classification Learning // *Psychological Review*. 1978. Vol. 85. P. 207–238.
12. Millikan R. G. *Beyond Concepts: Unicepts, Language, and Natural Information*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 240 p.
13. Millikan R. G. Language Conventions Made Simple // *The Journal of Philosophy*. 1998. Vol. 95. № 4. P. 161–180.
14. Millikan R. G. On Meaning, Meaning, and Meaning // Millikan R. G. *Language: A Biological Model*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 53–76.
15. Murphy G. L. Is There an Exemplar Theory of Concepts? // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2016. Vol. 23. P. 1035–1042.
16. Posner M. I., Keele S. W. On the Genesis of Abstract Ideas // *Journal of Experimental Psychology*. 1968. Vol. 77. № 3. Pt. 1. P. 353–363.
17. *Single Neuron Studies of the Human Brain: Probing Cognition* / ed. I. Fried, U. Rutishauser, M. Cerf, G. Kreiman. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 382 p.
18. Smith E. E., Medin D. L. *Categories and Concepts*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 203 p.

REFERENCES

1. Anohin K. V. [Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness]. In: *Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti* [I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity], 2021, vol. 71, no. 1, pp. 39–71.
2. Serikov A. E. [David Lewis's Convention and Its Contemporary Perception]. In: *Aspirantskij vestnik Povolzh'ya* [Postgraduate Bulletin of the Volga Region], 2023, vol. 23, no. 3, pp. 43–48.
3. Serikov A. E. [Understanding Language Rules in Ruth Garrett Millikan's Biosemantics]. In: *Semioticheskie issledovaniya* [Semiotic Studies], 2023, vol. 3, no. 3, pp. 13–21.
4. Jamieson R. K., Avery J. E., Johns B. T., Jones M. N. An Instance Theory of Semantic Memory. In: *Computational Brain & Behavior*, 2018, vol. 1, no 2, pp. 119–136.
5. Ambridge B. Abstractions Made of Exemplars or 'You're All Right, and I've Changed My Mind': Response to Commentators. In: *First Language*, 2020, vol. 40, no. 5–6, pp. 640–659.
6. Ambridge B. Against Stored Abstractions: A Radical Exemplar Model of Language Acquisition. In: *First Language*, 2020, vol. 40, no. 5–6, pp. 509–559.
7. Lewis D. *Convention: A Philosophical Study*. Harvard, Harvard University Press, 1969. 213 p.
8. Lewis D. Languages and Language. In: Gunderson K., ed. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1975, pp. 3–35.
9. Matczak M. Ruth G. Millikan's Conventionalism and Law. In: *Legal Theory*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 146–178.
10. Medin D. L. A Theory of Context in Discrimination Learning. In: Bower G. H., ed. *The Psychology of Learning and Motivation*. Vol. 9. New York, Academic Press, 1975, pp. 263–314.
11. Medin D. L., Schaffer M. M. Context Theory of Classification Learning. In: *Psychological Review*, 1978, vol. 85, pp. 207–238.
12. Millikan R. G. *Beyond Concepts: Unicepts, Language, and Natural Information*. Oxford, Oxford University Press, 2017. 240 p.
13. Millikan R. G. Language Conventions Made Simple. In: *The Journal of Philosophy*, 1998, vol. 95, no. 4, pp. 161–180.
14. Millikan R. G. On Meaning, Meaning, and Meaning. In: Millikan R. G. *Language: A Biological Model*. Oxford, Oxford University Press, 2005, pp. 53–76.
15. Murphy G. L. Is There an Exemplar Theory of Concepts? In: *Psychonomic Bulletin & Review*, 2016, vol. 23, pp. 1035–1042.
16. Posner M. I., Keele S. W. On the Genesis of Abstract Ideas. In: *Journal of Experimental Psychology*, 1968, vol. 77, no. 3, pt. 1, pp. 353–363.
17. Fried I., Rutishauser U., Cerf M., Kreiman G., eds. *Single Neuron Studies of the Human Brain: Probing Cognition*. Cambridge, MA, MIT Press, 2014. 382 p.
18. Smith E. E., Medin D. L. *Categories and Concepts*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1981. 203 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сериков Андрей Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: serikov.ae@ssau.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrew Ye. Serikov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Samara National Research University;
e-mail: serikov.ae@ssau.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сериков А. Е. Психофизиологическая проблема: единство материального и идеального в человеке // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 33–43.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-33-43

FOR CITATION

Serikov A. Ye. Individual Understanding of Things: Distributed Meanings, Exemplars, and Unicepts. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 33–43.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-33-43

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 165.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-44-56

ЭКОНОМИКА СИМВОЛИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ТЕЛОМ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мирошкин М. С.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проведение историко-философского исследования для обоснования актуальности проблемы насильственного отношения человека к собственному телу как к символически конституированному во времени идеализированному образу Другого, который в качестве его обезличенного двойника признаётся и переживается в форме накапливаемого и неполноценно реализованного во всей своей фрустрированной сущности капитала.

Процедуры и методы. Результаты данного исследования получены на основе использования системного и историко-философского анализа с применением междисциплинарного подхода и диалектического метода, которые в совокупности позволили осмыслить неклассическое представление о теле в качестве основополагающего источника полноценного самоопределения человека.

Результаты. По итогам проведённого исследования было выявлено, что в процессе капиталистической самоактуализации отчуждённый от своего собственного тела человек утрачивает с ним связь как с основополагающим источником обеспечения своей целостной индивидуации, обретая его в символически противоречивом и обезличенном образе Другого, с которым он себя идентифицирует, и тем самым обрекает на фрустрированные поиски своей полноценной самоценности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Ценность проведённого анализа различных философских концепций XX в. состоит в неклассическом подходе к осмыслению формирования деконструированного представления человека о своём собственном теле как об утилитарном источнике экспликации экономически самодостаточного существования.

Ключевые слова: бессознательное, время, депривация, Другой, капитал, коммодификация, либидо, насилие, символ, симулякр, событие, тело, человек, экономика

THE ECONOMY OF SYMBOLIC VIOLENCE OVER THE HUMAN BODY: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

M. Miroshkin

Financial University under the Government of the Russian Federation

prosp. Leningradsky 49, Moscow 125167, Russian Federation

Abstract

Aim. To conduct a historical and philosophical research to substantiate the relevance of the problem of a violent attitude of a person to his own body as an idealized image of the Other symbolically constituted in time, which, as its impersonal counterpart, is recognized and experienced in the form of accumulated and incompletely realized in all its frustrated essence – capital.

© CC BY Мирошкин М. С., 2024.

Methodology. The results of this study were obtained based on the use of systemic and historical-philosophical analyses, using an interdisciplinary approach and a dialectical method, which together made it possible to comprehend the non-classical idea of the body as a fundamental source of a full-fledged self-determination of a person.

Results. According to the results of the study, it was revealed that in the process of capitalist self-actualization, a person, alienated from his own body, loses contact with it as a fundamental source of ensuring his holistic individuation, finding it in a symbolically contradictory and impersonal image of the Other, with whom he identifies himself, and thus dooms to a frustrated search for his full value in himself.

Research implications. The relevance of the analysis of various philosophical concepts of the 20th century lies in the non-classical approach to comprehending the formation of a person's deconstructed idea of his own body as a utilitarian source of explication of economically self-sufficient existence.

Keywords: unconscious, time, deprivation, Other, capital, commodification, libido, violence, symbol, simulacrum, event, body, human, economy

Введение

В период с конца XIX – начала XX вв. бурный экономический рост в различных областях человеческой жизнедеятельности стал не только фундаментом обеспечения прогресса в научной и производственной областях, но и основой переосмысления и трансформации функциональных возможностей человеческого тела с последующим его насильственным применением в отношениях господства и рабства в самой сердцевине сформированных структур редуцированной симулякрами идентичности. С наступлением эволюции форм капиталистических взаимоотношений проблемная область тела постепенно становится пограничным звеном и центральным условием осмысления человеком своей обретаемой через него самодостаточности, которая насильственным образом воспринимается им в символически обезличенном образе Другого. Сформированное отношение к телу как к неузнаваемому во времени символически конституированному Другому становится механизмом антагонистических с ним взаимосвязей, укрепляемых со стороны процесса капиталистической индивидуации человека.

Символически опосредованный экономическими отношениями образ тела усваивается человеком в качестве капитала, который требует значительных вложений для формирования и поддержания искусственно основанного на его существовании кризиса самоопределения. С развитием

экономических взаимоотношений изменяются не только ценностные установки, но и формы телесной самоактуализации, ориентированные на новые грани максимального использования её органической составляющей. Экономический универсум человеческих связей и обусловленные ими отношения представляют собой процесс самосохранения, который, будучи исходным принципом обеспечения целостности телесной организации, трансформируется в гипостазированный метанарратив символически неподконтрольных человеку господствующих бессознательным образом структур аффективно конституируемой идентичности. Экономическая модель капиталистического типа обуславливает процесс образования ценностных императивов коммодификации сокровенного опыта примирения человека с собственным телом в рамках его экономически интроецированного отрицания и упразднения имеющихся в нём органически несоответствующих идеалу Другого – изъянов, свойственных оживотворённому бытию как таковому.

Символически структурированная система экономических взаимоотношений в утилитарно репрезентированной форме обуславливает имплицитную интенсивность фрустрированных процессов приобщения человека к собственному телу как к бессознательно редуцированному измерению, отчуждённому в форме капитала, – имаго. Угнетённое капиталистической

формой функционирования тело становится враждебным человеку двойником или отражением, в котором он себя со временем больше не узнаёт и не признаёт, и поэтому вступает с ним в непримиримое противоборство, которое заканчивается распространением символического насилия на всю сферу его жизнедеятельности, включая весь эксплуатируемый им мир. Иными словами, тело начинает вести свою собственную, не связанную с рефлексией жизнь, при которой его бесконтрольное функционирование сводится к имплицитному переживанию неупорядоченных желаний, нарушающих баланс конституирования целостных отношений человека с самим собой, способных довести его существование до фрагментированной опустошённости жизнеутверждающих интенций, заключённых в депривацию насильственной инстанции символического Другого. Поэтому подобного рода кризис, как отмечает известный русский философ В. В. Ильин, ведёт к тому, что «жизнь превращается в поддержание жизни тела», а затем неизбежно заканчивается «борьбой за удовлетворение органики великое истощать» [8, с. 3]. Таким образом, антропологический поворот, связанный с такими концептуальными направлениями философских течений, как интуитивизм, феноменология, экзистенциализм, структурный психоанализ и постмодернизм, эксплицировал их в качестве полноценной основы осмысления и понимания глубинных движущих сил экономической эволюции символического насилия над телом человека.

Длительный образ человеческого тела в концепции А. Бергсона

В своих ранних работах известный представитель интуитивизма в философии А. Бергсон выявляет особенности конституирования личности человека исходя из жизненной силы его усвоенного в образно-символической форме тела. Философско-психосоматическая концепция Бергсона обосновывает органически

пластичную форму функционирования человеческого тела в качестве воплощения потенциала чистой длительности и критически осмысляет укоренённую в нём субстанциональную конструкцию символически инертного механизма в форме человеческого «я», детерминирующего множественность его жизнеутверждающих сил в образе замкнутого хранилища различного рода впечатлений и переживаний. Бергсон различает статический и динамический способы восприятия мира. Статический способ восприятия мира представляет собой процесс детерминации множества различных телесных проявлений через их количественное измерение и тождественно неизменное переживание, что в совокупности образует так называемый, по мысли Бергсона, «механистический символизм», который «вместо того чтобы всколыхнуть» человеческое «сознание, подобно камню, упавшему в воду бассейна, лишь приводит в движение идею, как бы застывшую на поверхности», и тем самым препятствует границами этой поверхности полноценной возможности воплощения его безграничного становления [1, с. 130, 123]. Динамический способ восприятия мира – это способ интуитивного вживания в структуру элементов телесной организации, которые отображаются в неделимой и одновременно изменчивой форме жизненного порыва, центристельным содержанием которого являются спонтанные состояния глубинных нетождественных друг другу оживотворённых сил, связанных с общемировой системой отношений процессов эволюционного движения и развития бытия как такового.

В одной из своих ключевых работ «Материя и память» (1986 г.) Бергсон рассматривает тело в качестве основополагающего источника концентрации внутренних и внешних переживаний в их спонтанной изменчивости, которые фиксируются в образных представлениях, переходящих в совокупность скоординированных рассудком понятий, обуславливающих прерывность восприятия человеком непрерывного процесса множества движущих сил

творческой энергии всевозможных форм нетождественного становления органического измерения бытия. Человек, будучи неотъемлемой частью оживотворённого бытия, согласно Бергсону, не является замкнутым на самом себе утилитарно-прагматичным механизмом восприятия мира, поскольку понимание им собственного тела рождает тот «образ, который действует, как и все другие образы, получая и отдавая движения, с той лишь разницей, быть может, что тело способно, по-видимому, до известной степени избирать тот способ, каким оно возвращает полученное» [1, с. 167–168]. Процесс осознания человеком собственного тела является выражением длительности его неуловимого рамками рационального мышления потенциала, состоящего из различных уровней целостного комплекса ритмов функционирования памяти, переживание которой является основой формирования образного усвоения динамического взаимодействия с миром. Поэтому тело, по Бергсону, является индетерминированным воплощением эволюции оживотворённых сил вселенной, развёрнуто функционирующих в имманентной им форме длительности, пронизывающей всю интуитивную сферу человеческой жизнедеятельности в её безгранично неповторимом процессе индивидуации.

Критикуя всевозможные способы механистических интерпретаций человеческого тела, сложившихся особым образом в период эпохи Нового времени, Бергсон рассматривает все их обобщённо с помощью кинематографического метода, детально описанного им в своей работе «Творческая эволюция» (1907 г.). Утилитарно-прагматическая сущность кинематографического метода состоит в механизации функционирования человеческого сознания, непрерывное применение которого, по утверждению Бергсона, приводит «к вечному начинанию, при котором ум, никогда не находя удовлетворения и не видя, где бы ему задержаться, убеждает сам себя, что он подражает своей неустойчивостью самому движению реальности»,

которая сама по себе есть ничто иное как неуловимый в полноте своего существования – «жизненный порыв» [2, с. 316]. Неутилитарное проявление симпатии к собственному телу и является, по мысли Бергсона, основой формирования открытого сознательного процесса развёртывания человеком через свою соматическую организацию творчески оживотворённого потока глубинных сил эволюционного разветвления жизни.

Феноменологический образ человеческого тела в концепции Э. Гуссерля

Основатель феноменологического направления в философии Э. Гуссерль в своих научных изысканиях определил так называемый трансцендентальный порядок понимания человеком собственного тела в рамках его эйдетической рефлексии как сущности, поддающейся полноценному познанию посредством феноменологической редукции. Предложенный Гуссерлем метод представляет собой интроспективный способ параллельного осмысления происходящих через сознательную деятельность процессов переживания человеком собственного тела и его проявляющегося в акте рефлексии образного отражения в мышлении. Трансцендентальное восприятие человеческого тела формирует его идеационную конструкцию, представляющую собой унифицированную структуру отношений входящих в неё элементов в виде абстрактно смоделированных актов соприкосновения с миром. Идеационная объективация тела нивелирует оживотворённую область многогранной функциональности человека, его особенную и неповторимую уникальность в плане проявления своих потенциально имеющихся в имплицитной форме возможностей целостного взаимоотношения с миром. Выполняя экономическую функцию вычленения и самосохранения, трансцендентальная феноменология Гуссерля обеспечивает трансцендентное восприятие человеком мира, при котором его собственное тело являет-

ся контрастным в этом мире фоном, в который полноценным образом ему не удаётся интегрироваться будучи укоренённым в созданную им самим идеально сконструированную модель эйдетического сознания. По утверждению самого Гуссерля, «феноменология жертвует лишь *индивидуацией*, всё же сущностное наполнение она во всей полноте его конкретности возвышает до эйдетического сознания, рассматривая его как идеально самоидентифицируемую сущность» [3, с. 222]. Если, согласно Гуссерлю, соматическая область человеческого самоактуализации отражается в эмпирической форме организации её иррационально основополагающих источников самоощущения, то в эйдетической форме любой процесс индивидуации насильственным образом заключается в трансцендентальные рамки очищенного от погрешностей феноменологически рафинированного сознания, которое по своей сущности остаётся неизменно тождественным самому себе инвариантным остатком циркулирующего жизнеутверждающими силами бытия.

Находясь на периферии эйдетического сознания и обусловленное им человеческое тело становится безмолвным предметом всевозможных форм эксплуатации, поскольку редуцируется до материальной вещи, над которой осуществляется тотальный контроль её не знающего меры пользователя. Основной антагонизм формируется между телом, олицетворяющего фундамент имманентно инстинктивной саморегуляции, и эйдетическим сознанием, олицетворяющим трансцендентальный механизм символически редуцированных проявлений интенсивности естественных переживаний жизни. Исходя из этого, происходит трансформация отношений между телом и сознанием, которые становятся друг для друга чужеродными инстанциями, не способными к обеспечению гармонически упорядоченных между собой связей в силу того, что редуцированное до чистой сущности сознание обладает, по мысли Гуссерля, несоизмеримым с материальным миром «*эйдетическим объёмом*» [3, с. 57]. Наполненное эйдетическим

объёмом сознание человека не позволяет переживать ему собственное тело в его целостности, а лишь в качестве выключенной или включённой «естественной установки». Поэтому феноменологически сформированное из символических слоёв абсолютно неделимое явление кристаллизованной конструкции человеческого «я», как утверждает сам Гуссерль, представляется, «чем-то абсолютно тождественным при любой действительной и возможной смене переживания, а потому *ни в каком смысле не может считаться реальной частью или моментом самих переживаний*» [3, с. 178]. Феноменологически господствующий остаток в форме отчуждённого от тела человеческого «я», которое в силу своей трансцендентности невозможно ощущать в рамках имманентности, становится самодовлеющим источником конституирования депривированного переживания тела, отрицания его как чего-то существующего наравне с эйдетическим сознанием, в символических образах которого оно всего лишь отпечатлевается в инертно преломлённой для самого себя форме. Универсальный принцип феноменологического *ἐποχή* соразмерен универсальному непризнанию значимости переживания человеком собственного тела, которое возводится Гуссерлем в «естественную установку», при любой возможности, которую всегда можно выключить. Идеационная рефлексия сущности человеческого тела происходит в рамках ноэзиса в качестве мыслительного процесса вычленения содержательного состава всех форм его переживания, интегрированных в замкнутый и неподвижный ноэматический вакуум, в котором происходит их символическая кристаллизация. Таким образом, эйдетическое *cogito* Гуссерля, будучи идеальным воплощением чистого сознания, является обезличенным механизмом тотального контроля над телом, которое олицетворяет собою для него используемый в утилитарных целях капитал, олицетворяющий всю многогранность экономики символического насилия над целостной сущностью человека.

Экзистенциальный образ тела в концепциях М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра

Экзистенциальное измерение противоречивых отношений человека с собственным телом нашло своё отражение в концепции фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Поскольку универсум человеческого бытия имеет в своей основе временную структуру, то и сама его телесная организация проявляет свою неповторимую уникальность в самозабвенном просвете непрерывно сменяющих друг друга событий. Полнота понимания бытия, согласно Хайдеггеру, происходит на тернистом пути самоопределения человека через расширение положенных его сознанием границ до соматически первоизданного источника, аутентично обуславливающего возможности целостного приобщения к миру. Этим источником нерасчленённого единства, находящегося в состоянии неопределённой озабоченности, является *Dasein* (Вот-бытие), в качестве основополагающего двигателя рассеянного во временности своего присутствия человека. Вот-бытие – это обеспокоенное своей ничем незащищённой временной открытостью по отношению к самому себе как к телу, которое объективируется в своём осознаваемом забвении, не подлежащем обратимым изменениям. Поэтому смысл бытия, по мысли Хайдеггера, исконно предполагает сакральную ценность для человека потому, что только во времени он обретает доступ к своему подлинно самодостаточному присутствию в мире через тело, которое как «*собственность вот-бытия*» есть то, что составляет его *предельную бытийную возможность*» [14, с. 149]. Будучи ближайшей для человека областью первоизданной самоактуализации, тело является квинтэссенцией заботы в качестве феноменологически схваченной подручной инстанции, которая заключает в себе ужасающее предзнаменование, отсылающее к небытию или ничто. Именно идеализированная конструкция в форме образованной субстанции человеческого «Я», обуславли-

ет репрезентацию соматической области его существования, вмняя себе через неё страх и трепет перед неспособностью отождествить себя с её временным в событиях присутствием.

Отрицание и непринятие временности телесного двойника как неконтролируемого измерения неопределённости является исходной стратегией для обеспечения его репрезентированной копии, интериоризация которой предполагает образование неподверженной тленности и минованию формы эксплуатируемого капитала, который и есть само время, лишённое *своевременности*. Когда тело становится олицетворением капитала оно ограничивается эксплуатационными формами конституирования присутствия в мире через гомогенизацию своего необратимого во времени существования, а значит, само по себе оно становится эпифеноменом по отношению к господствующему над ним насильственным образом *Cogito*. Неутилитарное измерение *Dasein* связано с экзистенциальной индивидуацией, которая, по мысли Хайдеггера, обуславливает отношение человека к самому себе как к неиссякаемому источнику мгновений, в каждом из которых возможен неповторимый и уникальный способ его самоопределения и самоактуализации, нивелируя антагонизм между телом и его запечатлённой в сознании символической формой переживания. Онтологически нескончаемая конечность *Dasein* является выражением нередуцируемого источника нетождественных друг другу во времени событий, в каждом из которых развёрстывается темпоральная амальгама «другого начала» в качестве аутентичной экспликации возможностей разомкнутого присутствия человека через собственное тело как находящееся в заботливом соотношении с его неутилитарным осмыслением. Поскольку, как утверждает Хайдеггер, присутствие «само *есть* это обнажение и бытие-обнажённым», то, будучи воплощением этого исходного обнажения, тело соизмеряется с множественностью происходящих в нём событий, обуславливающих аутентичную полноту его нетож-

дественного в своей конечности бытия, которое разворачивается в направлении нужды «бытийной оставленности», тем самым воплощая бездонную «открытость само-сокрытия» всякой самости, как «основывание истины самобытия (Selbstsein) из собственности вот-бытия» [12, с. 307; 13, с. 36, 48, 68]. Существование тела в неразрывном отношении с множественностью событий проявляет себя не как бытие, а как *bytie*, их в себе заключающее и источающее. Тело как «временяющее вмещение» и «сутствие самого бытия» является хранилищем сокрытых в нём событий, неисчислимая совокупность которых представляет собой всю многогранность созидательной способности превозмогать страсть человека к символической поглощённости собственным «Я», которое эксплицитным образом проявляет себя, по мысли Хайдеггера, через махинацию капиталистической деятельности, основным двигателем которой является механистический способ количественного отношения к телу как к производственной величине, поддающейся исчислению [13, с. 123, 107]. Поэтому только на пути неисчислимого отношения ко времени как к телу возможен самозабвенный просвет понимания человеком самого себя как оживотворённого интегратора размыкаемых событий экзистенциальной индивидуации, обеспечивающей ему возможность *«стать основателем и хранителем истины (Wahrer der Wahrheit) бытия»*, т. е. «быть этим *Вот* (Da zu sein) как основанием», согласно которому «понимание времени и его исследование лежит в подлинном вопрошании: «Я *есмь* время», как *своевременность* тела» [13, с. 36; 14, с. 113].

Критически переосмысляя обоснованный Гуссерлем процесс трансцендентально оформленного становления человеческого сознания, а также углубляясь в природу обоснованной Хайдеггером самодостаточной сущности события в качестве ядра человеческой свободы, крупнейший французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр усматривал в них источник глубинно обезличенной бездны, образо-

ванной в качестве абсолютизации субъективности индивида через своё собственное «Я», сакральная ценность которого определяется тотальностью его самодовлеющей независимости от своего телесного самовыражения. Разделяя мир человеческого существования на две фундаментальные области, состоящие из «в-себе-бытия» и «для-себя-бытия», Сартр отводит доминирующую роль для-себя-бытию в качестве субстанциональной инстанции, определяющей всю специфику экономического редукционизма в форме образования противоречивых капиталистических взаимоотношений человека с самим собой и с другими. Тело, будучи олицетворением в-себе-бытия, определяется Сартром в качестве нерелефлексивной структуры, которая также, обладая специфическим сознанием, становится объектом феноменологического проекта рефлексивной структуры для-себя-бытия, ориентированного на конечное возведение его утилитарно интернализованного образа в символ вневременного и абсолютно неизменного над ним инструмента господства.

Поиски аутентичного обретения своей телесности связаны с метафорическим утверждением Сартра о том, что «ад – это другие», в котором кроется своеобразная форма организации человеческих взаимоотношений, построенных на антагонистически структурированных связях, возрождающих капиталистические ценности, при процветании которых субъект является узником классовых противоречий, в которых он отчуждается от самого себя через своё собственное больше не принадлежащее ему тело. Так, в своём известном трактате «Бытие и ничто» (1943 г.) Сартр обосновывает природу отчуждённости человеческого «я», не позволяющую ему совпасть со своим собственным телесным двойником, будучи отрицательным по отношению к нему основанием в форме ничто, которое он также именует «*круговоротом самости*», поскольку оно существует в замкнутом круге ни с чем несоизмеримой темпоральности [10, с. 196].

Уникальность человеческой самости раскрывается через функцию трансцендентности сознания, которое, будучи воплощением самоотрицания, является фактором тревожного переживания расколотого во временности тела, находящегося в зависимости от интериоризации множества символически образованных относительно него репрезентаций, совпасть с которыми оно не в состоянии. Поэтому, как утверждает Сартр, «имманентность будет всегда ограничена измерением в-себе феномена, а трансцендентность – измерением для-себя» в его утилитарных поисках незыблемого обеспечения своей потерянной в самом себе телесности [10, с. 918]. Однако основополагающим условием всякого выбора для-себя-бытия в качестве возможности его самореализации происходит не иначе чем через в-себе-бытие, чья соматическая структура объективируется в отчуждающей фигуре Другого, прародителем которой, по мысли Сартра, является всё человечество. Тело как экзистенциал аутентичного самоопределения, детерминированное Другим в форме символической конструкции, становится проектом бессознательной деятельности человека, устремлённого за пределы его временных границ. Проекция субъекта в область символического пространства Другого, обуславливает процесс образования экономического поля отчуждённого самосохранения его как индивида посредством опосредованной локализации в символически кристаллизованной инстанции, обобщённо именованной «Я», через трансцендентную полноценность которой он пытается компенсировать и преодолеть свою неполноценность соматическую.

Неравновесные отношения человека с собственным телом как признанным отражением в зеркальном пространстве Другого предполагают сакрализацию бытия-для-себя через обесценивание бытия-в-себе, тем самым обеспечивая изолированные отношения со своим собственным безмолвным двойником в форме отчуждённых с ним репрезентированных связей, обуславливающих организацию символи-

ческого порядка капиталистических перспектив его коммодификации. Поэтому символически образованное «бытие-для-себя – это распад бытия-в-себе», – пишет Сартр [11, с. 389]. Тело, согласно Сартру, является неутилитарным интегратором чувственно-аффективных реакций и обусловленных ими переживаний, сконцентрированных в безграничных горизонтах обеспечения свободной самоактуализации человека. В рамках исторически образованной системы капиталистических отношений отчуждённый в утилитарной форме образ человеческого тела отождествляется с универсальным Другим, к которому обязательным способом устремляется каждый поглощённый его символически пленяющей аурой вечности субъект. Другой является амбивалентно децентрированным универсальным экраном, через который субъект высматривает свою телесную соизмеримость с миром в символически непрозрачной для самого себя форме. Поэтому Другой как «внемирское Для-себя заканчивается позади себя *вещью в мире*», с которой, по мысли Сартра, отождествляет себя обворожённый ею в глубине своей души человек [10, с. 258]. Иными словами, если индивидуация переживается как капиталистически организованная для-себя абсолютизация, то обречённое на утилитарное существование тело неизбежно переживается в образно-символической форме как нечто Другое, человеку всегда несоответствующее.

Постмодернистский образ человеческого тела в концепциях Ж. Делёза, Ф. Гваттари и Ж.-Ф. Лиотара

В нелинейном нарративе постмодернистских дискурсов тело рассматривается как императивный «план имманенции» (Ж. Дёлез), олицетворяющий собою топологический резервуар номадически сингулярных интенсивностей, в качестве фрактально функционирующих в бессознательной форме желаний. Согласно крупнейшим французским представителям постмодернизма Ж. Делёзу и Ф. Гваттари,

капиталистическая экономика является колониальной системой человеческих отношений параноидального типа, в которых каждый субъект является закодированным фрагментом символического пространства калькулированной коммодификации своей собственной телесной организации. Постмодернистская антикапиталистическая программа связана с иллюстрацией капитала в качестве деспотической машины, порабощающей желающее производство, сконцентрированное в теле каждого индивидуально существующего и развивающегося человека. Эксплуатация тела реализуется на символическом уровне через имманентный ему механизм Эдипова комплекса, процесс интериоризации которого, по мысли французских философов, является квинтэссенцией подавленности творческой многогранности производительных энергетических сил бессознательного, ограниченного экономической самоактуализацией человека в форме восприятия им себя как капитала. Репрессированное капиталом тело представляет собою калькированный бриколаж символически организованных репрезентаций, в совокупности составляющих интерсубъективный массив симулякров, с потоками которых отождествляет свои желания человек. Капитал – это инертный симулякр тела, ставшего аморфным «телом без органов», в символическом измерении которого человек не узнаёт себя в самом себе, а начинает, отчуждаясь от себя, искать извне аналог самого себя в Другом как в высшей инстанции самоотрицания, достигнув однажды которой, он получает ничто иное как собственное беспросветное забвение. Поэтому, как утверждают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, критически осмысляя Эдипов комплекс Фрейда в его отношении к капиталистической экономике, «Эдип – это что-то вроде эвтаназии при этноциде», а капитал как тело без органов – это «не что иное, как коагулированное небытие» [4, с. 268, с. 442]. Тело – это «машина желания», существующая вне зависимости от символического пространства законов капиталистической экономики, которая

производит фантазмы различных форм нехватки, препятствующих обретению самодостаточного бытия, через их символически законодательное укрепление. Эдипальная форма организации экономики предполагает ожесточённые способы реализации анонимной насильственной эксплуатации человека, при которых он отчуждается от самого себя, добровольно самоопределяясь «в качестве неподвижного двигателя», производящего не желания, а множество их знаков, образующих в своей самодовлеющей перманентности тоталитарный режим обезличенного тела, олицетворяющего собою символическое господство в обожествлённом образе чужеродного Другого [4, с. 514]. Капитал в качестве возвышенного объекта желания предстаёт в обожествлённой форме Другого, которому приносит сам себя в жертву человек, взыскующий приобщения к безграничному богатству его символической власти. Поэтому, согласно Делёзу, «в форме капитала, представляющего как нечто трансцендентное» человек усматривает свою сакраментальную связь с собственным телом, полагаясь на его символический аналог в качестве несущей опоры опосредованного соприкосновения с временностью своего существования [7, с. 131]. Если, как утверждает Делёз, тело – это «термометр становления», то именно оно является источником трансверсального измерения «машинного» универсума желаний в качестве глубинного пульсирующего двигателя жизненной энергии, воплощённой в революционных преобразованиях творческого восприятия времени как полноценной формы подлинной самоактуализации человека [7, с. 229]. Деспотическая функциональность капитала состоит в имплицитной экспликации параноидальной индивидуации, образуя инвариантную депривацию человека через его собственное тело, которое пронизывается инстинктом смерти, в форме невосполнимо утраченного ощущения времени. Анализируя бессознательный процесс функционирования человеческого тела, Ж. Делёз и Ф. Гваттари усматривают воз-

можность его полноценной эмансипации через декодирование сконцентрированного в нём шизофренического механизма желаний, высвобождая его ничем не ограниченный потенциал импульсивной интенсивности креативной «линии ускользания» производительных сил [5, с. 9]. Таким образом, если капитал символически является жизнеутверждающей копией человека, то его тело воспринимается им как симулякр, который как «тело без органов» принадлежит ему не иначе, чем через признание со стороны привилегированного Другого. Поэтому капитал – это, по мысли Делёза, «деградирующая икона», в которую самозабвенно верит обесценивающий самого себя человек, и символизирует она для него непрерывность утраченного времени, а его собственное реальное тело олицетворяет собою время аутентично обречённое [6, с. 161].

Гипостазируемый механизм капитала в форме тела без органов критически рассматривается философом-постструктуралистом Ж.-Ф. Лиотаром в качестве метанарратива, который унифицирует и блокирует лабиринтообразную структуру интенсивностей либидинального тела, пронизывающего бессознательным образом весь универсум своими оживотворёнными импульсами. В своей работе «Либидинальная экономика» (1974 г.) Лиотар соизмеряет тело человека с «мембранно-лабиринтной плёнкой, односторонней лоскутной чересполосицей всех тех органов (неорганических и организованных), через которые может пройти либидо» [9, с. 15]. Либидинальная экономика человека образуется в результате восприятия им собственного тела как явления недостаточности бытия, отчуждённого в обожествлённой фигуре обезличенного Другого, конституированного в качестве капитала, накопление которого обеспечивает обесценивающую жизнеспособность интегрированного в него дискретным образом субъекта. Символическое измерение недостаточности бытия обуславливает его локализованное в капитале приумножение, образуя тем самым негативное тело,

в которое инвестируются все имеющиеся у человека силы, ресурсы и желания в целях учреждения коммерческих инстанций обменных операций, обеспечивающих унифицированную коммодификацию органического тела с последующей универсализацией на периферии прибылей и убытков фрагментированных с ним отношений. Иными словами, капитал, семиотически детерминируя время, которое становится нарративным инструментом насильственного воздействия на тело, подчинённого его символической власти, разворачивается во множестве коммерческих операций, направленных на обесценивание базиса не соответствующей ему надстройкой. Капитализация – это символическое протезирование тела с его последующей реинтеграцией в обменные операции, предполагающие его автоматизированную механизацию, ориентированную на производство и приумножение семиотического измерения стоимости человека, делая из него правдоподобное подобие на самого себя. Бестелесное измерение капитала порождает неисчислимое множество симулякров, устанавливающих в своей совокупности аппарат обращения неаутентичных копий человека, вовлечённого в созданные им самим апории неупорядоченных циклов экономических кризисов, что имплицитно обуславливает, по мысли Лиотара, неминуемый процесс «предательства либидинальных “богатств” экономическими знаками этих богатств, которые будут их представлять, но также и навсегда отложат их потребление» [9, с. 157]. Однако, согласно Лиотару, тело – это полиморфный тензор энергетического приращения циркуляций либидинальных интенсивностей, образующий жизнеутверждающую топологию субъективной идентичности, которая в полноте своей самореализации способна преодолевать любые искусственно сформированные механизмы знаково-символических структур коммерческого обнуления её самооценности. Капитал как извращённая форма обеспечения жизнеспособности тела детерминирует и редуцирует его к утилитарным способам

существования, при которых оно эксплицируется в зависимости от устанавливаемой человеком нормы рентабельности своих соматически оформленных активов и степени их ликвидной оборачиваемости. Иными словами, как утверждает Лиотар, «полезность и её “стоимость” суть соответствующие обмену и равновесию раскройке тела», посредством которых «оно обнуляется как безмерная смятая лента и устанавливается как мешок с органами», в котором каждый по-своему ищет, но не может найти полноценное удовлетворение своим собственным существованием [9, с. 276, 317]. Эксплуатируемое в утилитарных целях тело становится в обездвиженное положение относительно своего собственника в лице человека, выстраивающего с ним минимаксные отношения в форме «заимообращения», доводя его до смертоносного истощения [9, с. 361]. Поэтому, как заключает Лиотар, в силу возникновения насильственных форм экономической жизнедеятельности, вызывающих множество бессознательных интенций к депривации и невротизации субъективной идентичности, капитал «является позитивным бредом, умерщвлением традиционных инстанций и институций, деятельным загниванием верований и гарантий, франкенштейновской хирургией городов, представлений, тел» всего человечества [9, с. 427].

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, необходимо отметить, что начиная с конца XIX и в течение всего XX в. формируется интенсивная концептуализация неклассических подходов к осмыслению проблемы становления экономики символического насилия над человеческим телом, олицетворяющей универсум отношений капиталистической жизнедеятельности. Усиление роли экономики в процессе индивидуации человека имплицитно способствует его отделению от собственного тела в форме символического разрыва, приобретающего ценностное значение

в качестве капитала, порождающего безгранично противоречивый образ конституируемой им идентичности как Другого, которому невозможно полноценно соответствовать. В процессе экономической самоактуализации нарушается баланс во взаимоотношениях человека со своим телом, которое от него отчуждается в качестве не признаваемого им основания собственной временности, символически редуцированной в форме насильственного механизма накапливаемого капитала, способствующего интериоризации деконструированной самоидентификации.

Таким образом, всеобъемлющая унификация и универсализация тела как символического Другого, признаваемого в форме исчисляемого капитала, способствовали возникновению фрустрированной по отношению к нему дистанцированности, эксплицитно выраженной в психосоматических проявлениях деструктивной неудовлетворённости человеком собственным существованием. Поэтому глубинное осмысление данной проблемы особым образом отражено в феноменологическом учении Э. Гуссерля, в котором тело предстаёт в качестве эйдетически редуцированной конструкции, через которую самоопределяется человек. В интуитивистском направлении философии жизни А. Бергсона тело осмысляется в качестве экспликации эволюционно длительной инстанции оживотворённых творческих сил и энергий, сконцентрированных в человеке. В экзистенциальной философии М. Хайдеггера тело осмыляется как открытое самозабвенным образом во временности своего существования *про-светляющее* вот-бытие, а в концепции Ж.-П. Сартра предстаёт в качестве нерелексивной структуры в-себе-бытия, определяемого в опыте сформированного посредством Другого – для-себя-бытия. В постмодернистской концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари тело является шизофреническим механизмом производства желающих машин, закреплённых капиталом как телом без органов, олицетворяющим собою вечность фрустрированного во

временности существования. В постструктуралистской концепции Ж.-Ф. Лиотара тело осмысляется в качестве источника либидинальных интенсивностей, капитализируемых в целях коммодификации и последующей эксплуатации всей сущности человека как такового.

В общем и целом проанализированную с помощью концепций данных философов универсальную проблему символического обесценивания человеческого тела во благо его извечно неудовлетворенного двойника в форме идеализированного «я» как Другого можно проиллюстрировать словами главного героя Измаила в рома-

не американского писателя Г. Мелвилла «Моби Дик или Белый кит» (1851 г.), который утверждал, что «то, что именуют моею тенью здесь на земле, и есть на самом деле моя истинная сущность. Мне думается, что, рассматривая явления духовные, мы уподобляемся устрицам, наблюдающим солнце сквозь толщу воды и полагающим, будто эта мутная вода есть наипрозрачнейший воздух. Мне думается, что моё тело – лишь некий осадок моего лучшего бытия. Да право же, пусть кто хочет забирает моё тело, пусть забирает, говорю, оно – не я»¹.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / пер. М. Булгакова. М.: Московский Клуб, 1992. 366 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция / пер. В. А. Флеровой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 384 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию / пер. А. В. Михайлова. 3-е изд. М.: Академический проект, 2019. 489 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Кафка: за малую литературу / пер. Я. И. Свирского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 112 с.
6. Делёз Ж. Различие и повторение / пер. Н. Б. Маньковской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. С. Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 2018. 288 с.
8. Ильин В. В. Философия кризиса: человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика / пер. В. Е. Лапицкого. М.; СПб.: Институт Гайдара: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 925 с.
11. Сартр Ж.-П. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940 / пер. О. Волчек, С. Фокина. СПб.: Владимир Даль, 2002. 816 с.
12. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Библихина. М.: Академический Проект, 2011. 460 с.
13. Хайдеггер М. К философии (О событии) / пер. Э. Сагетдинова. М.: Институт Гайдара, 2020. 640 с.
14. Хайдеггер М. Понятие времени / пер. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2021. 199 с.

REFERENCES

1. Bergson H. Collected Works (Rus. ed.: Bulgakov M., transl. *Sobranie sochinenij*. T. 1. Moscow, Moskovsky Klub Publ., 1992. 366 p.).
2. Bergson A. L'Évolution créatrice (Rus. ed.: Flerova V. A., transl. *Tvorcheskaya evolyuciya*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2017. 384 p.).
3. Husserl H. Ideen zu einer reinen phänomenologie und phänomenologischen philosophie (Rus. ed.: Mihajlov A. V., transl. *Ideji k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii*. Kniga pervaya: Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2019. 489 p.).
4. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. L'anti-Oedipe (Rus. ed.: Kralechkin D., transl. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
5. Deleuze G., Guattari F. Kafka. Pour une littérature mineure (Rus. ed.: Svirsky Ya. I., transl. *Kafka: za maluyu literaturu*. Moscow, Institut obshchegumanitarnyh issledovanij Publ., 2015. 112 p.).

¹ Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит: роман / пер. И. Бернштейна. М.: Эксмо, 2005. С. 91.

6. Deleuze G. Différence et Répétition (Rus. ed.: Manilovskaya N. B., transl. *Razlichie i povtorenie*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 384 p.).
7. Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie (Rus. ed.: Zenkin S. N., transl. *Chto takoe filosofiya?* St. Petersburg, Aletejya Publ., 2018. 288 p.).
8. Ilyin V. V. *Filosofiya krizisa: chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [Philosophy of Crisis: Humanity is on the Verge of Catastrophic Change]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 104 p.
9. Lyotard J.-F. Economie libidinale (Rus. ed.: Lapicky V. E., transl. *Libidinal'naya ekonomika*. Moscow, St. Petersburg, Institut Gajdara Publ., 2018. 472 p.).
10. Sartre J.-P. L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique (Rus. ed.: Kolyadko V. I., transl. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Moscow, AST MOSKVA Publ., 2009. 925 p.).
11. Sartre J.-P. Les Carnets de la drôle de Guerre, November 1939 – Mars 1940 (Rus. ed.: Volchek O., Fokina S., transl. *Dnevnik strannoï vojny. Sentyabr' 1939 – mart 1940*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. 816 p.).
12. Heidegger M. Sein und Zeit (Rus. ed.: Bibihin V. V., transl. *Bytie i vremya*. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2011. 460 p.).
13. Heidegger M. Das Ereignis (Rus. ed.: Sagetdinov E., transl. *K filosofii (O sobytii)*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2020. 640 p.).
14. Heidegger M. Der Begriff Derzeit (Rus. ed.: Shurbelev A. P., transl. *Ponyatie vremeni*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2021. 199 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирошкин Михаил Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Miroshkin – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: mirmaker23@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мирошкин М. С. Экономика символического насилия над человеческим телом: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 44–56.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-44-56

FOR CITATION

Miroshkin M. S. The Economy of Symbolic Violence over the Human Body: Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 44–56.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-44-56

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ, НЕКЛАССИЧЕСКОЙ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Лебедев С. А., Ребрищев В. Д.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)

105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обосновать наличие в структуре метатеоретического знания науки такого существенного элемента, как философские основания науки. Показать необходимость их соответствия реальному содержанию науки в её историческом развитии. Реконструировать философские основания трёх последних этапов её развития: классической, неклассической и постнеклассической науки.

Процедура и методы. Сравнительный анализ философских оснований классической, неклассической и постнеклассической науки.

Результаты. Доказаны изменчивость философских оснований науки в процессе её развития и их соответствие реальному содержанию науки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснованы плюралистический характер философских оснований и необходимость их привязки к реальному содержанию науки.

Ключевые слова: классическая наука, наука, неклассическая наука, постнеклассическая наука, философские основания науки

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF CLASSICAL, NON-CLASSICAL AND POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

S. Lebedev, V. Rebrishchev

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

ul. 2-ya Baumanskaya 5 str. 1, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate the presence of such an essential element as the philosophical foundations of science in the structure of metatheoretical knowledge of science. To show the necessity of their correspondence to the real content of science in its historical development. To reconstruct the philosophical foundations of the last three stages of its development: classical, non-classical and post-non-classical science.

Methodology. Comparative analysis of the philosophical foundations of classical, non-classical and post-non-classical science.

Results. The variability of the philosophical foundations of science in the process of its development and their correspondence to the real content of science is proved.

Research implications. The pluralistic nature of philosophical foundations and the need to link them to the real content of science are substantiated.

Keywords: classical science, science, non-classical science, post-non-classical science, philosophical foundations of science

Введение

Взаимоотношение между философией и наукой на протяжении всего их существования были и остаются диалектически противоречивыми, ибо они одновременно и предполагают, и отрицают, а в конечном счёте и дополняют друг друга, превращаясь в единое целое рационального познания человеком окружающей его действительности¹.

В зависимости от используемого философского знания философские основания науки принимают различный вид: онтологические, гносеологические, логические, культурологические, социальные, аксиологические, антропологические. Как показывает история науки в целом, а также отдельных наук, обращение учёных к философии является особенно востребованным в периоды научных кризисов, научных революций, «смены парадигм», смены фундаментальных теорий².

Вместе с тем история науки столь же убедительно свидетельствует о том, что учёные используют самые разные виды философских оснований при обосновании новых научных теорий, исследовательских программ, научных направлений, научного познания и науки в целом. Но среди разных видов философских оснований науки наиболее часто учёные обращаются к вырабатываемым в философии представлениям о природе научного познания, методам получения научного знания и критериям его истинности. И это не случайно, ибо, как показывает анализ развития науки, она во многом развивается за счёт рефлексии своих методологических положений, принципов, которые в своей совокупности и образуют «технология» получения,

обоснования и легализации нового научного знания [5]. Рассмотрим это на примере анализа философских оснований трёх последних этапов развития науки: классической, неклассической и постнеклассической³. Как известно, классическая наука возникла в Новое время, а её парадигмальной теорией стала классическая механика, решающий вклад в создание которой внесли Г. Галилей, Р. Декарт и И. Ньютон. Это была физическая теория, качественно отличавшаяся от всех прежних теорий «натурфилософии». Главным её отличием было то, что непосредственным предметом классической механики стали не чувственно воспринимаемые объекты материальной действительности, а идеальные объекты: материальные точки (мысленные объекты, имеющие массу, но не имеющие протяжённости), инерция (как «естественное» движение материальных точек без приложенной к ним силы), физическое пространство как идеальное пространство евклидовой геометрии, любая возможная скорость движения материальных точек в евклидовом пространстве (принцип дальнего действия), мгновенная передача действия от одной материальной точки к другой (т. е. с бесконечной скоростью), взаимодействие материальных точек между собой на любом расстоянии друг от друга (закон всемирного тяготения), пространство и время – субстанции, не зависящие друг от друга в своих свойствах. Отношения всех этих идеальных «физических» сущностей описывались с помощью теоретических законов механики, каждый из которых имел форму математического уравнения. Исключением был лишь закон инерции, который имел характер качественного постулата. Чем была классическая механика с точки зрения современной научной терминологии? Это была первая физико-математическая теория об иде-

¹ См.: Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки: учебное пособие. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. 318 с.; Лебедев С. А., Рубочкин В. А. История и философия науки: учебно-методическое пособие. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2010. 196 с.

² См.: [6]; Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Юрайт. 2011. 288 с.

³ Степин В. С. История и философия науки: учебник. М.: Академический проект, 2011. 423 с.

альной физической реальности. И такой её статус был заявлен в самом названии труда Ньютона, имевшего заголовок «Математические начала натуральной философии». Он был своеобразным закреплением правильности основополагающей философской идеи Галилея о том, что «Книга природы написана богом языком математики», а потому главная задача физиков понять этот язык и изложить сущность материальной действительности на этом языке [3; 4].

В основе перехода от классической науки к неклассической лежала опять физика, но в её фундаменте лежали уже идеи, во многом альтернативные и несовместимые с классической физикой. Этот переход начался с выдвинутой М. Планком в 1900 г. гипотезы о квантовом характере электромагнитного излучения и решения на этой основе проблемы «ультрафиолетовой катастрофы»; демонстрации молодым Эйнштейном эффективности гипотезы Планка для объяснения экспериментально установленных фактов давления света на окружающие его объекты и фотоэффекта с выбиванием светом электронов из серебряной плёнки, создания А. Эйнштейном специальной (1905 г.), а затем и общей (1916 г.) теории относительности [1]. А конкретное начало постнеклассической науки началось с создания И. Пригожиным, Г. Хакеном, С. Курдюмовым синергетической картины мира, которая строится уже на господстве в природе нелинейных закономерностей, в основе которых лежит принцип «Порядок возникает из хаоса»¹. Для фиксации различия между классической, неклассической и постнеклассической наукой не только по их предмету и содержанию, но и по философским основаниям, приведём соответствующую легко обозримую таблицу.

Философия и наука тесно взаимодействуют в современном обществе. Попытки построения метафизических или, напротив, позитивистских концепций о преобладании одного из этих видов рационального знания в их взаимодействии неэффективны. Исторический опыт развития науки и культуры показывает, что только равноправное сотрудничество между «метафизикой» и «физикой» позволяет более адекватно познать объективную реальность². При этом столь же очевидно, что содержание философских оснований науки существенно зависит от содержания самого научного знания, значительная часть которого формируется в ходе эмпирического исследования познаваемых наукой объектов в ту или иную эпоху, а также имеющегося у неё собственного арсенала теоретических понятий и математических теорий³. Это приводит к тому, что философские основания науки со временем меняются не только в разных областях науки, но и в её разных культурно-исторических типах: древневосточная, античная наука, наука Средних веков, наука Нового времени, неклассическая наука, современная постнеклассическая наука [4; 6]. Различия философских оснований классической, неклассической и постнеклассической науки можно продемонстрировать с помощью следующей таблицы (табл. 1).

¹ Концепции современного естествознания: учебник для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проект, 2007. С. 18, 36.

² См.: [3]; Философия науки: общий курс: учебное пособие для вузов / С. А. Лебедев, В. Г. Борзенков, Ф. В. Лазарев, Л. В. Лесков и др. М.: Академический проект, 2004. 736 с.

³ Степин В. С. История и философия науки: учебник. М.: Академический проект, 2011. 423 с.

Таблица 1 / Table 1

Различия философских оснований классической, неклассической и постнеклассической науки / The differences in philosophical foundations of classical, non-classical, and post-non-classical science

№ п/п	Классическая наука	Неклассическая наука	Постнеклассическая наука
1	Чистая объективность научного знания	Субъект-объектность научного знания	Консенсуальность (общезначимость) научного знания
2	Абсолютная определенность (однозначность) научных понятий, суждений, теорий	Относительная определенность значений научных понятий, суждений, теорий	Принципиальная неопределенность значения и смысла любых научных понятий, суждений, теорий
3	Однозначный детерминизм (законов, отношений)	Вероятностный детерминизм (детерминизм с мерой)	Индетерминизм (кооперативные, резонансные отношения между объектами и их состояниями)
4	Трансцендентальный индивидуальный субъект научного познания	Трансцендентальный социальный субъект научного познания	Эмпирический (индивидуальный или коллективный) субъект научного познания
5	Абсолютная истина как возможность и цель научного познания	Относительная истина как возможность и цель научного познания	Обоснованная и практически полезная гипотеза как реальная цель научного познания
6	Универсальность (всеобщий характер) научных законов и теорий	Партикулярность (ограниченный характер сферы действия и области применимости) любых научных законов и теорий	Идеализированный характер любых научных законов и теорий
7	Онтологическая первичность – необходимость	Онтологическая первичность – вероятность	Онтологическая первичность – случайность
8	Приоритетный тип научных законов – динамические	Приоритетный тип научных законов – статистические	Не существует приоритетного типа законов, все научные законы являются идеализациями и схематизациями реальности
9	Элементаризм (целое – аддитивная сумма элементов)	Системность (целое больше суммы частей)	Холизм (целое – целесообразное взаимодействие частей)
10	Исходное начало научного познания – чувственный опыт	Исходное начало научного познания – мышление	Исходное начало научного познания – здравый смысл
11	Монотеоретизм (возможна только одна истинная теория об одном и том же объекте)	Комплементарность (дополнительность) (возможно несколько истинных теорий об одном и том же объекте)	Плюрализм (возможно в принципе неограниченное число теоретических представлений и описаний одного и того же объекта)

Окончание Таблицы 1

№ п/п	Классическая наука	Неклассическая наука	Постнеклассическая наука
12	Доказательность научных законов и теорий	Подтверждаемость научных законов и теорий	Легализация законов и теорий на основе стандартов научной рациональности и научного консенсуса
13	Предмет научного познания – объект (как «вещь в себе»)	Непосредственный предмет научного познания – абстрактный объект	Предмет научного познания – сконструированная мышлением реальность
14	Научная теория – дедуктивно упорядоченный текст	Научная теория – частично логически структурированный текст	Научная теория – нарратив (повествование, рассказ, story)
15	Базисная лингвистическая характеристика научного знания – текст	Базисная лингвистическая характеристика научного знания – контекст	Базисные лингвистические характеристики научного знания – интертекст и гипертекст
16	Элементарная единица научной теории – понятие	Элементарная единица научной теории – термин	Элементарная единица научной теории – знак, символ
17	Возможен и существует универсальный научный метод	Методологический плюрализм	Научное познание – особый лингвистический способ самовыражения и творчества
18	Научное знание ценностно нейтрально	Научное знание частично ценностно обусловлено	Научное знание – результат когнитивного творчества ученого
19	Логическая гомогенность научного текста	Частичная логическая гомогенность научного текста	Логическая и лингвистическая гетерогенность научных текстов
20	Познавательный догматизм (объективная истина о предмете познания существует, и она одна)	Разумный скептицизм (объективная истина может быть, или, возможно, она не одна)	Ирония и самоирония в отношении любых претензий на абсолютную объективную истину
21	Интернализм (научное знание развивается, прежде всего, по своим внутренним законам)	Умеренный интернализм (единство внутренних и социокультурных факторов в развитии научного знания)	Экстернализм (наука – социальная деятельность по производству знания и его практическому применению)
22	Сциентизм (наука – главная сила общественного прогресса)	Социологизм (наука – один из факторов общественного прогресса)	Гуманизм (наука должна служить интересам человека и находиться под его контролем)

Источник: составлено автором на основе данных из источника¹.

¹ Лебедев С. А. Курс лекций по философии науки: учебное пособие. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2014. С. 305.

Из вышеприведённой выше таблицы видно, что изменения в философских основаниях науки в ходе её исторического развития столь же динамичны, сколь и изменения в самом содержании науки.

Классическая наука была ориентирована в основном на изучение механических и физических макроявлений, учёные стремились разгадать законы движения земных и небесных тел, сформулировать законы механических, оптических, химических, биологических, термодинамических, электромагнитных макропроцессов. В её основе лежали следующие философские допущения: возможна чистая объективность научного знания, абсолютная определённости научных понятий, предметом научного познания является объект (как «вещь в себе»), монотеоретизм (возможна только одна истинная теория об одном и том же объекте), сциентизм (наука – главная сила общественного прогресса) и др. Работы создателей классической науки (Г. Галилей, И. Ньютон, И. Кеплер) были сосредоточены на конструировании математических моделей реальности. Идея геоцентрической системы мира были заменена гелиоцентрической, открыв путь к новым представлениям о физической природе мира. Для классической науки было характерно убеждение в том, что фундаментальные законы могут и должны быть открыты только с помощью экспериментов, наблюдений и их обобщений.

В рамках неклассической науки с начала XX в. и до его середины было разработано множество новых теорий, охватывающих как старые области классической науки (макромир), так и принципиально новые области (микромир и мегамир). Вот некоторые из наиболее значимых теорий неклассической науки.

– Теория квантов. Развитие квантовой механики, вероятно, является одним из самых революционных достижений этого периода. Такие учёные, как М. Планк, Н. Бор, В. Гейзенберг, Э. Шрёдингер и др., внесли существенный вклад в развитие этой теории, открывшей для науки пред-

ставления о структуре атомов и физических процессах на микроуровне.

– Теория относительности (специальная и общая) А. Эйнштейна осуществила фундаментальный переворот в представлениях прежней, классической науки о пространстве, времени, гравитации и др.

– Генетика и новая теория эволюции всего живого, основанная на законах молекулярной биологии: работы Менделя, Четверикова, Крика, Уотсона и др. привели к радикально новым представлениям о возникновении и развитии жизни на Земле.

– Кибернетика и теория информации: развитие теории связи и информации стали основанием конструирования моделей объектов любой природы, поскольку информация наряду с веществом и энергией является фундаментальной составляющей всех объектов не только живой, но и неживой природы.

В результате сформировалось неклассическое естествознание, основания которого радикально отличались от оснований классического естествознания. Неклассическая наука исходит из существования теоретического плюрализма в науке как естественного, положительного и необходимого фактора развития науки и научного способа познания действительности [2]. Вера классической науки в способность разума построить единственно верную модель реальности оказалась не только ложной, но и фактором, существенно тормозящим научный прогресс. На смену вере классической науки о возможности достижения абсолютно-истинного и абсолютно-объективного знания приходит альтернативный принцип отношения между разными теориями: принцип дополнительности описания объектов в зависимости от условий наблюдения (практических и теоретических предпосылок познания) (Бор). И как неизбежное логическое следствие этого принципа – возможность существования в науке не просто разных, но и альтернативных между собой теорий об одном и том же объекте. Квантовая механика стала первой теорией

неклассической науки, в которой принцип дополнительности стал использоваться как элемент реальной познавательной технологии в виде обязательного требования описания условий, при которых познавался объект. Квантовая механика признала, что объект познания никогда не дан исследователю в его первоизданном состоянии, что он всегда изучает объект не таким, каков он есть «сам по себе», а таким, каким он проявляет себя во взаимодействии с конкретными приборами [6].

Изменились и другие философские основания классической науки. Философия неклассической науки ввела понятие всегда частично ценностно обусловленного научного знания, признала только относительную истину как достижимую цель научного познания, разработала представление об активности субъекта познания. Существенные изменения претерпели и многие философские категории, с помощью которых классическая наука решала общие проблемы научного познания. Это коснулось таких категорий, как объект, субъект, часть, целое, причина, возможность, случайность, вероятность, необходимость, истина и др. Например, изменение содержания категорий целое и часть было вызвано обнаружением таких фактов, когда поведение сложной системы не может быть выведено из знания всех составляющих её частей, когда целое часто оказывается больше, чем аддитивная сумма составляющих их частей. Стало очевидно, что отношение между целым и его частями в сложных системах существенно отличается от их взаимоотношения в простых системах.

Четвёртая научная революция в последней трети XX в. способствовала возникновению постнеклассической науки, одной из теоретических основ которой стала нелинейная картина мира, в которой случай и хаос рассматриваются как необходимые творческие факторы эволюции любых материальных систем. Одним из основоположников такой картины мира является И. Пригожин, создавший новую научную дисциплину – синергетику, предметом

которой является функционирование и эволюция диссипативных структур. Он доказал, что неравновесность таких структур является не только причиной роста их энтропии, но и главным фактором их самоорганизации, единственной внутренней причиной возникновения новых структур после гибели старых. Для обоснования этого положения он доказал теорему о неравновесных процессах, в соответствии с которой установившемуся состоянию процесса соответствует минимум энтропии. Он показал, что при внешних условиях, препятствующих равновесному состоянию, энтропия увеличивается, а если препятствия отсутствуют – энтропия достигает абсолютного минимума (нуля). Другим создателем общей теории неравновесных процессов был Г. Хакен, который ввёл в научный оборот сам термин *синергетика* (греч. *synergeia* – совместный, согласованно действующий) для обозначения направления междисциплинарных исследований, объектом которых являются процессы саморазвития и самоорганизации в любых открытых системах (физических, химических, биологических, экологических, когнитивных и т. д.). В России видными представителями этого направления являются С. Курдюмов, Г. Малинецкий, А. Самарский и др.¹.

Основными отличительными свойствами нелинейной картины мира являются:

- необратимость эволюционных процессов;
- бифуркационный характер эволюции – чередование периодов относительно монотонного движения и возникновения зон бифуркации, где система утрачивает устойчивость и переходит на максимально неопределённый уровень;
- динамизм структуры саморазвивающихся систем: необходимо различать два типа изменений в любой эволюционирующей системе – структурный (когда устойчивость системы сохраняется за счёт пере-

¹ Философия науки: общий курс: учебное пособие для вузов / С. А. Лебедев, В. Г. Борзенков, Ф. В. Лазарев, Л. В. Лесков и др. М.: Академический процесс, 2004. 736 с.

стройки своей структуры) и системный (в этом случае система переходит на качественно новый уровень);

– новое понимание будущего: поскольку в любой системе всегда потенциально существуют альтернативные сценарии её эволюции, то её возможное будущее всегда так или иначе оказывает влияние на текущий процесс¹.

Синергетика впервые открыла универсальный механизм возникновения порядка из хаоса. Это открытие было революционным потому, что прежде физическая наука признавала эволюцию только в сторону увеличения энтропии системы, т. е. увеличения беспорядка, хаоса. Синергетика показала, что любая система в своём развитии неизбежно проходит через точки бифуркации (состояния неустойчивости), но в эти моменты она всегда имеет (неопределённое в своей мощности) множество возможных направлений своего эволюции. Выбор системой одного из них реализуется путём незначительных случайных флуктуаций, которые играют функцию начального «импульса» в формировании у системы новых устойчивых структур. Взаимодействие человека с такого рода системами требует повышенной ответственности, т. к. человек также может стать причиной «небольшого случайного воздействия», которое может резко изменить пространство возможных состояний системы. В итоге субъект становится причастным к выбору системой некоторой траектории своей эволюции из возможных. Т. к. сам выбор не обратим, а возможный путь развития системы не может быть просчитан с достоверностью, то проблема ответственности человека за вмешательство в процесс саморазвития сложных систем становится очевидной. Сказанное позволяет сделать вывод, что постнеклассическая наука имеет дело с системами особой сложности, требующими принципиально новых познавательных и практических стратегий. Картина мира в этом случае строится на основе идей

эволюции и исторического взаимодействия природы и человека. Для изучения и описания саморазвивающихся систем с переменным поведением не пригодны статические идеальные модели. Требуется строить сценарии, включая в них точки бифуркации и возможные пути развития систем. Это привело к существенной перестройке норм и идеалов исследования. Так, осуществить построение идеальной модели уже невозможно без использования компьютерных программ, которые позволяют вводить большое число переменных и цель исторической реконструкции изучаемого объекта².

Вводятся и новые философские основания постнеклассической науки. Это существование кооперативных и резонансных отношений между объектами, холизм (целое как целесообразное взаимодействие частей), консенсуальный характер научного знания и научной истины, гуманизм (наука должна служить человеку) и др. Научное знание становится результатом когнитивного творчества учёного, частично зависящего от состояния общества и культуры, их интересами, потребностями и ценностными и мировоззренческими ценностями. Каждый из названных этапов развития науки: классический, неклассический и постнеклассический имеет свою парадигму (совокупность теоретико-методологических установок и знаний), свою картину мира, свои фундаментальные идеи и философские основания. Классический этап имел своей парадигмой классическую механику, её картина мира строилась на принципе жёсткого детерминизма, ей соответствовал образ мироздания как часового механизма. С неклассической наукой связаны парадигмы относительности, дискретности, квантования, вероятности, дополненности. Постнеклассической стадии науки соответствует парадигма становления и системной организации.

¹ Концепции современного естествознания: учебник для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проект, 2007. С. 38.

² История науки и техники: электроэнергетика и электротехника: учебное пособие для вузов / И. В. Юдаев, И. В. Глушко, Т. М. Зуева. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2021. С. 28.

Этапы развития науки были одновременно сменой типов научной рациональности. Тип научной рациональности – это состояние научной деятельности, представленной как отношение «субъект – средства исследования – объект» и направленной на получение объективной истины. Каждый новый тип рациональности вписан в соответствующую ему научную парадигму. Но между ними не существует глубинного разрыва: новый тип не уничтожает прежний, а показывает границы его применимости¹. Поэтому, говоря о том, что нынешняя эпоха – это эпоха постнеклассической науки, нельзя сбрасывать со счетов прежние типы рациональности: классический и неклассический. Их методологические приёмы, нормы и идеалы научного познания по-прежнему востребо-

ваны при изучении объектов небольшой степени сложности, где постнеклассический тип рациональности зачастую оказывается избыточным.

Заключение

Прогнозируя будущее науки и её философских оснований, можно с уверенностью утверждать, что статус доминирующего и определяющего будет принадлежать постнеклассическому типу рациональности. В эпоху техногенной цивилизации определение стратегии научного поиска с необходимостью должно включать гуманистические ориентиры, вопросы, связанные с человеком и его жизнью на планете Земля².

Статья поступила в редакцию 29.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зацепин Э. Э. История зарождения и развития классической и неклассической науки и психологии // Молодой учёный. 2017. № 12 (146). С. 160–168.
2. Лебедев С. А. Методологический плюрализм современной науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 3. С. 63–76.
3. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.
4. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
5. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
6. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. Избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с.

REFERENCES

1. Zatsepin E. E. [History of the Origin and Development of Classical and Non-Classical Science and Psychology]. In: *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2017, no. 12 (146), pp. 160–168.
2. Lebedev S. A. [The Methodological Pluralism of Modern Science]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2021, no. 3, pp. 63–76.
3. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2021. 626 p.
4. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya koncepciya* [Philosophy of Science: A Positive Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
5. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Level Methodology of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
6. Lebedev S. A. *Filosofiya. Metodologiya. Nauka. Izbrannye stat'i* [Philosophy. Methodology. The Science. Selected Articles]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 720 p.

¹ Степин В. С. История и философия науки: учебник. М.: Академический проект, 2011. 423 с.

² История науки и техники: электроэнергетика и электротехника: учебное пособие для вузов / И. В. Юдаев, И. В. Глушко, Т. М. Зуева. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2021. С. 29–30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail : saleb@rambler.ru

Ребрищев Виталий Дмитриевич – аспирант факультета энергомашиностроения Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: saleb@rambler.ru

Vitaly D. Rebrishchev – Postgraduate Student, Faculty of Power Engineering, Bauman Moscow State Technical University;

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А., Ребрищев В. Д. Философские основания классической, неклассической и постнеклассической науки // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 57–66.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66

FOR CITATION

Lebedev S. A., Rebrishchev V. D. Philosophical Foundations of Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 57–66.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-57-66

УДК. 167; 304.444

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-67-84

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ГИБКОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОЛОГИИ КАК НАУКИ

Седанкина Т. Е.*Российский исламский институт**420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Становление любой науки представляет собой непростой, часто тернистый путь, начиная с её официального признания как на государственном уровне, так и в среде академического сообщества, завершая определением её предметного поля, а также выработки специальной методологии исследования. Ещё труднее происходит становление теологии как науки, предметное поле которой очертить довольно непросто, т. к. её объект выходит далеко за рамки рационального осмысления, а методы познания Предельного зачастую переступают демаркационную черту научного и метафизического. Одним из путей конвергенции секулярного и сакрального, на наш взгляд, является возможность включения основных компонентов «Принципа гибкости методологической рациональности», предложенного Паулем Тиллихом в трёхтомнике «Систематическая теология», в научное поле теологии, что позволит разрешить не только вопросы научности / ненаучности теологии, но также преодолеть разногласия внутри теологического сообщества, наблюдаемые между «богословствующими философами» и «высокообразованными проповедниками».

Процедура и методы. На основании анализа «Принципа методологической рациональности» предпринята попытка выделить и систематизировать показатели гибкости методологической рациональности, представленные нами двумя группами, выделенными на основании их смысловой направленности.

Результаты. К первой группе отнесены показатели, касающиеся роли и места разума в теологии и его специфических черт, среди которых выделяются: наличие разных уровней сознания, в т. ч. ступеней интериорности, высшая из которых указывает на возможность достижения теологом его мета-уровня; нескольких типов разума – формального (технического), участвующего в построении теологических систем и онтологического (экстатического) разума, присутствующего вере и имеющего особое измерение глубины – основания разума, благодаря которому возможен союз когнитивного и эстетического, балансирование между божественным экстазом и демонической одержимостью, а также достижение осознания диалектического единства «основание» разума и его «бездны», являющих собой собственно «источник Откровения», к постижению которого и направлена всякая теологическая мысль. Вторая группа показателей выделена на основании анализа концепций П. Тиллиха, Б. Лонергана и Д. В. Шмонина. К данной группе относится представление групп теологов, находящихся в едином теологическом кругу, однако выполняющих несколько отличающиеся функции, что находит отражение как в преобладании того или иного уровня сознания, а также типа разума у представителей каждой из групп, а также типов теологии, первому из которых даровано несение «живого знания о трансцендентном», второму отводится роль сохранения и распространения догматики и ритуалики, третий связан с соотношением теологических концепций с современными научными знаниями.

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании проведённого исследования считаем, что включение «Принципа гибкости методологической рациональности» в теологическое исследование способствует не только разрешению проблемы научности / ненаучности теологи-

ческого знания, но и снятию некоторых противоречий, наблюдаемых в современном теологическом пространстве.

Ключевые слова: воссоединение когнитивного и эстетического, гибкая рациональность, глубина разума, демоническая одержимость и божественный экстаз, основание разума, рации и Откровение, рациональная теология, систематическая и практическая теология, теология прямой и косвенной речи, формальный и онтологический разум

COMPREHENDING THE PRINCIPLE OF FLEXIBILITY OF METHODOLOGICAL RATIONALITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THEOLOGY AS A SCIENCE

T. Sedankina

Russian Islamic Institute

ul. Gazovaya 19, Kazan 420079, Russian Federation

Abstract

Aim. The formation of any science is a difficult and often thorny path, starting with its official recognition both at the state level and among the academic community, and ending with the definition of its subject field, as well as the development of a special research methodology. Even more difficult is the formation of theology as a science, the subject field of which is not easy to define, since its object goes far beyond rational understanding, and the methods of cognition of the Ultimate often cross the demarcation line between the scientific and metaphysical. One of the ways of convergence of the secular and sacred, in our opinion, is the possibility of incorporating the main components of the “Principle of Flexibility of Methodological Rationality” proposed by Paul Tillich in his three-volume book “Systematic Theology” into the scientific field of theology, which will allow us to resolve not only the issues of scientificity / unscientificity of theology, but also to overcome the disagreements within the theological community, observed between “theological philosophers” and “highly educated preachers”.

Methodology. On the basis of the analysis of the “Principle of methodological rationality”, the present article attempts to identify and systematize the indicators of flexibility of methodological rationality, divided by us into two groups singled out on the basis of their semantic orientation.

Results. The first group includes indicators concerning the role and place of reason in theology and its specific features, among which are: the presence of different levels of consciousness, including levels of interiority, the highest of which indicates the possibility of the theologian to reach his meta-level; several types of reason – formal (technical), involved in the construction of theological systems and ontological (ecstatic), the reason inherent in faith and having a special dimension of depth – the foundation of reason, thanks to which the union of cognitive and aesthetic is possible. The second group of indicators is identified on the basis of analyzing the concepts of P. Tillich, B. Lonergan and D. V. Shmonin. This group includes the representation of groups of theologians who are in the same theological circle, but who fulfill somewhat different functions, which is reflected in the predominance of one or another level of consciousness and type of reason in the representatives of each group, as well as types of theology, the first of which is given the role of carrying “living knowledge of the transcendent”, the second is assigned the role of preserving and disseminating dogmatics and ritualism, the third is related to the correlation of theological concepts with modern scientific knowledge.

Research implications. Based on the conducted research, the article concludes that the inclusion of the “Principle of Flexibility of Methodological Rationality” in theological research contributes not only to the resolution of the problem of scientificity / unscientificity of theological knowledge, but also contributes to the removal of some of the contradictions observed in the contemporary theological space.

Keywords: reunification of the cognitive and the aesthetic, flexible rationality, depth of reason, demonic possession and divine ecstasy, the foundation of reason, rationality and revelation, rational theology, systematic and practical theology, direct and indirect theology, formal and ontological reason

Введение

В связи с актуализацией процесса формирования методологии теологии современные исследователи обращаются к анализу не только российского религиозного наследия, но и к трудам протестантских и католических исследователей. «Заметный рост интереса исследователей к различным аспектам философско-теологических изысканий, к дискуссиям между представителями различных конфессий и направлений, к переосмыслению взаимоотношения между "природой" и "духом", наукой и культурой, естественнонаучным и гуманитарным знанием, философией и религией и даже религией и наукой» [14, с. 183; см. 3], – пишет И. В. Фотиева, обращая внимание на важность изучения трудов протестантского мыслителя Пауля Тиллиха (1886–1965). Несмотря на то, что его идеи критикуются как со стороны академического сообщества, так и самими теологами¹, при формировании методологии теологии, разработанные им принципы соотношения светского и религиозного достойны нашего самого пристального внимания.

Согласно «Принципу методологической рациональности» Пауля Тиллиха систематическая теология, как и всякое научное рассмотрение реальности, следует определённому способу выведения и утверждения собственных предположений, т. е. руководствуется специфическим методом, характер которого зависит от многочисленных внерациональных факторов, однако после того, как этот метод принимается, теолог следует ему рационально и последовательно. «Окончательным выражением

последовательности применения методологической рациональности является *теологическая система*, которая и является гарантией последовательности когнитивных утверждений во всех сферах методологического знания» [13, с. 61]. Однако важно осознать, что теологическая система имеет как преимущества, так и недостатки. К преимуществам, несомненно, относится её «окончательное выражение последовательности применения методологической рациональности». Недостатком же является то, что системность может стать преградой на пути дальнейших исследований, представляя собой некое подобие тюрьмы, в которой душатся всякие творческие проявления духовной жизни и человек, лишаясь возможности «рисковать» в сфере мысли» [13, с. 62; 10]. Для минимизации данного недостатка важно, чтобы теология, как и другая наука, имела свою особую гибкую методологию. Вначале данного исследования рассматривается группа показателей гибкости методологической рациональности, касающихся роли и места разума в теологии и его специфических черт, после чего представлена вторая группа показателей, раскрывающая внутреннюю структуру теологии и собственно теологического сообщества.

Показатели гибкости методологической рациональности, касающиеся роли и места разума в теологическом исследовании

Во-первых, гибкость методологической рациональности заключается в признании богословскими науками роли разума, а также наличия нескольких его типов. «Отрицать разум в классическом смысле античеловечно, потому что это антибожественно» [13, с. 80], – читаем у Пауля Тиллиха, указывающего на то, что вопрос заключается не в признании роли разума в теологии, а в том «в какой мере теологии присущ рациональный характер?» [13, с. 56]. Несомненно, не разум создаёт содержания теологии, не он является её источником, однако именно разум необходим для построения теологи-

¹ Проанализировав причины критического отношения к протестантскому мыслителю, российский философ Светлана Коначева заключает: «Для либеральных теологов Тиллих слишком теоцентричен; для лютеран он слишком идеалистичен; философы находят его концепции слишком онто-теологическими; экзистенциалисты считают, что он слишком оптимистичен; диалектические и постмодерные теологи считают его слишком онтологичным; для теологов освобождения он слишком консервативен; интерпретаторы, которые ищут систематической согласованности, видят в его трудах массу противоречий» [6, с. 10].

ческой системы, а также интериорный уровень сознания. Т. В. Литвин, занимающаяся проблемой непереводамости философских терминов, указывает на отсутствие в русском языке аналогов понятия «интериорность» – термина, введённого Августином Аврелием (ум. 430) в контексте теологии, понимаемым в качестве «внутреннего опыта», «внутренней структуры», «внутреннего мира», обращает внимание на особые процессы мышления и самосознания человека [7, с. 38–39]. С позиции религиозного сознания интериорность указывает на положение человека в качестве «наблюдателя

собственного внутреннего опыта, беседу души с Богом, самонаблюдение от первого лица, способное привести к доказательству сопричастия Бога, его воли, возможности его “вспомнить” в опыте самопознания» [9, с. 26]. Интериорный уровень сознания указывается в качестве ключевого в книге «Метод в теологии» Бернарда Лонергана, где католическим теологом соотносятся различные уровни сознания со способами познания мира. Представим концепцию Лонергана в табличном виде, что позволит более чётко представить данную структуру (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Соотношение уровней дифференциации сознания со способами познания мира по Б. Лонергану / Correlation of levels of consciousness differentiation with ways of the world cognition according to B. Lonergan

Уровень сознания	Характеристика уровня сознания	Уровни (способы) познания
Уровень здравого смысла	Недифференцированное сознание – бытовой уровень, обыденная жизнь	Эмпирический уровень – уровень ощущений, восприятия, воображения, чувствования
Уровень теоретического смысла	Дифференцированный уровень – способность, обретаемая в процессе обучения, интеллектуальных и моральных усилий, озарений (инсайтов) и открытий.	Интеллектуальный уровень – уровень вопрошания, понимания, выражение понятого, выработка предпосылок и импликации этого выражения.
Уровень интериорных смыслов	Интериорный уровень. 1 ступень – постижение внутренней сути и взаимосвязи внешних предметов и свойств (естественнонаучное и математическое познание);	Рациональный уровень – уровень размышления, досмотра очевидных свидетельств, вынесение сужений об истине или лжи, достоверности или вероятности, об утверждении.
	2 ступень – постижение человеческой реальности в её психологическом, духовном и социальном измерениях (гуманитарное знание и философия);	Интериорный уровень – уровень выстраивания смысла посредством собственных индивидуальных усилий по интерпретации данных (экзистенциальная философия, экзистенциальная психология, теология).
	3 ступень – приближение к трансцендентной реальности.	
Уровень духовных смыслов	Стремление к познанию трансцендентных смыслов посредством рациональных и иррациональных изысканий (религиозная вера, духовные практики)	Уровень ответственности (мета-уровень) – уровень рефлексирования над собственными смыслами и ценностями, действиями и их оценивание с мета-позиции.

Источник: составлено автором по данным источника [8, с. 23].

Лонерган отмечает, что переход с одной ступени развития интенционального (смыслоформирующего) сознания на другую совершается не плавно и беспроблемно, полуавтоматически, а через ряд интеллектуальных, нравственных и духовных обращений, знаменующих собой качественные переходы не только в обретаемом знании, но и в личности познающего человека. Продвижение по ступеням интенционального сознания постепенно добавляет новых постижений, выстраивание смыслов, в соответствии с которыми организуется жизнь и совершаются поступки человека. Рассмотрев характеристики уровней дифференциации сознания, становится очевидным, что способность к познанию трансцендентного предполагает наличие высшего уровня. В идеале теолог должен являться носителем этого высшего уровня, который достигим только благодаря опыту осмысления реальности мира и человека в мире.

Помимо уровней сознания можно говорить о различных типах разума, используемых теологом в своей исследовательской деятельности. Пауль Тиллих выделяет два типа разума: технический – разум, участвующий в построении системы – и онтологический – экстатический разум, присущий вере. Как пишет П. Тиллих, «когнитивный элемент, обладающий экзистенциальным,

самоопределяющим и самоподчиняющим характером, присущ вере даже самого неразвитого в интеллектуальном отношении человека» [13, с. 56]. Проанализировав основные положения Тиллиха относительно технического и онтологического типов разума, систематизируем информацию и приведём её в табличном варианте (табл. 2).

Подобно Платону, Тиллих сравнивает «онтологический разум с возничим, направляющим душу к собственной природе» [11, с. 107]. Технический же разум рассматривается мыслителем в качестве его спутника. Стремление очистить онтологический разум от технического может привести к «предельному господству иррационализма, субъективизма и волюнтаризма». Очищение же технического разума от онтологического приводит к прагматизму и плоскостному линейному мышлению. На основании данных размышлений Тиллих подводит нас к выводу, что «нет необходимости выбирать между техническим и онтологическим разумом, приводя платоновскую идею: «Нет коней – не будет и “возничего”» [11, с. 107]. Важно их правильное «соупорядочивание и разграничение полномочий». При построении теорий больше преобладает технический разум, при осмыслении глубинных экзистенциальных процессов – онтологический.

Таблица 2 / Table 2

Признание наличия различных типов разума как показатель гибкости методологической рациональности / Recognizing the existence of different types of reason as an indicator of the flexibility of methodological rationality

Формальный (технический) разум [13, с. 80]	Онтологический (экстатический [13, с. 116], самотрансцендирующий) разум
«несвободный, калькулирующий» [13, с. 116] разум, являющийся сильным лишь в средствах	разум во всей своей полноте, объединяющий интуитивные, эстетические, практические и эмоциональные составляющие
разум, действующий в горизонтальном измерении, участвуя в построении рациональных систем	разум, способный действовать в вертикальном измерении, участвуя в проживании предельной заботы
разум, применяемый в ходе рационального осмысления содержания веры, норм, ценностей и смыслов.	разум, задействованный в восприятии содержания веры, заставляющей верующим, охватывая, переполняя и потрясая его

Второй показатель гибкости методологической рациональности заключается в возможности и необходимости гармоничного сочетания формального (технического) разума, заключающегося в способности рассуждать логически и онтологического (экзистенциального, экстатического) разума, имеющего особое измерение глубины. Технический разум, будучи разделённым с онтологическим, не подпитываемый им, приводит к «обесчеловечиванию человека» [13, с. 81]. Онтологический разум, будучи разлучённым с техническим, не уравновешиваемый им, способен привести к демонической одержимости, к дезинтеграции и разрушению психики, т. е. к расчеловечиванию человека. Лишь их гармоничное сочетание и функциональная согласованность дают возможность прикосновения к «надчеловеческому состоянию» благодаря достижению той глубины разума, где «границы между познающим, познанием и познаваемым стираются»¹. Человек приобретает возможность приближения к состоянию «онтологического озарения», при котором «деятельный разум приводит каждую душу к её архетипической разумности или состоянию чистого разума» [1, с. 40], когда слова превращаются в символы, а речь принимает метафорический характер, способный в той или иной мере отразить пространство внутренней реальности.

Третий показатель гибкости методологической рациональности является собой союз когнитивного и эстетического, возможный благодаря глубине разума. Тиллих отмечает, что на определённой глубине когнитивная функция разума объединяется с функцией эстетической [13, с. 97]. Разъяснение этого единства находим у Людвиг Витгенштейна (1889–1951), описывающего процессы, происходящие «по ту сторону границы», когда наступает момент невозможности осуществления высказываний познавательного типа. «Здесь мир постигается целостно, возникает чув-

ство сопричастности миру и жизни, становятся значимыми проблемы Бога, смысла жизни, смерти, счастья и горя, представляя не в бесстрастном безличном описании, открываясь каждому человеку лично... Самые важные, самые интересные философские проблемы жизни, судьбы лежат за этой границей. Их удаётся особым образом выражать в музыке, поэзии, религиозных ритуалах, философии. Высказать же их повествовательно, в форме знания, нельзя. Они раскрываются лишь косвенно – показывают себя» [5]. Тиллих подчёркивает, что поиск воссоединения когнитивного и эстетического, возможного благодаря глубине, «является требованием самого разума, а не результатом противостояния ему. Этот поиск является поиском Откровения» [13, с. 89] – бесконечной глубины Истока, к постижению которого стремится конечный разум.

Четвёртый показатель гибкости методологической рациональности представлен способностью к балансированию между божественным экстазом и демонической одержимостью благодаря «основанию разума», совмещающего в себе рациональный и иррациональный компоненты. В процессе стремления к поиску изначального Истока разум балансирует между божественным экстазом и демонической одержимостью – двумя близкими, но противоположенными состояниями, сопровождающими экстатический опыт. На основе изучения концепции П. Тиллиха осуществим попытку разведения этих понятий (табл. 3).

В приведённой цитате обнаруживаются три ключевых понятия (основание, бездна, глубина). Анализируя термин «Основание» в концепции Тиллиха, приходим к выводу, что с одной стороны оно представляет собой «рациональную структуры бытия», являясь одновременно «его тайной и смыслом» [13, с. 154]; с другой стороны, под «основанием» подразумевается «непоколебимое и объективное Откровение, являя собой «неразрывное и безраздельное соединение с основанием бытия и смыслом» [13, с. 135]. Это «двойное основание»

¹ Шейх ал-Ишрак Шихаб ад-Дин Сухраварди. Свист Симурга [Электронный ресурс] / пер. Я. Эшотса. URL: <http://manuscript.clan.su/kn/simurg.html> (дата обращения: 12.12.2022).

Таблица 3 / Table 3

Разведение состояний божественного экстаза и демонической одержимости. / Distinguishing between states of divine ecstasy and demonic possession

Демоническая одержимость	Божественный экстаз
разрушает рациональную структуру сознания	сохраняет рациональную структуру сознания, трансцендируя (возвышая) разум
выводит сознания «из себя», приводя к ослаблению, ослеплению и <i>разрушению целостности рационального сознания</i> , а также дезинтеграции этических и логических принципов разума	Покушение экстаза на целостность разума (рациональное сознание) открывает новое измерение познания – понимание в отношении предельной заботы и тайны бытия. «Экстаз объединяет в себе <i>опыт той бездны</i> , куда влечется разум во всех его функциях, с <i>опытом того основания</i> , в котором разум охвачен тайной его собственной <i>глубины</i> и глубины бытия вообще» [13, с. 118].

способствует сохранению рациональной структуры сознания искателя глубины Источа, одновременно трансцендируя (возвышая) его разум. Имея два фундаментальных основания – рацию и Откровение, оберегающие от впадения в «демоническую одержимость», теолог способен ступить в «бездну», влекущую его разум, представляющую собой «неисчерпаемую бесконечную потенциальность бытия и смысла, заполняющую рациональные структуры сознания и реальности, приводя к их актуализации и преобразованию» [11, с. 110].

Пятый показатель гибкости методологической рациональности заключается в диалектическом единстве основания и бездны разума, которая при определённых условиях и является его источником. Ступая в бездну, абстрагируясь как от собственного основания, так и от ощущения бездны, «разум становится более лёгким, пластичным, “поверхностным”, обретая возможность устремиться к интуитивному единству с собственным Основанием разума и со своей собственной потенциальной бездной» [13, с. 89]. Здесь приходит осознание, что в основании бытия всегда наличествует «элемент бездны, который может быть осознан в когнитивном опыте» [13, с. 114]. Таким образом, два на первый взгляд противоположных понятия находятся в диалектическом единстве, подтверждение чему нахо-

дим у Тиллиха: «Основание – это не только та бездна, в которой исчезает всякая форма, но ещё и источник, из которого всякая форма появляется. Несмотря на присущий основанию бытия характер “бездны”, оно “логично”, включает в себя собственный логос» [13, с. 158]. Для особого измерения онтологического разума Тиллих использует понятие «Глубина», понимаемое им как «объединяющий центр, без которого духовная жизнь мельчает, утрачивает единство и создаёт тот вакуум, через который могут проникать демонические силы» [13, с. 149]. Данное заявление показывает, насколько для теолога ценно данное измерение, насколько важна «охваченность онтологического разума тайной его собственной глубины» [13, с. 118]. Глубина в когнитивной сфере является «свойством разума, тем, что ему предшествует, указывая через себя на «само-истину», на неисчерпаемую силу бытия и предельно реального посредством относительных истин в каждой сфере познания» [13, с. 86]. Д. Эммет назвал это свойство «бездонностью разума», Истоком, пространством наилучшего осуществления, возможного «благодаря интуитивному единению с реальностью» [11, с. 111].

Таким образом, выше рассмотрены пять показателей, указывающих на гибкость методологической рациональности, касающихся роли и места разума в теологии и его специфических черт. Далее приведём

вторую группу показателей, основанную на двух тезисах Тиллиха, которые, на наш взгляд, разъясняют некоторое недопонимание между сегодняшними теологами, которых в современных академических кругах делят на светских и религиозных, хотя данный подход несколько искажает саму суть теологии, которая по определению светской быть просто не может.

Показатели гибкости методологической рациональности, раскрывающие внутреннюю структуру теологии и собственно теологического сообщества

Первым показателем гибкости методологической рациональности в данной группе является предложенное П. Тиллихом условного деление теологов на три груп-

пы, каждая из которых находится в рамках единого теологического круга. Различие между ними заключается в направленности вектора внимания:

- на догматику и следование традиции (группа теологов-ортодоксов, представляющих жреческую (профетическую) теологию);
- на внутренний духовный опыт (группа теологов-пиетистов, являющихся представителями мистической (метафизической теологии);
- на рациональное осмысление и интерпретацию первого и второго (группа действующих по науке теологов, являющих собой идеи рациональной теологии).

Далее рассмотрим ключевые функции каждой из групп, а также их преимущества и слабые стороны (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4
Группы теологов в зависимости от вектора направленности / Groups of theologians depending on the vector of orientation

Тип теолога	Ключевая функция	Преимущества и слабые стороны
Действующий по науке теолог	– выполнение функции само-интерпретации религиозной традиции, носителем которой он является, действуя в рамках теологического круга, продвигаясь от центра к его периферии (горизонтам).	«Рациональная теология» может быть весьма конкретной и универсальной, но при этом находится в постоянном <i>состоянии риска</i> , в переходе черты, разделяющей дозволенное, сомнительное и запретное.
Ортодоксальный теолог	– притязание на уникальность, всеохватность и универсальность религии с акцентом внимания на догматику посредством строгого, буквального следования религиозным текстам; – выстраивание и сохранение особой экзегетической традиции, преимущественно переходящей от поколения к поколению.	«Жреческие и профетические теологии могут быть очень конкретными, но при этом им не хватает универсальности» [13, с. 22].
Теолог-пиетист	– акцентирование внимания не на знания доктрин, а на духовных переживаниях и практике религиозной жизни; – уделение особого внимания опыту собственного духовного обновления и внутренней концентрации на личных отношениях с Богом.	«Мистические и метафизические теологии могут быть очень универсальными, но при этом им не хватает конкретности» [13, с. 22].

Несомненно, представленная градация является весьма условной и зависит как от внутренних устремлений человека, так и от внешних обстоятельств. Однако очевидно, что в зависимости от выполняемых функций у представителей той или иной группы преобладает либо онтологический, либо технический тип разума. Так, «теолог, действующий по науке» чаще пользуется техническим разумом, а теолог-пиетист – онтологическим, что вовсе не исключает использования его элементов теологом от науки, который несомненно осознаёт, что «ничто из того, что может быть открыто посредством методического когнитивного подхода, не может быть названо “тайной”, что раскрытие подлинной тайны возможно лишь в случае выхода разума за свои пределы, в случае устремления к “основанию и бездне”, к тому, что “предшествует” разуму...» [13, с. 114]. В случае осознанного отпускания «возничим поводедей» своего онтологического разума, «кони» вспоминают свою изначальную дикую природу, приводя разум в экстатическое состояние, являющееся базовым условием конечной рациональности, следствием чего может стать особый «экстатический опыт», рассматриваемый Тиллихом как «проявление тайны бытия для когнитивной функции человеческого разума» [13, с. 116–118]. Экстатический опыт способен привести исследователя к «онтологическому шоку» – «состоянию опытного переживания “бездны”, такому состоянию сознания, в котором оно исторгается из своего нормального равновесия, испытывая потрясение всей своей структуры. Разум достигает своей пограничной линии, отбрасывается назад к себе с уже наличествующим личным опытом» [13, с. 117]. Очевидно, что далеко не каждый «теолог, действующий по науке», так же, как и теолог-ортодокс, решится «отпустить поводья». В данном случае важнее, как нам видится, иметь возможность вовремя эти поводья вновь натянуть, иначе «божественный экстаз», возвышающий (трансцендирующий) разум, может обернуться «демонической одер-

жимостью», разрушающей рациональную структуру сознания.

Находясь внутри теологического научно-образовательного пространства, следует констатировать, что вышеназванные неформальные референтные группы представлены вполне явственно, как на уровне прихожан, студенчества, преподавателей религии, так и в научной теологической среде, причём взаимоотношения между ними нельзя назвать дружеским, несмотря на единый теологический круг, объединяющий все три группы. По убеждению Тиллиха, подтверждаемому нашими современными реалиями, «как бы ни хотел действующий “по науке” теолог стать теологом-ортодоксом, для ортодоксального богословского сообщества он всё равно останется лишь религиозным философом» [13, с. 18], и как бы ни хотел теолог-ортодокс стать действующим «по науке» теологом, он все равно останется *высокообразованным проповедником*. Что же касается теолога-пиетиста, то либо он и не желает стать «действующим по науке», либо выбирает тему исследования, связанную с рациональным осмыслением духовного опыта, и тогда встаёт вопрос, может ли личный опыт веры и жизни теолога быть специальным методом теологии. Данный вопрос стал особенно актуальным в связи с тем, что именно он вызвал волну критики после первой защиты кандидатской диссертации по теологии П. В. Хондзинским, который в своём исследовании и предложил данный метод в качестве специального [4, с. 19]. Следует также подчеркнуть, что ни теологов-ортодоксов, ни пиетистов не беспокоят принципы верификации / фальсификации, т. к. они убеждены в истинности своих суждений, основанных на священных текстах. Так, например, «тезис о существовании Бога не поддаётся верификации или фальсификации» так же, как и многие другие «теологические утверждения (богословские догматы) являющиеся непроверяемыми и неопровержимыми, т. к. находятся за пределами повседневного опыта и научного исследования» [15, с. 299]. Это не означает, что «действующий по науке

теолог» нуждается в подтверждении религиозных догматов для себя. Очевидно, что это не так, так как он является религиозным человеком и носителем конкретных определённых традиций. Однако ему важно приведение рациональной аргументации, что не только способствует развитию современной научной теологической мысли, но и подтверждению статуса теологии как науки. Считаем, что теологическому сообществу необходимо понять и принять, что все три группы теологов, являясь неотъемлемыми составными частями единого целого, решают свои уникальные задачи, дополняя и взаимно обогащая друг друга. Более того, заключительный показатель, способствует, на наш взгляд, разрешению этого незримого (но очевидного) теологического внутригруппового «противостояния».

Второй показатель гибкости методологической рациональности представляет

собой разделение теологии на два типа, первому из которых отводится роль сохранения и распространения догматики и ритуалики (систематическая теология), второй связан с соотносением теологических концепций с современными научными знаниями (практическая теология) (табл. 5).

После детального рассмотрения определений, функций и задач двух типов теологии становится очевидным, что в области систематики наиболее эффективным участником является теолог-ортодокс, в области практической теологии «теолог, действующий по науке». Что касается «теолога-пиетиста», то на наш взгляд, он может быть вполне успешным как в систематической, так и в практической сфере теологии.

Несмотря на то, что с определениями, данными вышеприведённым типам теологии, мы не вполне согласны (считаем, что систематическую теологию было бы целе-

Таблица 5 / Table 5

Типы теологий по Тиллиху / Types of theologies according to Tillich

Систематическая (профетическая) теология	Практическая (рациональная) теология
Систематическая теология – это система четко выстроенных религиозных знаний, важнейшим элементом которой является догматика.	Практическая теология – это теория, описывающая средства, адекватные для достижения связи между религиозными догматами и человеческой ситуацией.
Основные функции: – утверждение вероучительной традиции для современной ситуации; – охранительная функция символов веры.	Основная функция – связующее звено между важной для теологии нетеологической стороной, существующей в качестве дополнения к ее систематической части.
Задача систематического теолога – защищать символы веры от разрушительных ересей.	Задача практического теолога или «действующего по науке теолога» – быть связующим звеном между религиозным и научным знанием.
К сфере систематической теологии не принадлежит ни одна из специальных дисциплин, наподобие «философии религии».	Практический теолог должен обладать: – теоретическим и практическим пониманием общих психологических и социологических структур человека и общества; – знанием культурных достижений и проблем в сферах образования, политики, экономики, искусства, медицина, СМИ и др.; – теологическим анализом истории религии и культуры.

Источник: составлено автором на основе источника [13, с. 37–38].

сообразнее назвать догматической, а практическую – рациональной), тем не менее, данное разведение даёт нам понимание несостоятельности разногласий внутри теологического сообщества, возникающее в связи со спутанностью функций и задач, которые нами были подробно представлены при рассмотрении «Принципа конвергенции секулярного и сакрального».

Тиллих не одинок в идее разведения теологии на несколько типов (уровней). Так, канадский католический теолог и философ Бернард Лонерган (1904–1984) также предлагает две формы теологии: теология прямой речи (теология от первого лица) и теология косвенной речи (теология от третьего лица) [2, с. 17], каждая из которых решает свои собственные задачи, используя различные методы, задающие определённый системный каркас, в рамках которого возможно проведение теологического исследования. Ниже приведём задачи каждого типа теологии, выделенной Б. Лонерганом с соответствующими задачами и методами, отдельное внимание которым будет уделено в следующем разделе (табл. 6).

Особенно важно обратить внимание на *трёхуровневую модель теологии* Д. В. Шмони́на (1968) [16, с. 280–306] – председателя Экспертного совета по теологии ВАК при Министерстве науки и высшего образования России, названную им «тетраэдром научной рациональности» – «конусом», который в отличие от тетраэдра не имеет вершины, а устремлён вверх к «горловине бесконечности», ведущей за пределы познаваемого – в «пространство, где обитает Бог». Этот конус описывает многоярусность процессов научного и вненаучного познания, а также взаимодействие дисциплин по мере восхождения к фундаментальным проблемам мироустройства и абсолютным ценностям, где теология занимает пространство вершины тетраэдра, а также выходит за его пределы – за рамки научной рациональности [16, с. 291]. Согласно Шмонину, можно говорить о теологии в трёх значениях, лишь одно из которых ориентировано на критерии объективности и научности, принятые в гуманитарном знании, а потому имеет непосредственное отношение к науке, представляя собой рациональную цен-

Таблица 6 / Table 6
Типы теологии по Б. Лонергану / Types of theology according to B. Lonergan

Теология прямой речи (теология от первого лица)	Теология косвенной речи (теология от третьего лица)
занятие собственной позиции по отношению к религиозной традиции и несение ее в массы – людям другой культурной матрицы; встреча лицом к лицу с проблемами (задачами) собственного настоящего и решение их, исходя из знания религиозной традиции, накопленного опыта, говоря от первого лица.	выслушивание слова, сказанного некогда и усвоение религиозной традиции, посредством вчитывания в авторитетные тексты прошлого; восстановление исторических контекстов, в которых рождались богословские учения прошлого; осмысление внутренних конфликтов, которые возникали / возникают при столкновении различных богословских позиций.
применение специальных операций теологии: фундирование, доктрина, систематика, коммуникация.	применение типичных операций и методов частных гуманитарных наук исторического профиля; при выполнении своей собственной, сугубо богословской задачи, теология применяет методы гуманитарных наук.

Источник: составлено автором.

ностно-мировоззренческую систему, в основе которой лежит доктринальное ядро, догматические принципы, вытекающие из Священного писания. В данном случае речь идёт о «теологии в III значении», находящаяся «внутри тетраэдра» названная Шмоным естественной (*theologia naturalis*), или рациональной (*theologia rationalis*) [16, с. 292]. «Рациональная теология – это теология, развиваемая посредством рациональных процедур, применяемых к естественно доступным истинам. Однако рациональная теология применяема и к истинам, сообщённым в Откровении. Это не мистический опыт боговидения и богообщения, но описание того, каким образом в теологии обосновывается мистика. Это рефлексия над мистическим опытом, вполне укладывающаяся в понятие рациональной теологии» [17, с. 35–36].

Теология во II значении представляет собой «богооткровенную теологию» (*theologia revelata*), «мистическое» или «тайнственное богословие» (*theologia mystica*), являясь «ответным словом человека к Богу и слово о Боге», «место чувственной и духовной встречи с Богом, опыт переживания этой чувственной или духовной связи, постоянная связь с Богом в религиозной жизни, способность созерцать Бога и жить им» [17, с. 33–34]. Данный тип теологии основан на интуиции верующих, воспринимаемой ими как комплекс знаний, открытых человечеству в вере. Причём эти знания носят для верующих принципиально неоспоримый, а потому чаще вненаучный характер.

Теология в I значении, обозначенном как «изначальное Слово Бога», «учительское слово Откровения» [17, с. 33], выходит за пределы человеческой рациональности и устремлено к «горловине бесконечности», ведущей за пределы познаваемого, в «пространство, где обитает Бог».

Таким образом согласно Шмону, в I и II значении теологии как о науке речь не идёт. Однако именно в них раскрывается суть теологии как «мировоззренческого, ценностного, вероучительного ядра, как

жизненного опыта богослова и аксиоматической базы» [17, с. 34], являющихся основой последующих рационализаций, для теологических проекций в науку, возможных в её III значении, которое также можно охарактеризовать как «теологию родительного падежа» [12, с. 259; 18], проявляющуюся в форме теологии культуры, политической теологии, теологии образования и т. д., «связанные не с открытиями в области научной теологии, но с использованием теологической методологии и концептосферы для осмысления проблематики, традиционно к сфере богословского знания не относящийся» [12, с. 259] (табл. 7).

На основании рассмотрения подходов Тиллиха, Лонергана и Шмона относительно типов (уровней теологии), видов теологов, задач и способов (методов) их достижения, а также соотнесения вышеуказанных концепций, предпримем попытку сделать некоторые выводы.

1. С некоторой долей условности Тиллиховскую систематическую (профетическую) теологию можно соотнести с Лонергановской теологией прямой речи (теологию от первого лица) и с теологией в I и II значении Шмона¹. Практическая (рациональная) теология Тиллиха соотносима с теологией косвенной речи (теологией от третьего лица) Лонергана, а также рациональной теологией (Теологией в III значении) Шмона [18].

2. Выделенные Тиллихом группы теологов, градация которых не обнаружена у других исследователей, позволяет предположить, что теологи-ортодоксы (богословы), порой воспринимаемые теологами от науки «высокообразованными проповедниками», занимаются решением задач систематической (профетической) теоло-

¹ Следует отметить, что о теологии в I значении в работах Д. Шмона нами обнаружено очень незначительный объём информации. Более того, информация I и II значении порой пересекается, что требует более глубокого погружения в изучение данной темы. Однако в рамках рассмотрения принципа гибкости методологической рациональности достаточно факта наличия разных типов (уровней) теологии.

Таблица 7 / Table 7
Уровни теологии по Д. В. Шмонину / Levels of theology according to D. V. Shmonin

Теология в I значении	Теология во II значении	Теология в III значении
Изначальное Слово Бога, учительское слово Откровения	Ответное слово человека к Богу и слово о Боге	Слово о Боге.
Богооткровенная тео- логия (theologia revelata)	Мистическое / таинственное богословие (theologia mystica)	Рациональная теология (theo- logia rationalis), естественная теология (theologia naturalis),
Местоположение в тетраэдре научной рациональности		
<i>Пространство, где оби- тает Бог – «Горловина бесконечности», ве- дущая за пределы по- знаваемого, за грань человеческой рацио- нальности.</i>	<i>Пространство опыта веры – верхняя часть тетраэдра, устремляющаяся к «горловине бесконечности», направленная за пределы рациональности.</i>	<i>Пространство систематиче- ского выражения религиозной доктрины, рассматриваемой в различных дисциплинах – верхняя часть тетраэдра, укладывающаяся в пределы научной рациональности.</i>
Способы познания		
– Богооткровение; – опыт веры –пере- живание чувственной и духовной встречи с Богом, постоянной свя- зи с Ним; – мистический опыт боговидения и богооб- щения; интуиция как комплекс знаний, открывающих- ся в вере и носящих не- оспоримый характер.	– познание, основанное на нормативно-догматических ак- сиомах, принятие, а не измыш- ление аксиом; – специальные методы познания, отправной точкой которых явля- ется Священный текст; – концептуальный анализ ис- точников: герменевтические ме- тоды, исследование грамматики языка, смысла слов; – исследование исторического контекста.	– <i>рациональные процедуры</i> , универсальные и специаль- ные научные методы, при- меняемые как к естественно доступным истинам, так и к истинам, сообщённым в Откровении; – рефлексия над мистическим и его рациональное обосно- вание; – теологические проекции в науку
Задачи теологии		
– интуитивное при- общение к изначальным, не требующим доказа- тельств аксиомам, «жи- вому» знанию о транс- цендентном [17, с. 30].	– сохранение мировоззренче- ского, ценностно-вероучитель- ного ядра; – систематизация аксиомати- ческой базы на основе класси- ческих религиозных текстов; – изучение жизнеописания и богословского наследия пред- шественников.	– систематическое выражение религиозной доктрины, через призму различных дисци- плин; – рационализация ценностно- мировоззренческой системы, в основе которой лежит док- тринальное ядро, догматиче- ские принципы, заложенные в Священном писании – теологические проекции в науку; – рефлексия и рациональное обоснование мистического
Выходит за рамки теологической рациональности, т. е. за рамки науки.		Находится в рамках научной рациональности.

гии, теологии прямой речи (теологией от первого лица) и богооткровенной теологии (мистическим богословием):

- сохранением мировоззренческого, ценностно-вероучительного ядра;
- распространением религиозной традиции (проповедническая деятельность);
- систематизацией аксиоматической базы на основе классических религиозных текстов.

3. Группа «действующих по науке теологов», часто воспринимая теологами-ортодоксами в качестве «религиозных философов» или «философствующих интеллектуалов» [17, с. 49] призваны быть связующим звеном между религиозным и научным знанием, решая задачи Тиллиховской практической теологии, теология косвенной речи (теология от третьего лица) Лонергана, рациональной теологии Шмонина:

- изучение религиозной традиции, посредством вчитывания в авторитетные тексты с целью восстановления исторических контекстов, изучения столкновения различных богословских позиций и осмысления внутренних противоречий;
- систематическое выражение религиозной доктрины, через призму различных дисциплин;
- теологические проекции в науку;
- рефлексия и рациональное обоснование мистического.

4. На основании рассмотрения типов теологии и задач, соответствующих каждому из них, нами выведено следующие определения теологии:

- богооткровенная теология – это «живое знание о трансцендентном» [15, с. 213], основанное на личном опыте веры, мистическом опыте боговидения и богообщения, чувствовании духовной связи с Всевышним, следствием чего является интуитивное приобщение к изначальным, не требующим доказательств аксиомам;
- систематическая (догматическая) теология – это мировоззренческое, ценностно-вероучительное ядро, основанное на догматических принципах, заложенных в религиозных текстах, а также богословском

наследии предшественников, составляющим аксиоматическую базу, являясь основой для последующих рационализаций;

- рациональная теология – это рациональная ценностно-мировоззренческая система, имеющая своим доктринальным ядром Священный текст, позволяющая рационализировать религиозную доктрину посредством её рассмотрения через призму различных дисциплин. (Теология родительного падежа: теология культуры, теология образования, политическая теология) (табл. 8).

Заключение

В представленном исследовании осуществлена попытка выделения и систематизации показателей гибкости методологической рациональности на основании рассмотрения «Принципа методологической рациональности», сформулированного Паулем Тиллихом, что на наш взгляд позволяет проследить возможность сближения секулярного и сакрального, так или иначе имеющее место в теологическом исследовании.

К первой группе отнесены показатели, касающиеся роли и места разума в теологии, а именно:

- признание богословскими науками роли разума, а также наличия формального и онтологического типов разума;
- осознание возможности и необходимости гармоничного сочетания формального (технического) разума, заключающегося в способности рассуждать логически и онтологического (экзистенциального, экстатического) разума, имеющего особое измерение глубины;
- признание возможности союза когнитивного и эстетического, возможного благодаря глубине разума;
- осознание возможности балансирования между божественным экстазом и демонической одержимостью благодаря «основанию разума», совмещающего в себе рациональный и иррациональный компоненты;

Таблица 8 / Table 8

Соотнесение подходов Тиллиха, Лонергана и Шмонина относительно типов (уровней теологии), видов теологов, задач и способов (методов) их достижения / Correlation of the approaches of Tillich, Lonergan and Schmonin regarding types (levels of theology), types of theologians, tasks and ways (methods) of achieving them

Тиллих	Тип теологии	Систематическая (профетическая) теология		Практическая (рациональная) теология
	Задачи	утверждение вероучительной традиции от разрушительных ересей		связующее звено между религиозным и научным знанием
	Группа теологов	Теологи-ортодоксы (богословы) («высокообразованный проповедник»)		Действующие по науке теологи («религиозный философ»)
		Теологи-пиетисты мистической стороны теологии		
Лонерган	Тип теологии	Теология прямой речи (теология от первого лица)		Теология косвенной речи (теология от третьего лица)
	Задачи	Несение в массы религиозной традиции от самого себя (проповедническая деятельность)		изучение религиозной традиции, посредством вчитывания в авторитетные тексты с целью восстановления исторических контекстов, изучения столкновения различных богословских позиций и осмысления внутренних противоречий
	Группа теологов	отсутствует		отсутствует
Шмонин	Тип теологии	Богооткровенная теология (Теология в I значении)	Мистическое богословие (Теология во II значении)	Рациональная теология (Теология в III значении)
	Задачи, стоящие перед типом теологии	«Изначальное Слово Бога» Изучение Откровения и погружение в его тайны	«Ответное слово Богу, слово о Боге» сохранение мировоззренческого, ценностно-вероучительного ядра; систематизация аксиоматической базы на основе классических религиозных текстов	«Слово о Боге» систематическое выражение религиозной доктрины, через призму различных дисциплин; теологические проекции в науку; рефлексия и рациональное обоснование мистического
	Группа теологов	отсутствует	отсутствует	отсутствует

– признание наличия диалектического единства основания и бездны разума, которая при определённых условиях и является его источником.

Ко второй группе отнесены показатели, касающиеся внутренней структуры теологии и групп теологов, решающих различные задачи, что находит отражение как в преобладании того или иного типа разума, так и в типе теологии. Показатели данного типа предполагают необходимость осознания возможности:

– условного деление теологов на три группы, каждая из которых находится в рамках единого теологического круга (теолог от науки, догматический теолог и теолог-пиетист);

– разведения теологии на несколько типов (уровней), первому из которых даровано несение «живого знание о транс-

цендентном», второму отводится роль сохранения и распространения догматики и ритуалики, третий связан с соотношением теологических концепций с современными научными знаниями.

Включения вышеназванных компонентов «Принципа методологической рациональности» в научное поле теологии позволяет разрешить вопросы научности / ненаучности теологии за счёт признания гибкости методологии теологии, а также преодолеть разногласия внутри теологического сообщества. Важно осознать, что все группы теологов, являясь неотъемлемыми составными частями единого целого, решают свои уникальные задачи, дополняя и взаимно обогащая друг друга.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бамфорд К. Эзотеризм сегодня: пример Анри Корбена / пер. А. Тургиева, Ц.-Б. Бадмажапова) // Корбен А. Свет Славы и Святой Грааль. М.: Волшебная Гора, 2006. С. 7–52.
2. Вдовина Г. В. Бернард Лонерган: метод в теологии и гуманитарные науки // Философский журнал. 2013. № 2 (11). С. 5–18.
3. Войнова А. В., Чистякова А. В. Концепция соотношения религии и культуры в религиозно-философской концепции Пауля Тиллиха // Религия, культура, язык в России и за рубежом: сборник тезисов выступлений по материалам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 15 сентября 2023 г. / под ред. В. М. Строгеецкого. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви, 2023. С. 71–75.
4. Золотухин В. В. Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения: дис. ... д-ра теологии. СПб., 2023. 514 с.
5. Козлова М. С. Вера и знание: Проблема границы. (К публикации работы Л. Витгенштейна «О достоверности») // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 58–66.
6. Коначева С. Само-бытие, небытие и свобода: онтология свободы Пауля Тиллиха и постмодерная теология // Богословие, культура, образование. 2020. Т. 23. № 1. С. 10–22.
7. Литвин Т. В. Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально непереводимы? // Артикульт. 2012. № 3 (7). С. 37–45.
8. Лонерган Б. Метод в теологии / пер. Г. В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 400 с.
9. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? // Проблемы теоретической социологии / под. ред. А. О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
10. Никифоров А. Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / отв. ред., сост. И. Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. С. 296–327.
11. Пименов С. С. Структура разума и проблемы культуры (некоторые аспекты теологии культуры П. Тиллиха) // Аспекты: сборник статей по философским проблемам истории и современности. Вып. IV. М.: Современные тетради, 2006. С. 105–119.
12. Прилуцкий А. М., Шмонин Д. В. Институционализация теологии: опыт и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 254–263.
13. Тиллих П. Систематическая теология. Т. I–II / пер. О. Я. Зоткина. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 463 с.

14. Фотиева И. В. Пауль Тиллих: профанное и священное в культуре // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 3–1. С. 182–190.
15. Хлебников Г. В. Античная философская теология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2014. 312 с.
16. Шмонин Д. В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. 2019. Т. 1. № 3. С. 280–306.
17. Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию. СПб.: СПб ПДА: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 460 с.
18. Шмонин Д. В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207.

REFERENCES

1. Bamford C. The Voyage and the Messenger: Iran and Philosophy (Rus. ed.: Turgiev A., Badmazhapov C.-B., transl. *Ezoterizm segodnya: primer Anri Korbeni*). In: Korben A. *Svet Slavy i Syvatoi Graal'* [Light of Glory and the Holy Grail]. Moscow, Volshebnyaya Gora Publ., 2006, pp. 7–52).
2. Vdovina G. V. [Bernard Lonergan: Method in Theology and the Humanities]. In: *Filosofskij zhurnal* [Philosophical Journal], 2013, no. 2 (11), pp. 5–18.
3. Voinova A. V., Chistyakova A. V. [The Concept of the Relationship between Religion and Culture in the Religious and Philosophical Concept of Paul Tillich]. In: *Religiya, kul'tura, yazyk v Rossii i za rubezhom. Sbornik tezisev vystuplenij po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhny Novgorod, 15 sentyabrya 2023 g.* [Religion, Culture, Language in Russia and Abroad: collection of abstracts of speeches based on the materials of the international scientific and practical conference, Nizhny Novgorod, September 15, 2023]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Theological Seminary of the Nizhny Novgorod Diocese of the Russian Orthodox Church Publ., 2023, pp. 71–75.
4. Zolotuhin V. V. *Nemeckoyazychnye ucheniya XIX veka o religioznom chuvstve v kontekste razmezhvaniya protestantskoj teologii i religiovedeniya: dis. ... d-ra teologii* [German-Language Teachings of the 19th century about Religious Feeling in the Context of the Demarcation of Protestant Theology and Religious Studies: Dr. Sci. Thesis in Theology]. St. Petersburg, 2023. 514 p.
5. Kozlova M. S. [Faith and Knowledge: The Problem of the Border (On the Publication of L. Wittgenstein's Work "On Reliability")]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 2, pp. 58–66.
6. Konacheva S. [Self-Existence, Non-Existence and Freedom: Paul Tillich's Ontology of Freedom and Postmodern Theology]. In: *Bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Theology, Culture, Education], 2020, vol. 23, no. 1, pp. 10–22.
7. Litvin T. V. [Interiority, Sensuality, Contingency – Why are These Concepts Fundamentally Untranslatable?]. In: *Artikul't* [Articult], 2012, no. 3 (7), pp. 37–45.
8. Lonergan B. Method in Theology (Rus. ed.: Vdovina G. V., transl. *Metod v teologii*). Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma Publ., 2010. 400 p.).
9. Luman N. [Why is "System Theory" Necessary?]. In: *Problemy teoreticheskoy sociologii* [Problems of Theoretical Sociology]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1994, pp. 25–42.
10. Nikiforov A. L. [Philosophy as Personal Experience]. In: *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya* [Errant Mind? Diversity of Extra-Scientific Knowledge]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 296–327.
11. Pimenov S. S. [Structure of the Mind and Problems of Culture (Some Aspects of the Theology of Culture of P. Tillich)]. In: *Aspekty: sbornik statej po filosofskim problemam istorii i sovremennosti. Vyp. IV* [Aspects: Collection of Articles on Philosophical Problems of History and Modernity. Vol. IV]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2006, pp. 105–119.
12. Prilutskii A. M., Shmonin D. V. [Institutionalization of Theology: Experience and Prospects]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2022, vol. 38, iss. 2, pp. 254–263.
13. Tillich P. Systematic Theology (Rus. ed.: Zotkin O. Ya., transl. *Sistematicheskaya teologiya*). Moscow, St. Petersburg, University Book Publ., 2000. 463 p.).
14. Fotieva I. V. [Paul Tillich: Profane and Sacred in Culture]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2022, vol. 23, no. 3–1, pp. 182–190.
15. Khlebnikov G. V. *Antichnaya filosofskaya teologiya* [Ancient Philosophical Theology]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 312 p.

16. Shmonin D. V. [Scientific Rationality and “Reduction to the Theology”]. In: *Voprosy teologii* [Issues of Theology], 2019, vol. 1, no. 3, pp. 280–306.
17. Shmonin D. V. *Tajna otveta: vvedenie v racional'nuyu teologiyu* [The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology]. St. Petersburg, SPb PDA Publ.: RGPU im. A. I. Herzen Publ., 2021. 460 p.
18. Shmonin D. V. [Theology and Philosophy of Science: Problems of Identification]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2022, no. 1, pp. 197–207.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Седанкина Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии Российского исламского института;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana E. Sedankina – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Systematic Theology,
Russian Islamic Institute;
e-mail: Tatiana-svetlaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Седанкина Т. Е. Осмысление принципа гибкости методологической рациональности в контексте становления теологии как науки // *Современные философские исследования*. 2024. № 1. С. 67–84.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-67-84

FOR CITATION

Sedankina T. E. Comprehending the Principle of Flexibility of Methodological Rationality in the Context of the Formation of Theology as a Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 67–84.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-67-84

УДК 141.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-85-95

МИЛИТАРИЗАЦИЯ NBIC ТЕХНОЛОГИЙ: ОТ ВОЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СИНГУЛЯРНОСТИ

Стрельников Д. О.*Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина
394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, д. 54 А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить роль и место военных технологий в процессе NBIC трансформации общества.**Процедура и методы.** В оценке текущего состояния и перспектив развития конвергентных технологий в военном деле использовались междисциплинарный и системный подходы, гипотетико-дедуктивный метод.**Результаты.** Выдвинута гипотеза, что революция в военном деле (обусловленная стремительным развитием NBIC технологий) и потенциальная гонка вооружений по аналогии с эпохой «холодной войны» приведут к изменению научно-технологических основ современной цивилизации, повлияют на развитие технологий двойного и гражданского назначения и в значительной мере определяют облик техносферы второй четверти XXI в. В исследовании обосновано, что по многим основаниям скачок к её новому качественному состоянию уже произошёл, и научному сообществу предстоит дать характеристику технологической реальности, имеющей признаки сингулярности.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Предложена авторская редакция понятия *технологическая сингулярность*. Актуализирована проблема гуманности военных технологий с учётом динамики развития новых средств вооружённой борьбы. Сформулированы предложения по нивелированию угроз усиливающейся NBIC конвергенции, в том числе введение единых мировых стандартов проведения социально-гуманитарной экспертизы современных технологий.**Ключевые слова:** конвергентные (природоподобные) технологии, революция в военном деле, сильный искусственный интеллект, технологии «улучшения» человека, технологическая сингулярность, NBIC конвергенция

MILITARIZATION OF NBIC TECHNOLOGIES: FROM MILITARY NECESSITY TO TECHNOLOGICAL SINGULARITY

D. Strelnikov*N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy
ul. Starykh Bolshevikov str. 54 A, Voronezh 394064, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the role and place of military technologies in the process of NBIC transformation of society.**Methodology.** Interdisciplinary and systemic approaches, hypothetical-deductive method were used in the assessment of the current state and prospects for the development of convergent technologies in military affairs.**Results.** The hypothesis is put forward that the revolution in military affairs (due to the rapid development of NBIC technologies) and potential armament race, similar to the Cold War era, will lead to a change in the scientific and technological foundations of modern civilization, will affect the development of dual-use and civilian technologies and will largely determine the shape of the technosphere of the second quarter of the XXI century. The study substantiates that on many grounds the leap to its new qualitative state has already occurred, and the scientific community will have to characterize the technological reality that has signs of singularity.

Research implications. The author's version of the concept of technological singularity is proposed. The problem of humanity of military technologies is actualized taking into account the dynamics of development of new means of armed struggle. Proposals to mitigate the threats of increasing NBIC convergence are formulated, including the introduction of unified global standards of social and humanitarian expertise of modern technologies.

Keywords: convergent (nature-like) technologies, military revolution, strong artificial intelligence, human "enhancement" technologies, technological singularity, NBIC convergence

Введение

Актуальность исследования обусловлена содержанием военных конфликтов последних лет, течение которых указывает на приближение революции в военном деле. Её масштаб и последствия объективно можно будет оценить только после реализации Государственной программы перевооружения (ГПВ) до 2033 г. и поступления в войска вооружения, военной и специальной техники, созданной с применением конвергентных технологий. NBIC технологии выступают основой революционных изменений в военном строительстве и ведении вооружённой борьбы.

Обозначенная проблема выходит далеко за рамки предмета военной науки и затрагивает текущие цивилизационные процессы. Развитие природоподобных (конвергентных) технологий связывают с глубокой трансформацией общества, его социальных институтов и личности индивида. Высказывается мнение, что с их помощью возможно разрешить современные кризисы (экономический, энергетический, экологический и пр.). В исследовании предполагается, что сопутствующие риски NBIC конвергенции не остановят технологический рывок в области обороны государства. Военная необходимость и закрытость исследований сделает разработку спорных с точки зрения гуманности военных технологий проблематичной для внешней экспертизы.

В складывающихся условиях предлагается не отрицать (в любых формах) формирующейся зависимости общества от производных NBIC конвергенции (включая искусственный интеллект), признать невозможным полную остановку научно-технического прогресса в этой области и

объединить усилия на пути безопасного сосуществования человека и технологий.

Стратегия развития конвергентных технологий

Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» на момент написания статьи находится в стадии общественного обсуждения. Данный документ согласован по целям с принятой в 2016 г. Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации и направлен, как указано в тексте, на достижение национальных интересов нашей страны в глобальном мире XXI в.

На втором этапе реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (2020–2025 гг.) предусмотрено формирование принципиально новых научно-технологических решений в области экономики, основанных в том числе на природоподобных технологиях¹. Следовательно, Стратегия развития природоподобных (конвергентных) технологий (далее – Стратегия) является продолжением политики государства, определяющей актуальную повестку технологического будущего страны.

Преамбула документа раскрывает сущность *природоподобной техносферы*, которая может быть создана человечеством на базе природоподобных технологий. Отметим, что НБИК, или в более широкой интерпретации НБИКС технологии (нано-, био-, инфо-, когнитивные, социо-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации" // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения 29.06.2023).

гуманитарные) не тождественны природоподобным технологиям. Они выступают фундаментом для развития природоподобных технологий, которые в свою очередь планируется встроить в естественный ресурсооборот в согласии с законами функционирования биосферы для преодоления глобальных кризисов (экономического, экологического, энергетического и др.).

Например, технология искусственного интеллекта (Artificial Intelligence, AI) получила развитие в результате NBIC конвергенции и представляет собой определённую степень подобия сознания человека. Лидером в разработке природоподобных технологий в России является Курчатовский комплекс НБИКС-природоподобных технологий, проводящий исследования по всему спектру конвергентных НБИКС-наук и технологий [5, с. 460].

Относиться к концепции, изложенной в Стратегии, можно по-разному. В научных публикациях, касающихся проблем развития NBIC технологий, прослеживается ряд позиций, которые в упрощённом виде можно представить в следующем виде:

- NBIC технологии переоценены и их влияние на экономику и цивилизационные процессы пока незначительно. Кроме того, не стоит ограничивать технологическое взаимодействие и взаимное усиление исключительно перечнем нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий;

- NBIC технологии – инструментарий на пути к новому типу цивилизационного развития и природоподобной техносфере, для эффективного применения которого требуется скоординированная деятельность научного сообщества, промышленности и органов государственной власти;

- дальнейшее развитие NBIC технологий и их производных неизбежно приведёт к технологической сингулярности.

Каждая из перечисленных точек зрения так или иначе сводится к определённому ответу на вопрос, считать ли результаты конвергенции нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий ключевыми для развития цивилизации в XXI в. также, как, например, это было с технологиями про-

изводства текстиля (прядаильными машинами) в XVIII в., изобретением парового двигателя в XIX в. и компьютеров в XX в. Если да, то какой вектор развития NBIC технологий оптимален для сохранения контроля обществом над ними и возможен ли он в принципе?

Для проведения системного анализа и выявления роли и места конвергентных (природоподобных) технологий в становлении нового типа цивилизационного развития значимы все представленные позиции. Следует отметить, что потенциал и возможности NBIC технологий подтверждаются на практике технологическими прорывами во многих областях. Военное дело не стало исключением.

Так, в проекте Стратегии признаётся размытость границ между гражданским и военным применением конвергентных (природоподобных) технологий. Более того, технологической основой формирования новой системы вооружения считается совокупность NBIC технологий [3, с. 4]. Прогнозируется, что дальнейшее развитие конвергентных технологий в военно-прикладных целях приведёт к новой революции в военном деле и следующей за ней гонке вооружений. Альтернативы NBIC в качестве технологической платформы современного вооружения военной и специальной техники (ВВСТ) на данный момент нет. Как следствие, несмотря на угрозы и риски, связанные с NBIC конвергенцией, ведущие технологические страны, к которым относится и Россия, продолжают разработку подобных военных технологий в интересах обороны государства.

**Революция в военном деле, как
необходимость. Технологическая
сингулярность, как возможный
сопутствующий риск**

Под революцией в военном деле (РВД) в данном исследовании понимаются происходящие под влиянием научно-технического прогресса в исторически короткие сроки коренные качественные взаимосвязанные изменения в средствах воору-

жённой борьбы, способах ведения войны и военных действий, строительстве и подготовке вооружённых сил, управлении войсками и боевыми средствами¹.

Появление принципиально нового ВВСТ не означает факта свершения РВД, хотя и выступает необходимым её условием. От момента первого экспериментального применения и поступления серийного оружия и военной техники в войска могут пройти десятки лет. Военная организация, являясь в своей основе инертной, не подвержена быстрым структурным изменениям. Только на практике (в ходе войн и вооружённых конфликтов), когда влияние предполагаемо перспективного ВВСТ на ход вооружённой борьбы становится очевидным, формируются предпосылки для РВД. Так было, например, с переходом от холодного к огнестрельному оружию, от кавалерии к механизированным соединениям и танковым армиям, самолётам, ракетам, ядерному оружию и др.

Как правило, РВД сопровождается проведением масштабной военной реформы, предполагающей появление новых родов войск или видов вооружённых сил. Например, от испытания в СССР ядерной бомбы (август 1949 г.) до образования Ракетных войск стратегического назначения (декабрь 1959 г.) прошло почти 10 лет. Потребовалось время для создания средств доставки ядерного оружия, систем управления и соответствующей организационной структуры. При этом и ему подобных изменениях в военном деле положения военной науки пересматриваются и идёт активный поиск форм и способов ведения военных действий с учётом наличия в войсках нового ВВСТ.

Обратим внимание, что сторона, умело и своевременно воспользовавшаяся плодами РВД, немедленно приобретает преимущества на поле боя [7, с. 67]. Важна именно совокупность её плодов, а не одно, пусть и значимое, достижение. Государству в таких условиях необходимо проводить скоординированную политику в области

обороны, своевременно реагировать на потенциальные угрозы со стороны вероятного противника, иницируя программы (стратегии) развития критически важных для безопасности страны технологий.

Отметим, что развитие общества, его культуры и цивилизационных форм всё в большей степени детерминируются структурой, содержанием и динамикой господствующих в нём технологий [8, с. 43]. Конвергентные технологии в этом отношении имеют для социума большой трансформирующий потенциал. Они находят применение в промышленности, сельском хозяйстве, управлении финансовыми рынками, сфере здравоохранения и образования, в формировании разного типа услуг, культурного пространства и в военном деле.

Использование NBIC в качестве технологической платформы ВВСТ позволит существенно повысить эффективность, автоматизацию и «интеллектуализацию» вооружений. Не последнюю роль в этом сыграет широкое внедрение AI в различные системы вооружения. С учётом того, что прогнозы по срокам разработки сильного искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, AGI) корректируются в пользу их уменьшения от более чем 100 лет до периода между 2025 и 2035 гг., границы его применения в военных целях будут постоянно расширяться в зависимости от этапа развития.

Умение превосходить интеллектуальные возможности человека при решении любых задач является одним из наиболее распространённых толкований AGI [9, с. 194]. Главное отличие AGI от AI заключается в его способности к самосовершенствованию, которая несоизмеримо выше, чем возможности коллектива разработчиков, создавших и совершенствующих AI. Вероятное появление AGI и следующий за ним неконтролируемый экспоненциально ускоряющийся научно-технологический прогресс связывают с наступлением технологической сингулярности.

Однако не совсем корректно считать «точкой невозврата» (условием смены типа цивилизационного развития) ис-

¹ Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 2007. С. 614.

ключительно создание AGI. Другие производные NBIC конвергенции (например, технологии «улучшения» человека) потенциально могут оказать и уже оказывают существенное влияние на техносферу, образуя кумулятивный эффект, отвечающий некоторым критериям технологической сингулярности.

Под *технологической сингулярностью* в данном исследовании понимается возможный сценарий реализации будущего, в котором технологический прогресс окончательно выйдет из-под контроля, будет обозначен выход за рамки техногенного типа цивилизационного развития и осуществлён переход к новой системе ценностей.

Выдвигается *гипотеза*, что технологические прорывы в области обороны выступят драйвером NBIC трансформации общества и ускорят наступление технологической сингулярности в представленном определении. Революция в военном деле и потенциальная гонка вооружений во второй четверти XXI в., по аналогии с эпохой «холодной войны», приведут к изменению научно-технологических основ современной цивилизации и геополитического ландшафта.

Достаточно вспомнить, что одним из результатов военной деятельности в XX в. стала компьютерная сеть ARPANET, разработанная в США агентством перспективных исследований DARPA на случай войны для безопасной передачи данных. Впоследствии она переросла во всемирный интернет. Среди прочего облик цивилизации определили следующие военные разработки: нержавеющая сталь, реактивные самолёты и ракетостроение, система глобального позиционирования GPS, беспилотные летательные аппараты и автомобили и мн. др.

Такой симбиоз научной и военной сфер не случаен. Наука на протяжении всей истории была в какой-то степени милитаризована. В Османской империи Галилео Галилея знали больше как специалиста по артиллерии¹. Сегодня военные мини-

стерства в разных странах, как правило, главный источник финансирования университетов, научно-исследовательских институтов, центров, лабораторий и других организаций, проводящих профильные исследования в их интересах.

О достижениях военной науки широкой общественности известно не многое до тех пор, пока изначально разрабатываемые как военный проект технологии не станут обыденными за счёт их удешевления и увеличения доступности.

NBIC и проблема гуманности военных технологий

На примере подразделения оборонных инноваций (Defense Innovation Unit (DIU)) министерства обороны США рассмотрим какие технологии будут востребованы в военных конфликтах будущего. Фокус исследований DIU сосредоточен на пяти ключевых технологических областях: искусственный интеллект (artificial intelligence), автономные военные системы и каналы управления BVCT (autonomous systems), кибертехнологии (cyber), системы жизнеобеспечения человека (human system) и космос (space)². Как видно из представленного перечня научных направлений DIU, NBIC технологии и их производные занимают в нём одно из ведущих положений.

Большинство агентств перспективных исследований в разных странах (Франции, Великобритании, Индии, Израиле и др.), включая российский Фонд перспективных исследований (ФПИ), имеют схожую или более разветвлённую (например, DARPA) структуру. Главная цель таких организаций – не допустить отставания в эффективности средств вооружённой борьбы и создать устойчивого военно-технологического превосходства над противником.

Таким образом, конвергентные технологии можно охарактеризовать как технологии двойного назначения. При этом их

¹ Линди С. Разум в тумане войны: Наука и технологии на полях сражений. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. С. 7.

² We are building a more secure world // Defense Innovation Unit: [сайт]. URL: <https://www.diu.mil/about> (дата обращения: 19.06.2023).

развитие в рамках военной деятельности может привести к спорным с точки зрения гуманности результатам.

Так, направление DIU, определяемое как системы жизнеобеспечения, ориентировано на повышение готовности военнослужащих к выполнению боевых задач посредством внедрения прорывных биотехнологий. Как известно, в вооружённой борьбе наиболее остро проявляется любая слабость военнослужащего как оператора технологически сложного ВВСТ. В ведущих армиях мира эту проблему решают одновременно, занимаясь *биотехнологическим конструированием «солдата будущего» и увеличением автономности вооружений.*

Первые масштабные опыты «улучшения» человека военного назначения (military human enhancement) были поставлены нацистами в годы Второй мировой войны. Принимаемый ими первитин (метамфетамин) существенно подавлял страх во время боя [15]. В армии США синтетические наркотики применялись начиная с войны во Вьетнаме (1964–1973 гг.). С недавнего времени американские военные пытаются найти более безопасные альтернативы. В 2003 г. во время вторжения в Ирак стали использовать модафинил. Его действие направлено на повышение когнитивной и физической работоспособности у военнослужащих, лишённых продолжительного сна [13, p. 1286].

Развитие военной фармакологии далеко не единственный шаг в направлении повышения боеготовности войск спорными с точки зрения гуманности способами. Эксперимент с TDCS (транскраниальной стимуляцией мозга постоянным током) коснулся лётных экипажей и расчётов ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). С помощью малых доз тока пытались расширить возможности человека-оператора по обработке больших объёмов информации в многозадачных средах высокого уровня (во время боевых действий) [14, p. 1].

Дальнейшую динамику «улучшений» человека в военных целях можно спрогно-

зировать, исходя из содержания программ отдела биотехнологий DARPA, созданного в 2014 г. Среди них числятся:

- прикладная неврология (формирование устойчивости, коррекция и восстановление физических и когнитивных способностей военнослужащих, подвергшихся воздействию боевых стресс-факторов);
- биодизайн (создание «клеточных сенсоров» детекции физических, химических или биологических угроз);
- живые фабрики (проектирование и синтез уникальных живых систем с набором новых, в том числе и не существующих в природе, функций);
- предотвращение внезапного появления неизвестных ранее эффектов биологической инженерии;
- защита нервно-иммунной системы от биологического оружия¹.

Вопрос уже не в вероятности инвазивного вмешательства в телесность военнослужащих, а в его масштабах. Технологии улучшения человека военного назначения можно разделить на: технологии терапевтической направленности (восстановление психического и физического здоровья военнослужащих); технологии улучшения для преодоления свойственному человеческому организму природных ограничений в ходе выполнения боевых задач (например, длительное пребывание без сна или в условиях экстремальных нагрузок); технологии трансгуманистического «улучшения» (вмешательство в телесность военнослужащих с использованием биотехнологий) [10, с. 88]. Последние практически открыто продвигает DARPA.

Трансгуманистическое «улучшение» есть ни что иное, как трансмутация, безвозвратный выход за пределы человеческого, одна из параллельных дорог (наряду с разработкой AGI) к технологической сингулярности. Ситуацию осложняет возросшая доступность технологии CRISPR-Cas9 для целенаправленного редактирования генома человека. CRISPR-Cas9 может быть

¹ Клабуков И. Д., Алехин М. Д., Нехина А. А. Исследовательская программа DARPA на 2015 год. М.: Defense Network, 2014. С. 60–61.

применена в военных целях. Например, для выявления генов, которые могут быть связаны с защитой военнослужащих от биологического оружия или с их посттравматическим стрессовым расстройством [12, р. 331]. С помощью такой технологии вполне реализуема идея создания генетически спроектированного «солдата будущего» с заранее заданными качествами и характеристиками. В отличие от эксперимента китайского учёного Хэ Цзянькуя, который использовал CRISPR-Cas9 в 2018 г. для генетического редактирования клеток зародышевой линии будущих девочек-близнецов Лулу и Наны [11, р. 111] и открыто заявил об этом в интернете, такие исследования не получают огласки. Их этическая сторона, вероятнее всего, потеряет корреляцию с общественным мнением в угоду обеспечения военной безопасности государства.

Другое направление, связанное с увеличением автономности вооружений, реализуется путём интеграции AI в ВВСТ. Риски, связанные с автономными системами вооружения (АСВ), заключаются в вероятности сбоя в процессе обнаружения, распознавания цели и принятия решения на её уничтожение. Аналогичные ответные действия АСВ противника могут спровоцировать масштабный военный конфликт.

Несмотря на то, что в Конвенции о «негуманном» оружии (КНО) участвует 126 государств, разработку АСВ инициировали многие технологически развитые державы. В терминологии КНО такое ВВСТ получило название смертоносных автономных систем вооружения (САС)¹. Руководящие принципы в отношении САС, выработанные координирующими органами КНО в период 2016–2019 гг., носят скорее рекомендательный, нежели запретительный характер. Из чего следует, что тактико-технические характеристики разрабатываемых САС ограничены только

потенциалом военной промышленности и уровнем научно-технологического развития государства.

Введение международного запрета на военное применение AI вероятно в случае резонансного события, спровоцированного САС и сопоставимого по масштабу с ядерными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки в годы Второй мировой войны. Общество вынужденно включит защитные механизмы, и большинство апокалипсических сценариев не сбудется. Однако в любое время может быть утрачен контроль над другими производными NBIC конвергенции, которые пока не имеют этически спорного контекста.

На пути к новой системе ценностей и цивилизации

Построение пути в *человекомерное* будущее возможно при наличии новых инструментов его конструирования, создания новых инновационных подходов [1, с. 44]. На NBIC технологии в этом отношении возлагаются большие надежды. Однако одновременно формируется безальтернативность их определяющего воздействия на развитие цивилизации. Некоторые исследователи обоснованно полагают, что решение проблемы кроется в вовлечении в этот процесс социогуманитарного знания [1, с. 44; 5, с. 458]. В частности, это касается пересмотра таких фундаментальных понятий, как жизнь, разум, человек, природа [2, с. 89].

Человекомерность подразумевает наделение смыслом и ценностями человеческого бытия, а не бытия антропоморфных технических систем с элементами сознания и способностью к познанию. Их создание преподносится в проекте Стратегии как закономерность синтеза природоподобных систем². Придётся привыкать к

¹ Конвенция о «негуманном» оружии [28.04.2021] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1413307/> (дата обращения: 14.05.2023).

² Проект Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=128578#> (дата обращения: 02.06.2023).

мысли, что в обществе среди людей появятся новые существа – киборги, роботы, автономная техника, агенты ИИ и другие интеллектуально-цифровые объекты [4, с. 72]. Опираясь на данные о разработке AGI, о достижениях в области био-, когнитивных и нейроморфных технологий (в том числе, военно-прикладного характера) нет оснований считать, что это нереализуемо в среднесрочной перспективе. Так, человекоподобный робот Федор (совместный проект ФПИ и НПО «Андроидная техника») в будущем может стать самообучающимся¹. Основатель компании Sanctuary AI (Святылище ИИ), PhD по физике Джорди Роуз в аллегорической форме сравнивает антропоморфные технические системы с интегрированным AI со сверхразумными пришельцами, которые в 2030 г. «прибудут» на нашу планету². Он отмечает, что не нужно искать с ними идентичности, что они будут другими, намного умнее любого человека. Речь идёт чуть ли не о зарождении новой цивилизации, в которой место человеку или не определено, или вовсе не предусмотрено.

Система ценностей в социуме не в последнюю очередь обусловлена изменениями в техносфере, взаимосвязь которых всё сложнее увязать в единый технологический концепт. Она же является фундаментом любой цивилизации. На наших глазах разворачивается её масштабная трансформация, не всегда находящая отражение в языке науки. Техногенная цивилизация зиждется на преобразующей роли деятельного человека в отношении природы, на её подчинении своей власти. Если человек будет заменён или сольётся в единый симбиоз с сильным искусственным интеллектом, то правомерно говорить о смене типа

цивилизационного развития и утверждении новой системы ценностей (например, «обоожествлении» AGI). Т. е. степень влияния AGI на окружающую действительность будет несоизмеримо выше возможностей человека по его ограничению и контролю над ним.

Остаётся констатировать, что выживание нашего вида Homo Sapiens – актуальная задача в условиях усиливающейся NBIC конвергенции. Поэтому все её последствия должны, в конечном итоге, быть увязаны с общечеловеческими ценностями [6, с. 68]. Однако сделать это сложнее, чем задекларировать, по причине отсутствия действенных регулятивных механизмов. То, каким образом будут разрабатываться и использоваться конвергентные технологии, определит перспективы человечества. На данный момент к числу самых значимых рисков, связанных с проявлением NBIC конвергенции в военном деле относятся использование искусственного интеллекта в управлении системами вооружения (с вероятной интеграцией в стратегические ядерные силы) и биотехнологий трансгуманистического «улучшения» военнослужащих. Дальнейшая милитаризация конвергентных технологий ускорит наступление технологической сингулярности.

Как следствие, возникает необходимость высевать нежизнеспособные и попросту опасные для существования общества производные NBIC конвергенции. Однако вероятно, что некоторые из них принесут значимый ущерб социуму прежде, чем будут выработаны меры по их регуляции. Чтобы свести его к минимуму или предотвратить, необходимы единые мировые стандарты проведения социогуманитарной экспертизы современных технологий независимо от области применения.

Так, несмотря на неизбежность дальнейшего внедрения NBIC технологий во все сферы жизнедеятельности (что обосновано Клаусом Швабом в концепции четвертой промышленной революции), предлагается оставить в реализуемой

¹ Человекоподобный робот Федор в будущем может стать самообучающимся [12.12.2017] // РИА НОВОСТИ: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20171212/1510702807.html> (дата обращения: 04.06.2023).

² TechTO (2023, february 10). Geordie Rose Founder and Former CTO of D-Wave presents Super intelligent Aliens Are Coming to Earth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=taYs-l81jCg> (дата обращения: 02.06.2023).

программе так называемый бэкдор (back door), выраженный в государственной поддержке традиционных институтов, отстаивающих многовековое наследие мировой цивилизации (религии, культуры, образования, семьи, брака и т. д.). Важно сохранить и продолжать актуализировать эти институты, даже если сложатся технологические условия для их обесценивания.

Природоподобные технологии подобны, но не полностью идентичны природе. В традиционных обществах человек был в её власти, видел в ней живой организм. Сегодня конвергентные технологии позволяют создать природоподобие и в теории сохранить контроль над ним. Окажутся ли такие попытки сохранить баланс (при увеличении их масштабов) успешными, покажет время.

Заключение

Приближающаяся революция в военном деле обусловлена стремительным развитием конвергентных технологий. Выступая технологической основой новой системы вооружения, они коренным образом изменят ход вооружённой борьбы в военных конфликтах.

На основе системного подхода в исследовании выявлена размытость границ между военным и гражданским применением NBIC технологий. Дальнейшая милитаризация современной науки, помимо рисков эскалации войны, открывает широкие возможности для преобразования техносферы. Стимулируя развитие технологий двойного назначения, государства приобретают инновации не только в области обороны, но и экономике, промышленности, здравоохранении и т. д. При этом формирующаяся зависимость общества от конвергентных

технологий грозит потерей контроля над вектором их развития. Следовательно, оптимистичные и апокалиптические сценарии будущего человечества становятся равновероятными. В этом контексте наступление технологической сингулярности представляется актуальной междисциплинарной проблемой.

Таким образом, технологическая сингулярность остаётся гипотетическим, неопределённым вариантом будущего. Её наступление возможно, но не обязательно. На данный момент признаки сингулярности наблюдаются на стыке био- и информационных технологий (программы DARPA, CRISPR-Cas9 и пр.), в процессе разработки сильного искусственного интеллекта (смертоносные автономные системы вооружения, GPT-5 от Open AI и т. д.).

Большая часть исследователей соглашается, что техногенная цивилизация находится на изломе. Это подтверждается динамикой лидирующих технологий и трансформацией системы ценностей. Функции контроля всё больше переходят от человека к алгоритмам, управляющим финансовыми рынками, спросом и предложением товаров и услуг, потребляемой пользователями информацией в социальных сетях, транспорте, ходом вооружённой борьбы и т. д. Человекомерность общества входит в противоречие с преобладающей действительностью силой конвергентных технологий. Человек в традиционном понимании его сущности может оказаться необязательным в самодостаточном технологическом пространстве. Чтобы этого не произошло, необходимы единые мировые стандарты проведения социально-гуманитарной экспертизы современных технологий.

Статья поступила в редакцию 27.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршинов В. И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 3. С. 42–54.
2. Асеева И. А. Философские и биоэтические аспекты развития новых конвергентных технологий как фактора трансформации среды обитания человека // Философия науки. 2016. № 2 (69). С. 85–96.
3. Буренок В. М. Концепция развития системы вооружения как научная основа обеспечения сбалансированного инновационного развития ВС РФ // Вооружение и экономика. 2017. № 4 (41). С. 3–8.

4. Георгию Т. С. Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 68–75.
5. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 5. С. 455–465.
6. Павельева Т. Ю. NBIC-конвергенция и её влияние на развитие современной науки // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 66–68.
7. Печуров С. Л. К вопросу о связи революции в военном деле с реформами в вооружённых силах (по взглядам зарубежных специалистов) // Военная мысль. 2013. № 10. С. 66–74.
8. Ракитов А. И. Философия и NBIC // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. № 2. С. 43–52.
9. Смолин В. С. Перспективы человека в эпоху технологической сингулярности // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 192–207.
10. Стрельников Д. О. Биотехнологическое конструирование «солдата будущего»: трансгуманистический вектор военной деятельности // Философская мысль. 2022. № 1. С. 85–95.
11. Greely H. CRISPRd Babies: Human Germline Genome Editing in the “He Jiankui Affair” // J Law Biosci. 2019. Vol. 6. Iss. 1. P. 111–183.
12. Greene M., Master Z. Ethical Issues of Using CRISPR Technologies for Research on Military Enhancement // Bioethical Inquiry. 2018. Vol. 15. Iss. 3. P. 327–335.
13. Ohler N. Blitzed. Drugs in Nazi Germany. London: Penguin Press, 2017. 368 p.
14. Puyvelde M., Cutsem J., Lacroix E., Pattyn N. A State-of-the-Art Review on the Use of Modafinil as a Performance-Enhancing Drug in the Context of Military Operationality // Military Medicine. 2022. Vol. 187. Iss. 11–12. P. 1286–1298.
15. The Effects of Transcranial Direct Current Stimulation (tDCS) on Multitasking Throughput Capacity / J. Nelson, R. McKinley, C. Phillips, L. McIntire, C. Goodyear, K. Aerial, L. Monforton // Frontiers in Human Neuroscience. 2016. Vol. 10. P. 1–13.

REFERENCES

1. Arshinov V. I. [Converging Technologies in the Context of the Postnonclassical Paradigm of Complexity]. In: *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Intelligence. Post-nonclassical], 2015, no. 3, pp. 42–54.
2. Aseeva I. A. [Philosophical and Bioethical Aspects of the Development of New Convergent Technologies Development as a Factor of Transformation of Man's Habitat]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2016, no. 2 (69), pp. 85–96.
3. Burenok V. M. [The Concept of Development of a Weapon System as a Scientific Basis for Ensuring Balanced Innovative Development of the RF Armed Forces]. In: *Vooruzhenie i ekonomika* [Armament and Economics], 2017, no. 4 (41), pp. 3–8.
4. Georgiou T. S. [Philosophy of Automation and Artificial Intelligence: From Mythological Talos to Future Cyborgs]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 1, pp. 68–75.
5. Kovalchuk M. V., Naraikin O. S., Yatsishina E. B. [Nature-like Technologies: New Opportunities and New Challenges]. In: *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2019, vol. 89, no. 5, pp. 455–465.
6. Paveleva T. Yu. [NBIC-Convergence and Its Impact on the Development of Modern Science]. In: *Social'no-politicheskie nauki* [Sociopolitical Sciences], 2018, no. 4, pp. 66–68.
7. Pechurov S. L. [On the Issue of the Connection between the Revolution in Military Affairs and Reforms in the Armed forces (according to the views of foreign specialists)]. In: *Voennaya mys' [Military Thought]*, 2013, no. 10, pp. 66–74.
8. Rakitov A. I. [Philosophy and NBIC]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2019, vol. 24, no. 2, pp. 43–52.
9. Smolin V. S. [The Prospects of the Mankind in the Era of Technological Singularity]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science], 2020, vol. 57, no. 2, pp. 192–207.
10. Strel'nikov D. O. [Biotechnological Design of the “Soldier of the Future”: Transhumanistic Vector of Military Activity]. In: *Filosofskaya mys' [Philosophical Thought]*, 2022, no. 1, pp. 85–95.
11. Greely H. CRISPRd Babies: Human Germline Genome Editing in the “He Jiankui Affair”. In: *J Law Biosci*, 2019, vol. 6, iss. 1, pp. 111–183.

12. Greene M., Master Z. Ethical Issues of Using CRISPR Technologies for Research on Military Enhancement. In: *Bioethical Inquiry*, 2018, vol. 15, iss. 3, pp. 327–335.
13. Ohler N. Blitzed. Drugs in Nazi Germany. London, Penguin Press, 2017. 368 p.
14. Puyvelde M., Cutsem J., Lacroix E., Pattyn N. A State-of-the-Art Review on the Use of Modafinil as a Performance-Enhancing Drug in the Context of Military Operationality. In: *Military Medicine*, 2022, vol. 187, iss. 11–12, pp. 1286–1298.
15. Nelson J., McKinley R., Phillips C., McIntire L., Goodyear C., Aerial K., L. Mon-for-ton The Effects of Transcranial Direct Current Stimulation (tDCS) on Multitasking Throughput Capacity. In: *Frontiers in Human Neuroscience*, 2016, vol. 10, pp. 1–13.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельников Дмитрий Олегович – кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры истории войн и военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
e-mail: strelnikov.article@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry O. Strelnikov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Senior Lecturer of the Department of History of Wars and Military Art of the Military Educational and Scientific Centre of the Air Force N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy;
e-mail: strelnikov.article@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Стрельников Д. О. Милитаризация NBIC технологий: от военной необходимости к технологической сингулярности // *Современные философские исследования*. 2024. № 1. С. 85–95.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-85-95

FOR CITATION

Strelnikov D. O. Militarization of NBIC Technologies: From Military Necessity to Technological Singularity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 85–95.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-85-95

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.938

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-96-112

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЕДИНСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ

Артеменков А. А.

Череповецкий государственный университет

162622, г. Череповец, пр-т Луначарского, д. 5, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В данной работе раскрывается сущность психофизиологической проблемы с позиции единства материального и идеального в деятельности мозга человека.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались теоретический метод научного познания, общеполитический диалектический метод, а также методы абстрагирования, индукции и дедукции, анализа и синтеза, мысленного моделирования материальных и идеальных процессов в деятельности мозга человека.

Результаты. Автором предлагается трёхуровневая модель осознания и отражения действительности, в которой выделяются автоматические неосознаваемые процессы биологического отражения, частично осознаваемые субъективные процессы низшего сознательного и полностью осознаваемые и понимаемые процессы наивысшего сознательного. В деятельности мозга человека, согласно этой модели, выделяются субъективный компонент рефлексорных актов и двойственные переходные материально-идеальные и идеально-материальные процессы, которые рассматриваются как объективная реальность. В исследовании автор связывает материально-физиологическое действие, сопровождаемое субъективными личностными переживаниями, с идеальным психическим. Приводятся доказательства влияния идеально-материального на телесное. В этой связи приводится идея Й. М. Ринпоче о взаимосвязи ума и тела, анализируются представления физикалиста Д. Чалмерса, связанные с соотношением ментального и телесного, рассматриваются взгляды Д. Деннета на тождество ментального и физического и представления Д. В. Иванова на осознанность ментальных состояний. В работе также оценивается возможность влияния ментальных состояний на телесные процессы и «переход» идеального в материальные двигательные акты. Для доказательства единства материального и идеального в деятельности мозга человека приводится мысленный эксперимент под названием «Мозг вне тела», в котором идеализируется работа мозга вне телесной оболочки. В заключение автор обращает внимание на единство материального и идеального с позиции эволюционного подхода и в то же время подчёркивает отличительную особенность материального процесса от идеального.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе впервые проведено переосмысление психофизиологической проблемы и процесса психического отражения внешнего мира с позиции единства материального и идеального в деятельности человеческого мозга. Предпринята попытка показать истинную сущность и природу психического отражения объектов и явлений внешнего мира на основе системной организации психической деятельности мозга.

Ключевые слова: идеальное, материальное, мозг, психофизиологическая проблема, субъективное, телесное, человек

PSYCHOPHYSIOLOGICAL PROBLEM: THE UNITY OF MATERIAL AND IDEAL IN HUMAN

A. Artemenkov

Cherepovets State University

prosp. Lunacharskogo 5, Cherepovets 162600, Russian Federation

Abstract

Aim. To reveal the essence of the psychophysiological problem from the position of the unity of the material and the ideal in the human brain activity.

Methodology. In the process of research, the theoretical method of scientific knowledge, the general philosophical dialectical method, as well as methods of abstraction, induction and deduction, analysis and synthesis, and mental modeling of material and ideal processes in the activity of the human brain were used.

Results. The author proposes a three-level model of understanding and reflection of reality, which distinguishes automatic unconscious processes of biological reflection, partially conscious subjective processes of the lower consciousness, and fully conscious and understood processes of the highest consciousness. In the activity of the human brain, according to this model, the subjective component of reflex acts and dual transitional material-ideal and ideal-material processes are distinguished, which are considered as objective reality. In the article, the author connects the material-physiological action, accompanied by subjective personal experiences, with the ideal mental one. Evidence is provided of the influence of the ideal-material on the physical. In this regard, the article presents the idea of Y. M. Rinpoche on the relationship between mind and body, the ideas of the physicalist D. Chalmers related to the relationship between the mind and the body are analyzed, the views of D. Dennett on the equivalence of the mental and physical, and the ideas of D. V. Ivanov on the awareness of mental states. The work also evaluates the possibility of the influence of mental states on bodily processes and the "transition" of the ideal into material motor actions. To prove the unity of the material and the ideal in the human brain activity, a thought experiment called "Brain outside the body" is presented, which idealizes the work of the brain outside the body. In conclusion, the author draws attention to the unity of the material and the ideal from the perspective of the evolutionary approach and at the same time emphasizes the distinctive feature of the material process from the ideal..

Research implications. The work is the first to rethink the psychophysiological problem and the process of mental reflection of the external world from the position of the unity of the material and the ideal in the activity of the human brain. An attempt has been made to show the true essence and nature of the mental reflection of objects and phenomena of the external world based on the systemic organization of mental activity of the brain.

Keywords: bodily, brain, human, ideal, material, psychophysiological problem, subjective

Человек – это нечто большее, чем просто тело.

Й. М. Ринпоче

Введение

Как известно, материализм и идеализм являются противоположными направлениями в решении многих философских вопросов и проблем. На протяжении всей истории философии и до сих пор ведётся спор представителей этих двух позиций, в том числе в вопросе о деятельности мозга

и психики человека в рамках психофизиологической проблемы. Именно рассмотрению этой проблемы и посвящена данное исследование, в котором делается попытка выработать единую позицию относительно материального (физиологического) и идеального (психического) в деятельности мозга человека. Находясь на материали-

стической позиции и признавая первичным материальный мозг, а также считая сознание продуктом его деятельности, всё же попытаемся «примирить» сторонников этих двух философских течений, признав единство материального и идеального в деятельности мозга человека. Думается, что в этом нам поможет философская категория «мозг», о которой мы говорили на страницах печати [3, с. 31]. Признав категориальный статус мозга, можно, не вдаваясь в детали его биологической организации как органа тела, приблизиться к решению проблемы соотношения материального и идеального в человеке. Можно также определённо сказать, что с помощью категории «мозг» нам удастся установить существенные черты понимания деятельности мозга как единой целостной материально-идеальной системы. По нашему мнению, это можно сделать через понимание уровня осознания и отражения действительности, низшее и наивысшее сознательное, т. е. физиологическое (материальное) и психическое (идеальное). Низшие сознательные процессы, протекающие в мозге человека, непосредственно связаны с биологической структурой и функцией, носят рефлекторный и системный характер, осуществляются на подсознательном уровне или частично осознаются как телесные и вегетативные проявления организма. Напротив, наивысшее сознательное есть нематериальное (идеальное), т. е. психическое в деятельности мозга человека. Оно составляет основу человеческой личности и включает самосознание, мысли, разум, волю, воображение, вдохновение, чувства и другое – т. е. всё то, что делает человека человеком и в то же время не имеет физического измерения и описания. Поэтому для решения вопроса о соотношении материального и нематериального (идеального), как нам кажется, наиболее всего подходит тезис «без материального нет идеального, а без идеального нет материального», т. е. на структурной нейронной матрице мозга человека протекают материальные физиологические процессы, составляющие основу идеального, ментального и, в целом,

субъективного мира человека, который до настоящего времени практически не изучен. Иными словами, морфофункциональная основа мозга человека предопределяет идеальное – психическую деятельность. Но наиболее важным здесь является вопрос «как объективно регистрируемые физиологические материальные процессы в мозге “порождают” психические явления, лишённые материальности», т. е. те скрытые от нас идеальные процессы, протекающие в мозге человека, но имеющие материальный субстрат. Чтобы ответить на этот вопрос, сегодня необходимо коренное переосмысление наших знаний о мозге и психике, т. е. о материальном и идеальном, об объективном и субъективном, которое объединено природой в единое целое – мозг. Ведь понять идеальное можно только поняв материальное – принципы работы мозга, который это идеальное и воспроизводит. Но вначале, для лучшего понимания этих процессов, рассмотрим в отдельности вопросы «как материальное в деятельности мозга может “переходить” в идеальное и наоборот».

Как при работе материального мозга возникает идеальное психическое?

Под материальным мы понимаем физиологические процессы, протекающие в мозге человека и оказывающие влияние не только на телесное (соматическое), но и на идеальное (психическое). Иначе говоря, рефлекторная деятельность мозга человека есть реально существующая физиологическая данность, значительно отличающаяся от психической, но непременно связанная с ней. Для лучшего понимания материальных явлений в деятельности мозга человека вкратце опишем суть данного эволюционного приобретения. Итак, происходящая в нашем организме рефлекторная реакция начинается с восприятия раздражителя рецепторами и трансформации энергии этого раздражения в периферическом конце анализатора в поток нервных импульсов, идущих в головной мозг. Закодированная информация о реальном

объекте внешнего (или внутреннего субъективного мира) формирует паттерн (характерный рисунок) нервных импульсов, направляющихся по нервным волокнам в корковый отдел соответствующего анализатора, где происходит декодирование поступившей информации. Это есть материальная составляющая рефлекторного акта. Деятельность коры больших полушарий в данном случае обеспечивает постоянный анализ и синтез раздражений, поступающих в организм из внешней среды (или возникающих в нём самом), и формирование представлений и образов, относящихся уже к идеальному – психическому. Таким образом, лежащие в основе анализа и синтеза явления, формируют, по выражению И. П. Павлова, функциональную «мозаику» коры головного мозга, которая представляет собой распределение в каждый момент времени процессов возбуждения и торможения по большому количеству корковых клеток. В ходе аналитико-синтетической деятельности коры головного мозга формируется ответная реакция организма на возникшее раздражение. Формирование ответной реакции организма на раздражение есть инициация психического ответного действия организма с вовлечением материального субстрата мозга в этот процесс. В свою очередь, рабочие органы (мышцы) «отсылают» в мозг информацию о своём состоянии в форме нервных импульсов и в ответ на это организм «корректирует» свою работу. Это есть хорошо известное физиологам рефлекторное кольцо. Но оно применимо только к материальному физиологическому (первому) уровню биологического отражения действительности. Однако довольно часто при рассмотрении подобных рефлекторных процессов специалистами игнорируется субъективная сторона происходящих в организме событий. И здесь следует отметить следующее обстоятельство: во-первых, если в мозге человека происходят частичное осознание имеющих место в жизни событий и формирование простейшего идеального субъективного образа, то это уже иной (второй) уровень отражения

действительности; во-вторых, если в коре головного мозга на этапе её аналитико-синтетической деятельности физиологическое «превращается» (или «переходит») в нематериальное (идеальное) психическое (представления, образы, воображения, мысли), то это уже следующий наивысший (третий) уровень психического отражения действительности. Таким образом, мы пришли к выводу, что в деятельности мозга человека явно усматривается несколько взаимосвязанных процессов, протекающих на различных уровнях: физиологический (материальный), переходный материально-идеальный процесс, психический (идеальный) и переходный идеально-материальный процесс. В этой связи чувственно-отражательная регуляторная система организма должна обязательно содержать субъективную часть, которая частично или полностью осознаётся и реализуется в рефлекторной деятельности организма. Это хорошо заметно в материально-идеальных (кинестетических) рефlekсах. К примеру, закроем глаза и поднимем руку сначала вверх, а затем опустим её вниз. В этом двигательном акте возникает осознание и понимание того, в каком положении находится наша рука. Далее возьмём в руку гантель массой 1 кг. Сразу же возникают осознание и понимание того, что гантель находится в руке и что она лёгкая. Но если мы возьмём в руку гантель массой 6 кг, то в этом случае возникает субъективное ощущение того, что в руке находится тяжёлая гантель, т. е. мы видим, что на основе осознания и понимания субъективных ощущений мы строим свою психическую деятельность иначе.

Заметим, что ещё И. М. Сеченов указывал на то, что философы прежних времён стояли по отношению к психическим фактам и явлениям тела на точке зрения виталистов до тех пор, пока не появилась физиология как наука. По его мнению, физиология представляет целый ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами в теле, актами чисто соматическими. В дальнейшем Сеченов

приводит доводы на этот счёт. Один из этих доводов гласит: «Ясной границы между заведомо соматическими, т. е. телесными, нервными актами и явлениями, которые всеми признаются уже психическими, не существует ни в одном мысленном отношении» [15, с. 12], т. е. Сеченов приходит к выводу, что соматические нервные процессы и низшие формы психических явлений, вытекающие из деятельности органов чувств, родственны между собой по природе. Заслуживает также внимания тезис о том, что психическое есть то, что сознательно. Следовательно, Сеченов признаёт, что психические акты высшего порядка начинаются и заканчиваются в сознании [15, с. 20]. Он констатирует, что психические акты должны принадлежать физиологическому ещё и потому, что чувственное возбуждение и движение (т. е. «начало» и «конец») являются физиологическими процессами. Следовательно, и «середина», т. е. психический элемент данного процесса, является материальным физиологическим. Эта мысль И. М. Сеченова о рефлекторном характере психической деятельности воплотилась в жизнь в его книге «Рефлексы головного мозга». И это действительно так, поскольку, на наш взгляд, чувственное восприятие действительности и её психическое отражение нервной системой человека – это две стороны единого целостного процесса, протекающего с участием сознания и с обязательным включением промежуточных, материально-идеальных и идеально-материальных форм движения материи. Из сказанного можно сделать вывод о том, что физиологическая и психическая деятельность мозга человека имеет двойственный характер, т. е. это две стороны его деятельности, при которой первая опирается на анатомический субстрат мозга, а вторая – на субъективный внутренний мир человека. К тому же, процесс осознания действительности, который начинается на материально-идеальном уровне отражения внешнего и внутреннего мира, как раз подразумевает создание элементарного психического образа в коре головного мозга человека исключи-

тельно на материальной основе. Иными словами, идеальное сопровождает рефлекторные процессы или возникает при их непосредственном осуществлении. Но, скорее всего, в данном случае мы имеем дело с взаимодействием материального и идеального, а не с «превращением» или переходом одного в другое. Так как само по себе материальное (физическое) не может превращаться в психическое и обратный процесс не имеет места быть. Какова точка зрения И. П. Павлова на этот вопрос?

Всемирно известный физиолог И. П. Павлов деятельности больших полушарий мозга с ближайшей подкоркой, обеспечивающую сложные отношения целого организма к миру, предложил называть вместо термина «психический» – высшей нервной деятельностью [11, с. 179]. По его мнению, временная нервная связь, образующаяся в мозге при совпадении во времени действия условного и безусловного раздражителя, есть универсальное физиологическое явление в животном мире и в нас самих. А вместе с тем оно же и психическое, т. е. мы видим, что Павлов приравнивает материальное физиологическое (временную связь) к идеальному психическому (ассоциациям). Сам И. П. Павлов говорит об этом так: «Какое было бы основание как-нибудь различать, отделять друг от друга то, что физиолог называет временной связью, а психолог – ассоциацией? Здесь имеется полное слитие, полное поглощение одного другим» [11, с. 230]. Однако в сказанном мы видим определённое противоречие с ленинской теорией отражения, поскольку диалектический материализм считает природу первичной, а дух (т. е. психику) – вторичным, в то время как сознание находится в единстве с материей мозга и является её продуктом. Таким образом, концепция «превращения» материального (физиологического) в идеальное (психическое) приобретает сегодня новую актуальность ещё и потому, что за счёт чувственного восприятия и его осознания внешнее раздражение становится явью, в то время как посредством отражательной функции мозга этот идеальный психиче-

ский образ трансформируется в поведение человека в условиях окружающей среды. Таким образом, можно считать, что процесс психического отражения внешнего мира осуществляется посредством материального органа человеческого тела – мозга. А материальное в мозге человека является связующим звеном между внешним миром и поведением человека, управляемым идеальной психикой. Заметим, что этот «переход» материальных явлений в мозге в нематериальные (идеальные) и ментальные субъективные состояния в человеческом организме происходит незаметно для нас. И поэтому думается, что взаимопревращение или «переход» материального в идеальное как-то соотносится с физическим законом сохранения энергии. Но, скорее всего, это больше напоминает обратимые химические реакции, которые могут протекать как в прямом, так и в обратном направлениях. И поэтому признание «взаимопереходов» физиологического (материального) в психическое (идеальное) и наоборот есть объективная реальность, характеризующая двойственную природу деятельности мозга человека. Тем не менее, если мы можем допустить «преход» нервного (материального) процесса, протекающего в мозге человека, в психический (нематериальный) и наоборот психического процесса в нервный, то это значит, что в определённых зонах коры головного мозга, а, может, и во всём мозге, происходит трансформация этих процессов. Конечно, это не в полной мере соответствует рефлекторным принципам деятельности мозга, поскольку психическое имеет совсем другую природу, хотя есть достаточно примеров того, как физиологические явления (голод, жажда, боль) сопровождаются субъективными личностными переживаниями. В данном случае как раз материальное физиологическое инициирует появление идеального психического. Поэтому материалистическое представление о психическом и его влияние на телесные процессы, базирующееся на теории условных рефлексов И. П. Павлова, требует уточнения лишь в плане включения в рефлекторную

деятельность субъективной составляющей, поскольку временная связь, образующаяся между определёнными нервными центрами в мозге, есть не только «замыкательный элемент» рефлекторной дуги, но и «строящаяся» ответная субъективная реакция организма на раздражение, т. е. это уже специфическая форма идеального реагирования организма, осуществляемая на материальном носителе мозга.

Позднее это положение подтвердил академик А. А. Ухтомский, создавший учение о доминанте и физиологически-рефлекторное представление о духовной деятельности организма, подводя нас к пониманию того, что всякая мысль есть реальный проект действительности. Ухтомский говорил: «Я мыслю и рефлекторно действую потому, что предо мною существует конкретная действительность, а я преобразую её в другую, столь же конкретную действительность» [17, с. 326]. Т. е. по Ухтомскому в мышлении «строятся» проекты действительности и «проектируется» конкретное бытие, построенное согласно определённым побуждениям. Это, по-видимому, означает не иначе как то, что идеальное мышление детерминирует материально-физиологическое действие. С другой стороны, по Ухтомскому человеческая мысль есть всегда попытка «спроектировать» новую действительность, которая строится из отрывков прежних опытов и впечатлений. По Ухтомскому в формировании своих интегралов опыта и истин человек всегда участвует деятельно, а в мышлении о прошлом всегда лежит категория причины, в то время как в мыслях о будущем – категория цели [17, с. 328–329]. Вот почему именно цель поведения как мотив к деятельности животных и человека является главным звеном отражательной деятельности мозга. И она же была предметом тщательного изучения в теории функциональных систем П. К. Анохина. Именно Анохин сформулировал принцип опережающего отражения внешнего мира, который считается основой для приспособительной деятельности организма и является универсальным явлением жиз-

ни. В этом отношении П. К. Анохин пошёл дальше И. П. Павлова, поскольку опережающее отражение действительности даёт мозгу адекватную информацию о последовательных и повторяющихся рядах явлений внешнего мира на основе предвидения результата деятельности. Об этом П. К. Анохин говорил следующее: «Здесь следует отметить, что на основе этой формы отражения был сформирован и специализировался сам мозг как орган психической деятельности, т. е. орган всеобщего отражения мира и мыслительной деятельности человека» [2, с. 252]. По его словам, теория функциональных систем даёт материалистическое объяснение всех процессов организма и особенно его психической деятельности в зависимости от первично существующих материальных воздействий внешнего мира на организм и на его мозг. Таким образом, видно, что П. К. Анохин признает первичность материального и вторичность идеального. Именно на этом в дальнейшем Анохин и акцентирует наше внимание, проводя методологический анализ узловых вопросов высшей нервной деятельности, в котором основная гносеологическая формула – материя первична, сознание вторично – остаётся в силе на всех этапах исследования [2, с. 272]. Итак, формирование в мозге нейронной модели предполагаемого результата (цели поведения) реализуется за счёт опережающего отражения действительности. В этом, собственно, и заключается отражательная деятельность мозга, осуществляющаяся посредством системного управления, что позволяет более чётко представить влияние идеального на материальное в деятельности мозга как целостной системы. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что процесс отражения внешнего мира неотделим от создания в мозге нематериального образа объектов действительности, а значит – идеального психического, т. е. процесс отражения действительности строится на «переходе» материального объекта внешнего мира в идеальный. Возьмём, к примеру, простейший чесательный рефлекс и дополним его

субъективным компонентом. Этот рефлекс возникает при раздражении кожных рецепторов, и в ответ на это воздействие образуются нервные импульсы, которые направляются в спинной мозг, а оттуда через таламус проецируются на клетки коры больших полушарий постцентральной извилины, где находится зона кожной чувствительности. Это истинная материальная составляющая данного рефлекса. В дальнейшем в мозге возникает идеальное – субъективное чувство щекотки, которое осознаётся как текущее событие, т. е., по сути дела, из материального рефлекторного акта формируется идеальное психическое состояние. В последующем в коре мозга это состояние возбуждения направляется к пирамидным клеткам предцентральной извилины моторной коры и там при участии сознания формируется произвольный двигательный акт в виде чесательных движений. В чём же философский смысл происходящих в мозге этих сугубо физиологических событий? А смысл заключается в способности человеческого сознания объединять материальное и идеальное в произвольные движения.

Заметим, что некоторые физиологи в рефлекторных реакциях организма и раньше пытались увидеть логику построения церебральной архитектуры системной организации психической деятельности, объединяющей физиологические (материальные) и психические (идеальные) процессы в тесном взаимодействии. Так, например, К. В. Судаков считал психику отражением деятельности головного мозга, понимая под этим двустороннее единство материи, энергии и информации и слияние в мозге материальных физиологических процессов с информационными субъективными. Он считал, что психическая деятельность строится на морфофункциональной материальной основе и представляет собой динамику информационных идеальных процессов, разыгрывающихся на структурах головного мозга [16, с. 38]. В последующем, рассматривая психофизиологическую проблему, А. Д. Ноздрачев и Ю. В. Щербатых задаются фундаментальным вопросом,

который давно волнует человечество: «каким образом материальный мозг рождает психику, лишённую атрибутов материальности»? Иными словами, авторы пытаются объяснить, как объективно регистрируемые мозговые процессы, порождают субъективную психику? Намечая перспективы будущего взаимодействия физиологии и психологии, А. Д. Ноздрачев и Ю. В. Щербатых выдвигают гипотезу о том, что для обеспечения деятельности мозга в нём имеется неоднородная блочная система, имеющая активирующие элементы, большая часть которой является скрытой. Тем не менее, в этой скрытой системе кортико-висцеральных взаимоотношений метасимпатическая нервная система оказывает существенное влияние на психическое состояние человека [10, с. 164]. Однако в целом можно согласиться с утверждением о том, что нервная система (мозг) не отражает окружающий мир, а «конструирует» динамическую модель внешнего и внутреннего мира человека в соответствии с ассоциативным опытом, на основе которой организм взаимодействует с реальностью [14, с. 23–24]. М. С. Свет явно указывает на то, что у человека есть уникальная способность осознавать собственную модель реальности [14, с. 59]. А важнейшей составной частью осознания внутреннего субъективного мира является интерорецепция – совокупность сигналов от внутренней среды нашего тела, которые воспринимаются, интегрируются и частично осознаются [14, с. 93]. Иначе говоря, мозг получает сигналы от внешней среды за счёт экстерорецепции и от внутренней среды – интерорецепции и проприорецепции. Таким образом, в организме имеются двусторонние связи мозга с телом: тело посылает нервные сигналы в мозг и наоборот. Именно интерорецептивная осознанность позволяет чувствовать своё тело, а интерорецептивные ощущения являются основой наших мотиваций, эмоций, мышления и поведения в целом. Недаром в дальнейшем М. С. Свет акцентирует внимание на том, что наш мозг находится на стыке двух миров – внешнего (окружающего) мира и

внутреннего (мира тела), и из синтеза этих сигналов мозг выстраивает динамическую модель реальности [14, с. 128].

Пример такой реальности мы видим каждый день, когда, например, обычный процесс приёма пищи сопровождается субъективными ощущениями удовольствия (или неудовольствия). Всё это как раз говорит о том, что мозг инициирует возникновение осознаваемых субъективных проявлений – идеального психического. Суммируя сказанное, можно сказать, что, устанавливая связи с внешним миром и собственным телом, человеческий мозг «строит» «прогнозы» на будущее на основе сознательного и телесного опыта. И в этом процессе немаловажную роль играет осознание действительности, которое позволяет объединять внешний и внутренний мир (материальное и идеальное) воедино и соединять их непосредственно с собственным опытом. Само же осознание происходящих событий человеком осуществляется в тот момент, когда несколько элементов внешнего или внутреннего мира связываются в единую понятийную систему (понимание). Т. е. осознание и понимание происходящих событий неразрывно связаны между собой и являются основой нашего разума и поведения. Понимание идеальных образов действительности необходимо для выделения главного и установления связи с ранее осознанными знаниями.

Таким образом, физиологические реакции организма непременно сопровождаются субъективными переживаниями, возникающими в мозге на низшем (подсознательном) уровне, что обеспечивает постоянство гомеостаза. Причём на этом уровне уже происходит частичное осознание телесного в цепи взаимосвязанных процессов: материальное → материально-идеальное → идеальное.

Как идеальное психическое в мозге детерминирует материальное физиологическое?

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению изучаемой нами проблемы,

позволим выделить два принципиально важных вопроса, на которые надо найти вразумительные ответы: «возможно ли обратное влияние идеального психического на материальное физиологическое?», «какие механизмы задействованы в этой цепи ответных идеально-материальных рефлекторных реакций?». Но сначала отметим, что Ф. Аквинский думал о единстве тела и души. Итак, по Ф. Аквинскому душа является некоторой формой, не полностью связанной с телом и не совсем погруженной в него, как другие материальные формы. Она превосходит способность всей телесной материи ввиду того, что в душе присутствует способность к умопостигаемому интеллекту. И, что очень важно, Фома Аквинский говорит, что в душе обнаруживается свойство материи (восприимчивость, бытие), т. е., им выносятся следующее суждение: необходимо, чтобы в душе была материя [1, с. 51]. Следовательно, если в душе будет «содержаться» материя, то она станет материализованной. Видимо, поэтому автор ясно пишет о необходимости объединения человеческой души с телом. А это уже, на наш взгляд, олицетворяет идеально-материальный уровень отражения действительности и показывает, что идеальное не может существовать отдельно от материального.

Теперь ещё раз вернёмся к волнующему многих философов вопросу: «может ли нематериальное (идеальное) воздействовать на материальные физиологические (телесные) процессы?» В принципе – это элементарная психосоматика, основанная на корково-висцеральных взаимоотношениях, при которых идеальное психическое в мозге способно влиять на телесные процессы. В реальной жизни такое явление проявляется довольно часто, т. е. имеет место обратный процесс – влияние идеального психического на материальное (телесное). Объяснение действия идеального на материальное подтверждается эмпирическими экспериментами, в том числе медитациями буддизма. Так, Й. М. Ринпоче говорит: «Состояние ума оказывает воздействие на

тело и имеется связь между состоянием ума и телесными ощущениями [12, с. 332].

Однако действие идеального (психического) на материальное (телесное) возможно только в том случае, если это идеальное, т. е. психика, будет иметь общие черты с физиологическим материальным. И если имеется такая связь, то тогда получается, что материальное в мозге и его идеальное отражение есть круговой взаимосвязанный каузально зависимый процесс. Подчеркнём, что хотя материальный и идеальный процессы переплетаются и взаимосвязаны между собой, в рассматриваемом вопросе будем делать акцент на первичность идеального и вторичность материального. Если мысль нематериальна, то как она на самом деле организует действие? Попробуем разобраться с этим вопросом. В обыденной жизни мы часто говорим о материализации наших мыслей. Действительно, может ли мысль быть материальной, если она детерминирует движение живой материи, т. е. запускает в работу произвольные мышцы при участии сознания. С нашей точки зрения, это обыденное явление в нашей жизни. Но обратимся к физикалисту Д. Чалмерсу, который по-своему видит суть проблемы соотношения материального и идеального в человеке.

Основываясь на данных когнитивной науки, Д. Чалмерс утверждает, что внутреннее состояние, ответственное за продуцирование поведения, ментально и не зависит от его осознанности (хотя мы имеем на этот счёт совершенно противоположное мнение). Следствием разделения свойств ментального на феноменальное и психологическое является возникновение проблемы соотношения ментального и телесного. В звене, связующем физическое и сознательный опыт, Чалмерс выделяет две части: звено между физическим и психологическим и звено между психологическим и феноменальным. Он не исключает, что звено, связующее феноменальное и физическое, может оказаться независимым от звена, связующего психологическое и физическое (но этот вариант он считает

маловероятным). Однако, по утверждению Чалмерса, «Отмеченная нами тесная корреляция между феноменальными и психологическими свойствами наводит на мысль о глубоком сочленении между ними ... И если это так, то уяснение связующего звена между психологическим и феноменальным имеет решающее значение для понимания самого сознательного опыта» [18, с. 45–46]. А это уже, как нам кажется, явный намёк на связь идеального ментального с физическим материальным. Однако заметим ещё одно важное обстоятельство, которое приводит Д. Б. Волков во вступительном слове книги Д. Деннета «Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании». Д. Б. Волков пишет о том, что в своих теориях Деннет утверждает о якобы не существующем в мозге человека специальном месте, где нейронные процессы превращаются в ментальные и становятся осмысленными. Содержание нейронного процесса становится осознанным в связи с тем, что оно оказывает влияние на другие нейронные процессы. Иными словами, все ментальные процессы могут быть редуцированы к функциональным содержаниям нейронных процессов. Ментальное в некотором смысле тождественно физическому (а по нашему мнению – функциональному). Но сам Д. Деннет по этому поводу пишет следующее: «Так что сознание не столько слава, сколько влияние – разнообразность относительной “политической” силы в противодействующих процессах, завершающихся текущим контролем над телом» [7, с. 245]. Итак, опять же у Деннета мы видим тождество ментального и физического. И, по-видимому, это не случайно.

На самом деле, при внимательном изучении вопроса о «переходе» идеального в материальное можно допустить, что между ментальным и физическим имеется каузальное взаимодействие. Кстати, Д. В. Иванов видит в этом психофизический параллелизм и на этот счёт утверждает, что с помощью теории типового тождества можно объяснить, каким образом ментальные характеристики могут быть сведены к физическим. Т. е., по его

мнению, каждому типу ментальных состояний соответствует определённый тип физических состояний мозга. В этом случае ментальные состояния являются внутренними физическими состояниями, связанными с другими ментальными состояниями, и могут служить причинами физических событий [9, с. 45–46]. С позиции функционализма автор отождествляет ментальные и функциональные состояния организма. Он говорит о том, что это как раз то, что вызывает определённое поведение. В итоге Д. В. Иванов делает следующий вывод: «...Функционализм является лучшим решением психофизической проблемы» [9, с. 60]. И всё же автор задаётся вопросом, который интересует и нас: «почему ментальные состояния являются сознательными»? Далее философ как бы сам отвечает на поставленный вопрос: «Ментальные состояния оказываются сознательными состояниями в случае, если они являются объектами ментальных состояний более высокого уровня» [9, с. 74]. А это, с нашей точки зрения, уже есть ни что иное нежели наивысшее сознательное. Отсюда становится вполне вероятным, что ментальные состояния обладают физическими и функциональными свойствами и являются сознательными. Человек не может существовать, если у него отсутствует осознание собственного опыта, поскольку все убеждения и мысли высшего порядка всегда должны быть осознаны и правильно поняты человеком. Согласно своему убеждению, Д. В. Иванов также делает вывод о том, что сопровождение наших ментальных состояний сознательным опытом не зависит от нашей способности формировать убеждения высшего порядка относительно этих состояний [9, с. 83–84]. Автор также отмечает, что если ментальное есть физическое состояние, локализованное в мозге, то это не объясняет, почему именно оно оказывается сознательным. И в результате наличия репрезентаций высшего уровня физические состояния становятся осознанными в силу того, что они являются ментальными, а ментальные состояния – это как раз те состояния, ко-

торые могут стать сознательными [9, с. 86–87]. Обобщая рассуждения Д. В. Иванова, можно сказать, что мозг реализует идеальные психические функции только после их предварительного осознания. В этом процессе все компоненты целостного мозга, материальные и идеальные, взаимодействуют и объединяются в относительно замкнутые мозговые системы, служащие основой субъективного мира человека. Поэтому мозг – это действительно в высочайшей степени дифференцированная и интегрированная многоуровневая целостная система, имеющая двойственную материально-идеальную структуру управления. О двойственной природе деятельности мозга также пишет Н. И. Чуприкова [19, с. 92], согласно которой психическая деятельность (т. е. идеальное) представляет собой отражательную и регулирующую поведение деятельность мозга человека. Автор явно указывает на то, что процессы психической деятельности мозга имеют двойственную идеально-материальную природу. По её мнению, эти процессы идеальны по своему содержанию, т. к. воплощают в себе существующую действительность и материальны потому, что от начала до конца пространственно-вещественны. Поэтому факт неразрывной связи психических явлений с материальной деятельностью мозга человека по Чуприковой рассматривается в рамках психофизической теории единства души и тела. И в этой связи можно предположить, что мозг имеет как минимум три уровня организации своей деятельности: первый низший материальный уровень составляют неосознаваемые физиологические процессы автономной регуляции; второй материально-идеальный уровень образуют уже частично осознаваемые субъективные процессы, происходящие в организме (состояния голода, жажды, страха, боли и появление инстинктов, условных рефлексов) и, наконец, третий высший идеально-материальный уровень включает идеальные процессы психического отражения, в основе которых лежат представления, образы, воображение, мораль,

высшие чувства. Причём на всех уровнях осознания и отражения действительности физиологические процессы выступают как материальная основа идеальных психических, в которых преобладает либо материальная, либо идеальная составляющая. Но психическое как таковое есть ещё не только результат материальных физиологических актов мозговой деятельности, но и продукт воздействия внешней среды и социального мира. Таким образом, в двойственной материально-идеальной и идеально-материальной деятельности мозга нет никакого дуалистического смысла, а есть только эволюционно сложившаяся необходимость становления биосоциальной природы человека.

Тем не менее, дуалист А. В. Сафронов пытается построить гипотетическую модель деятельности мозга, в которой одному состоянию активности нейронных процессов соответствуют разные ментальные состояния, отличающиеся друг от друга не содержательно, а в рамках нематериального свойства [13, с. 118]. Он рассуждает о моделях сознания, в которых сознание считается материальным свойством. Возникшая трудность, по мнению автора, заключается в том, что если бы сознание было материальным свойством, то существовали бы такие элементы содержания сознания, которые не были бы отражены в нейронной деятельности мозга, а проявлялись бы в дополнительных физических взаимодействиях [13, с. 120]. В данном случае А. В. Сафронов задаётся сложным вопросом, который интересен многим философам: «может ли какая-либо нематериальная причина оказывать влияние на материальный мир?». Именно в этом вопросе, по мнению автора, кроется загадка сознания и ментальной каузальности. И автор всё же подчёркивает, что нейронаука сегодня связывает все ментальные процессы именно с нейронной активностью, считая, что любое изменение в сознании, следовательно, одновременно есть и движение на нейронном уровне. И если требуется выделить нематериальную причину в деятельности сознания, то потребуется

доказать, что одному состоянию активности мозга может соответствовать два разных состояния сознания [13, с. 124–125]. В целом каузальный дуалист А. В. Сафронов придерживается точки зрения, согласно которой одному физическому состоянию могут соответствовать различные ментальные состояния. Т. е. им предполагается, что ментальный слой в человеке значительно богаче и разнообразнее физического (телесного). И ведь действительно, ментальные состояния и субъективные ощущения человека весьма разнообразны и не могут существовать вне тела. В этом есть суть субъективной идеальной регуляции телесных процессов. Данную идею можно найти и у В. В. Васильева, который, определяя отношение ментальных образов к телесности, т. е. к различного рода процессам, протекающим в мозге человека, задаётся многочисленными вопросами на этот счёт: «является ли ментальное разновидностью физического? порождает ли физическое ментальное? порождает ли мозг сознание? почему функционирование мозга сопровождается субъективным опытом?» [6, с. 151–152]. Поставленные вопросы пока не проливают свет на соотношение материального и идеального и, видимо, для того чтобы дать на них вразумительные ответы, автор уточняет динамику взаимодействия ментальных состояний и нейронных процессов, происходящих в мозге. И всё же оригинальность идеи В. В. Васильева состоит в том, что он как бы пытается взглянуть на предмет исследования с другой стороны, а именно с позиции возможного влияния ментальных состояний на нейронные процессы, которые ответственны за то или иное поведение человека. Он в принципе допускает воздействие ментальных состояний на нейронные процессы, ответственные за продуцирование того или иного поведения [6, с. 176–177], и в этом видится круговой характер физиологической и психической регуляции функций в живых системах, осуществляемый по типу рефлекторного кольца. Значение такого взаимодействия компонентов живой системы по прин-

ципу «замыкания на себя» заключается в том, что в нём проявляются все основные законы диалектики живой природы [20, с. 32]. Поэтому именно саморегуляция и самоорганизация всего живого являются выражением его внутренней активности и отражения внешнего мира. За счёт возрастания роли отражения и увеличения числа связей внутри биосистемы возникают интегративные качества целого, которые материальны, поскольку идеалистическая их трактовка в данном случае лишена всякой научности [20, с. 143].

Принимая во внимание эти и другие факты, В. Г. Афанасьев также указывает на то, что соотношение физиологического и психического сложно и противоречиво, поскольку психика отражает объективную реальность мира. Иначе говоря, по Афанасьеву, психическое – это своеобразный узел, в котором интегрируется внешний объективный мир и внутреннее человеческое «я» [5, с. 267–268]. Кроме того, Афанасьев также акцентирует внимание на интерорецепции, в результате которой мозг постоянно получает информацию о состоянии внутренней среды организма. И, таким образом, в коре мозга находит своё отражение и внешнее, и внутреннее содержание живой системы, т. е. внешнее содержание в мозге всегда преломляется через внутреннее содержание для обеспечения целостной реакции организма. При этом кора головного мозга регулирует поведение человека и взаимодействие внешнего (материального) и внутреннего (субъективного) мира, что было наглядно показано К. М. Быковым в кортико-висцеральной теории и И. С. Бериташвили в концепции образной психонервной деятельности. С другой стороны, изменение внутреннего взаимодействия через кору головного мозга способно изменять поведение самого организма в окружающей внешней среде. Таким образом, корой головного мозга осуществляется объединение внешней и внутренней сигнализации, поступающей в мозг, что обеспечивает взаимосвязь вегетативных и соматических процессов на уровне целостного организ-

ма [5, с. 292]. Но это, как нам представляется, одна из сторон деятельности мозга – влияние телесного (соматического) на идеальное (психическое), о которой мы говорили ранее. И в этом процессе поток нервных импульсов от многочисленных рецепторов организма распространяется по нейронным сетям мозга, активирует его и способствует переходу организма в бодрое состояние, с которым связана работа сознания. Т. е. сознание напрямую ассоциируется с процессом активности человека – с возбуждением, а торможение в высших отделах центральной нервной системы, напротив, соотносится с притуплением сознания во время сна. С этих позиций можно сказать, что сознание осуществляет произвольную регуляцию движений в части «перевода» идеального (психического) в материальные двигательные действия. С другой стороны, сознание обеспечивает и деятельность идеального психического, в частности, работу нашего ума, памяти и мышления, воображения и вдохновения, реализующихся вне деятельности всяких двигательных программ. Поэтому можно полагать, что поток нервных импульсов, непрерывно поступающих в мозг от различных рецепторов, действительно преобразуется в поток сознания, незначительно прерывающийся охранительным торможением во время сна. Отсюда следует, что возбуждение, возникающее в нейронах мозга, причастно к формированию нематериальных образов действительности. И эти образы действительности полностью или частично осознаются и фиксируются в нашей памяти. Таким образом, субъективные образы внешнего мира исходят по большей части из материального, но являются идеальными. Именно так, а не иначе идеальное в мозге соотносится с материальным. Теперь что касается роли сознания в этом процессе. Сознание также, на наш взгляд, имеет двойственную материально-идеальную организацию, т. к., с одной стороны, обусловлено материальными нейронными процессами, протекающими в мозге, а с другой – идеальными психическими явлениями, организующи-

ми отражение внешнего мира в форме поведения. Именно поэтому мозг человека должен быть необычайно «подвижен» и пластичен, поскольку он является материальной основой интегративной деятельности организма. Пластичность мозга, как оказалось, является тем свойством, которое связывает материальное и идеальное в мозге воедино. Как указывает Н. Дойдж, даже мысленное представление какого-либо действия предполагает использование двигательных и сенсорных программ, которые участвуют в его совершении. Поэтому он пишет следующее: «Долгое время наше отношение к жизни, связанной с воображением, было окрашено чем-то вроде священного трепета: мы считали её чем-то чисто духовным, эфирным – отрезанным от материального. Теперь мы уже не можем сказать с уверенностью, где проходит тонкая линия, разделяющая материальное и нематериальное» [8, с. 364].

Таким образом, в целом можно сказать, что материалистическое решение проблемы обратного действия идеального (психического) на материальное телесное (соматическое) всё же требует объяснения влияния сознания на материальные процессы управления телом и идеальные процессы умственной деятельности человека. Тем не менее, материальный субстрат и нематериальное идеальное (психическое) у различных людей не одинаково развиты ввиду в виду различного рода их деятельности, что описано нами в гипотезе нооцефальной цефализации (нооцефализации) [4, с. 113]. Для доказательства зависимости идеального от материального в деятельности мозга человека проведём мысленный эксперимент под названием «Мозг вне тела». Данный эксперимент, как нам кажется, позволит пролить свет на соотношение материального и идеального в человеке и позволит нам разобраться во взаимосвязях между материальным мозгом, физическим телом и идеальной психикой, а также – ментальными субъективными состояниями. Данное допущение также позволит нам ответить на вопрос: «как осуществляется взаимодействие материального и

идеального в живом теле человека?». Итак, идеализируем мозг человека в мысленном эксперименте. Допустим, что мозг находится вне физического тела, т. е. он полностью отделён от телесной оболочки. В нём есть материальное в виде оформленной нервной ткани, но нет функционального и идеального (психического), поскольку он не работает. В таком виде (т. е. без связи с телом) мозг не может регулировать жизненные процессы и воспроизводить идеальные образы. Следовательно, материальное, функциональное и идеальное определённым образом связаны с жизнедеятельностью человека как единой целостной телесной системы. И идеальное психическое в мозге никак не может возникнуть без материального, а точнее, оно может существовать только при функционировании материального. В свою очередь, физическое тело человека необходимо для возникновения субъективных ощущений и преобразования их в идеальное психическое. Мысленно «поместим» мозг обратно в телесную оболочку и тогда всё встанет на свои места: материальное физиологическое и идеальное психическое снова объединятся воедино для совместной работы в живом теле.

Заключение

Итак, в заключение мы обратим наше внимание на единство материального и идеального в человеке и на двойственную природу деятельности мозга человека. Рассмотрим также этот вопрос с позиции эволюционного подхода, согласно которому, в мозге человека материальное и идеальное соединено воедино, чтобы максимально повысить приспособление к условиям среды обитания. На наш взгляд, именно функциональное в мозге даёт ему возможность осуществлять процесс познания внешнего мира и на этой основе формировать психику и субъективность индивида. Отсюда можно прийти к логичному выводу: идеальное возникает на основе функционирования материального. Рассматривая мозг как универсальную фи-

лософскую категорию, можно подойти к познанию уровней осознания и отражение действительности и объяснить единство материального и идеального. Наша единая позиция, исходящая из материализма и функционализма, как раз и заключается в том, что функциональное в мозге является как бы переходным процессом от материального к идеальному. Сама же материальная структура мозга в виде нейронной сети не может быть источником идеального психического, но является его субстратом. Нейронные процессы, протекающие в мозге, по нашему мнению, как бы позволяют, дают возможность существовать идеальному и отражать действительность. Мы полагаем, что в описанной ранее трёхуровневой модели деятельности мозга человека необходимо обязательно выделять переходные материально-идеальные и идеально-материальные процессы. В этом, по-видимому, и заключается двойственная деятельность мозга человека, подразумевающая «взаимопереходы» – материального в идеальное и идеального в материальное при участии сознания. Следовательно, само сознание, скорее всего имеет также материально-идеальную организацию. Но вовсе не исключено и то, что идеальное «исходит» из нервных центров мозга и является их свойством, поскольку в физиологическом опыте при раздражении центра голода у животного возникает данное субъективное чувство, даже в том случае, если животное сыто.

Таким образом, мы признаём, что идеальные психические процессы – это особые процессы, существующие в нервной системе, и, существенно отличающиеся от материально-физиологических. Но тем не менее, эти процессы являются нервными по происхождению, то есть обусловленными деятельностью мозга. Следовательно, есть основания полагать, что в деятельности мозга действительно усматриваются не только чисто физиологические рефлекторные реакции, но и телесно-субъективные и субъективно-телесные рефлексы. Поскольку субъективные ощущения сопровождают рефлекторную деятельность

организма и полностью или частично осознаются в виде разных внутренних состояний организма. Отсюда следует, что идеальное психическое непременно должно быть связано с материальным. Ведь не зря говорят – мысль материальна, имея в

виду то, что она вызывает определённые телесные проявления, а это означает, что она непосредственно влияет на нейронные процессы в мозге.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аквинский Ф. Учение о душе. СПб.: Азбука, Азбука-Акктикус, 2018. 480 с.
2. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Книга по Требованию, 2013. 450 с.
3. Артеменков А. А. Категория «мозг» в решении междисциплинарных нейронаучных проблем современности: наивысшее сознательное // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 31–48.
4. Артеменков А. А. Нооцефализация современного человека в условиях техногенно-городской среды // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22. № 4. С. 113–121.
5. Афанасьев В. Г. Мир живого: Системность, эволюция и управление. М.: ЛКИ, 2019. 334 с.
6. Васильев В. В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: ЛЕНАНД, 2021. 240 с.
7. Деннет Д. Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании / пер. М. О. Кедровой. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.
8. Дойдж Н. Пластичность мозга: потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / пер. В. А. Виноградовой. М.: Эксмо, 2021. 576 с.
9. Иванов Д. В. Природа феноменального сознания. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 240 с.
10. Ноздрачев А. Д., Щербатых Ю. В. Физиология и психология – диалектика взаимодействия при решении психофизиологической проблемы // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2021. Т. 107. № 2. С. 154–176.
11. Павлов И. П. Избранные труды по физиологии высшей нервной деятельности. М.: ЛЕНАНД, 2022. 256 с.
12. Ринпоче Й. М. Будда, мозг и нейрофизиология счастья. Как изменить жизнь к лучшему. Практическое руководство / пер. Дж. Сонам. М.: Ориенталия, 2022. 368 с.
13. Сафронов А. В. Каузальный дуализм. М.: Эксмо, 2021. 224 с.
14. Свет М. С. Введение в нейрофизиологию концептуального мышления: Код неопределённости. Как наши индивидуальные концептуальные системы определяют мышление, обуславливают поведение и формируют восприятие. М.: ЛЕНАНД, 2022. 408 с.
15. Сеченов И. М. Элементы мысли: Впечатления и действительность: Исследование психики человека и её взаимосвязи с внешним миром. М.: ЛИБРОКОМ, 2022. 224 с.
16. Судаков К. В. Информационное построение системной архитектоники психической деятельности // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2012. № 2. С. 33–47.
17. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 512 с.
18. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. В. В. Васильев. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2019. 512 с.
19. Чуприкова Н. И. Психическая реальность и предмет психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 92–104.
20. Югай Г. А. Общая теория жизни: Диалектика формирования. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.

REFERENCES

1. Akvinsky F. *Uchenie o dushe* [The Doctrine of the Soul]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Akktikus Publ., 2018. 480 p.
2. Anohin P. K. *Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem* [Essays on the Physiology of Functional Systems]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2013. 450 p.
3. Artemenkov A. A. [Category "Brain" in Solving Interdisciplinary Neuroscientific Problems of Our Time: The Highest Conscious]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 2, pp. 31–48.

4. Artemenkov A. A. [Noocephalization of the Modern Human in the Anthropogenic Urban Environment]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i social'nye nauki* [Vestnik NarFU. Philosophy], 2022, vol. 22, no. 4, pp. 113–121.
5. Afanasyev V. G. *Mir zhivogo: Sistemnost', evolyuciya i upravlenie* [The Living World: Systematicity, Evolution and Management]. Moscow, LKI Publ., 2019. 334 p.
6. Vasilyev V. V. *Soznanie i veshchi: Ocherk fenomenalisticheskoy ontologii* [Consciousness and Things: An Essay on Phenomenalistic Ontology]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 240 p.
7. Dennet D. *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness* (Rus. ed.: Kedrova M. O., transl. *Sladkie gryozy: chem filosofiya meshaet nauke o soznanii*). Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2017. 304 p.).
8. Doidge N. *The Brain That Changes Itself: Stories of Personal Triumph from the Frontiers of Brain Science* (Rus. ed.: Vinogradova E. A., transl. *Plastichnost' mozga: potryasayushchie fakty o tom, kak mysli sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga*). Moscow, Eksmo Publ., 2021. 576 p.).
9. Ivanov D. V. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2020. 240 p.
10. Nozdrachev A. D., Scherbatykh Yu. V. [Physiology and Psychology – Dialectics of Interaction in Solving a Psychophysiological Problem]. In: *Rossiiskij fiziologicheskij zhurnal im. I. M. Sechenova* [Russian Journal of Physiology], 2021, vol. 107, no. 2, pp. 154–176.
11. Pavlov I. P. *Izbrannye trudy po fiziologii vysshej nervnoj deyatel'nosti* [Selected Works on the Physiology of Higher Nervous Activity]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 256 p.
12. Rinpoche J. M. *The Buddha, the Brain, And the Science of Happiness. A Practical Guide for Transforming Your Life* (Rus. ed.: Sonam J., transl. *Budda, mozg i nefrofiziologiya schast'ya. Kak izmenit' zhizn' k luchshemu. Prakticheskoe rukovodstvo*). Moscow, Orientaliya Publ., 2022. 368 p.).
13. Safronov A. V. *Kauzal'nyj dualizm* [Causal Dualism]. Moscow, Eksmo Publ., 2021. 224 p.
14. Svet M. S. *Vvedenie v nefrofiziologiyu konceptual'nogo myshleniya: Kod neopredelyonnosti. Kak nashi individual'nye konceptual'nye sistemy opredelyayut myshlenie, obuslavlivayut povedenie i formiruyut vospriyatie* [Introduction to the Neurophysiology of Conceptual Thinking: The Code of Uncertainty. How our Individual Conceptual Systems Guide Thinking, Condition Behavior, and Shape Perception]. Moscow, LENAND Publ., 2022. 408 p.
15. Sechenov I. M. *Elementy mysli: Vpechatleniya i dejstvitel'nost': Issledovanie psihiki cheloveka i eyo vzaimosvyazi s vneshnim mirom* [Elements of Thought: Impressions and Reality: A Study of the Human Psyche and Its Relationship with the Outside World]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2022. 224 p.
16. Sudakov K. V. [Construction Information System of Mental Architectonics]. In: *Rossiiskij mediko-biologicheskij vestnik imeni akademika I. P. Pavlova* [I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald], 2012, no. 2, pp. 33–47.
17. Uhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 512 p.
18. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* (Rus. ed.: Vasil'ev V. V., transl. *Soznayushchij um: v poiskah fundamental'noj teorii*). Moscow, URSS Publ., LIBROKOM Publ., 2019. 512 p.).
19. Chuprikova N. I. [Mental Reality and the Subject of Psychology]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2020, vol. 41, no. 4, pp. 92–104.
20. Yugaj G. A. *Obshchaya teoriya zhizni: Dialektika formirovaniya* [General Theory of Life: Dialectics of Formation]. Moscow, LENAND Publ., 2020. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Артеменков Алексей Александрович – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета;

e-mail: basis@live.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey A. Artemenkov – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Sports and Health, Cherepovets State University;
e-mail: basis@live.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артеменков А. А. Психофизиологическая проблема: единство материального и идеального в человеке // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 96–112.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-96-112

FOR CITATION

Artemenkov A. A. Psychophysiological Problem: The Unity of Material and Ideal in Human. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 96–112.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-96-112

УДК 316.774

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119

POSSIBILITY OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF CONCILIARITY IN NETWORK COMMUNICATION ENVIRONMENT

Горбунов А. С.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить предпосылки для реализации принципа соборности посредством сетевой коммуникации в информационном массовом обществе.

Процедура и методы. Методологией исследования выступает социально-философский анализ актуальных проблем современного общественного сознания, институциональных связей общества и обеспечения устойчивости социального бытия.

Результаты. Установлена актуальность принципа соборности в поиске модели развития современного российского общества. Представлена востребованность данного принципа в связи с его целеполаганием, содержащим как позитивные задачи развития, так и императив сохранения свободы личности. Раскрывается противоречивый характер сетевой коммуникационной среды, предполагающий защиту информационного пространства от деструктивных разрушительных акторов и смыслов. Предложено осуществлять защиту дискуссионного сетевого пространства от воздействий экстремистского характера в первую очередь в опоре на соборное мнение большинства, выявление реальной действенной социальной нормы, установки.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обращение к принципу соборности в связи с определением параметров активности в пространстве сетевой коммуникационной среды будет способствовать поиску общенационального консенсуса, нахождению действенного позитивного социального целеполагания, а также созданию таких механизмов регулирования информационного пространства, которые не сводились бы к тем или иным ограничениям свободы слова.

Ключевые слова: информация, личность, массовая коммуникация, общество, свобода, сетевая коммуникационная среда, соборность, традиционные ценности

POSSIBILITY OF IMPLEMENTATION THE PRINCIPLE OF CONCILIARITY IN NETWORK COMMUNICATION ENVIRONMENT

A. Gorbunov*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the prerequisites for the implementation of the principle of conciliarity through network communication in a mass information society.

Methodology. The methodological basis for the research is the social and philosophical analysis of the urgent problems of modern social consciousness, the institutional ties of society and ensuring the sustainability of social life.

Results. The relevance of the principle of conciliarity in the search for a model of development of modern Russian society is established. The relevance of this principle is presented in connection with its goal-setting, which contains both positive development tasks and the imperative of preserving individual freedom. The contradictory nature of the network communication environment is revealed, which

presupposes the protection of the information space from destructive destructive actors and meanings. It is proposed to protect the discussion network space from extremist influences, first of all, relying on the conciliar opinion of the majority to identify a real effective social norm and attitude.

Research implications. The appeal to the principle of conciliarity in connection with determining the parameters of activity in the space of the network communication environment will contribute to the search for a national consensus, finding effective positive social goal-setting, as well as the creation of such mechanisms for regulating the information space that would not be reduced to certain restrictions on freedom of expression.

Keywords: information, personality, mass communication, society, freedom, network communication environment, conciliarity, traditional values

Введение

Одним из определяющих смыслов философии славянофильства было раскрытие сути такого характерного инварианта российской социокультурной среды, как соборность. К сожалению, в силу различных исторических обстоятельств соборность не утвердилась в качестве ведущей общественной парадигмы ни в имперское время, ни в советские годы, ни, тем более в кризисное время развала государственных институтов, через которое страна проходила начиная с 90-х гг. прошлого века.

Однако, как представляется, соборность могла бы выступать именно той концепцией, которая обладает достаточным ресурсом для определения социального целеполагания и создания предпосылок к созидательному общенациональному движению, а вместе с тем и к разрешению многих противоречий, гармонизации отношений между общественными слоями и группами.

При определённых условиях новые параметры социума, связанные со становлением информационного общества и утверждением новых институтов массовой коммуникации, создают для этого условия.

В словаре В. И. Даля «соборно» означает «сообща, общими силами, содействием, согласием»¹.

Изначально соборность предполагает единение народа вокруг высшей духовной ценности. Как определял Н. О. Лосский, «соборность – это свободное единство...»

основанное на единодушной любви к Христу и божественной праведности» [9, с. 35].

При этом подчёркивается, что соединение людей происходит без утраты ими свободы. В этой связи восприятие славянофилами свободы личности как ценности, имеющей высший статус, развитое затем в рамках русской религиозной философии, заслуживает особого внимания.

В своих метких и ёмких характеристиках А. С. Хомяков говорил о том, что если католицизм (как традиционная версия западного цивилизационного мироустройства) представляет собой единство без свободы, то протестантизм (другая версия Запада) становится свободой без единства.

При этом обе эти формы не что иное, как несомненный рационализм, т. к. как обе отрицают нравственное основание религиозного познания, обе, будучи погружёнными в логическую антиномию, высматривали в христианстве только стороны его в их отдельности, т. е. единство без свободы или свободу без единства [10, с. 53; 2; 3].

Культура же, имеющая основанием православие, предполагающее реализацию принципа соборности, позволяет осуществить органичное соединение людей. Такое, которое не только не приводит к утрате их свободы, но становится обеспечением её сохранения.

Хомяков подчёркивал, что единство у протестантов состоит только в арифметическом итоге известного числа отдельных личностей, имеющих почти тождественные стремления и верования, а у римлян –

¹ Соборно // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1999. С. 142.

только в стройности движений подданных полудуховного государства [10, с. 80].

Н. А. Бердяев тонко ощутил истоки хомяковского представления о свободе: «Хомяков верил, что начало органической свободы заложено прежде всего в восточном православии, а затем и в духе русского народа, в русском деревенском быте, русском складе души и отношении к жизни. Запад не знает истинной свободы, там все механизировано и рационализировано. Тайну свободы ведаёт лишь сердце России, неискажённо хранящей истину Христовой Церкви, и она лишь может поведать эту тайну современному миру, подчинившемуся внешней необходимости» [1, с. 59]

Принцип соборности и сетевая коммуникация

Соборность начинает выступать и как церковное и как социальное понятие: церковная соборность становится основой, задаёт образец для соборности социальной.

И в этой социальной соборности одна из важнейших характеристик – свобода. Причём не только свобода воли, но и свобода политическая. Поэтому неудивительно, что тот же Хомяков особое значение придавал, как тогда говорили, «эмансипации», т. е. освобождению крестьян. Он не раз определённо высказывался о крепостном праве как о позорном рабстве.

Известно, что и другой идеолог славянофильства И. В. Киреевский также понимал отличительную черту российской ментальности в сочувствии истине духовно-свободных личностей, т. е. в важнейшей стороне соборности и придавал этому особое значение. Более того, это становится методом «расширения» соборности в контексте взаимодействия с другими культурами, когда, по словам Киреевского, голос истины не слабеет, но усиливается своим созвучием со всем, что является истинным, где бы то ни было [7, с. 157; 6].

Как подчёркивал исследователь отечественной литературы И. А. Есаулов, «Соборность является своего рода ядром православного типа духовности, который

и сформировал многие черты русского национального характера, определил доминанту русской культуры» [5, с. 107]

Истоки понимания характеристик соборности можно увидеть уже в разграничении, а по сути, в разработке идеи противопоставлении закона и благодати, осуществлённой древнерусским религиозным мыслителем митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати»¹. Впоследствии это глубокое разграничение проявляется на всём протяжении развития культуры России.

Можно утверждать, что говорившие XIX в. о соборности славянофилы были продолжателями древней традиции Илариона, когда чётко отделяли несвободное подчинение от свободного. Любое рабство противоположно идее соборности, безблагодатно [4]. Поэтому все позднейшие попытки недобросовестной псевдолиберальной критики свести соборность к некому «тоталитаризму» заведомо неосновательны.

Соборность предполагает свободное волеизъявление, свободное единение в волевом движении социума к реализации избранного целеполагания, либо в отстаивании своих фундаментальных ценностей оснований.

Сетевая коммуникационная среда стала сегодня одной из актуальных форм социальности, а в ряде случаев занимает ведущие позиции. В частности, активность и представленность человека в информационной среде, выраженное через участие в социальных сетях, расценивается как маркер успешной социализации.

Иной вопрос, содержит ли в себе эта форма социальности возможности для полноценной коммуникации личности с другими, а тем более для её развития, для единения с другим на основе общей для них духовной ценности, для отстаивания и развития своей личностной свободы.

К сожалению, тенденции в развитии сетевого коммуникационного пространства,

¹ См.: Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации: Родная страна, 2016. 176 с.

социальных сетей в частности, во многом свидетельствуют о том, что надежды на эти новые формы социальности как на область, где возобладает позитивная свобода, во многом не оправдываются. Сфера массовой коммуникации, включающая в себя наиболее известные социальные сети, становится подверженной манипулированию, цензуре, ограничению свободного участия.

Одним из наиболее убедительных и ярких примеров здесь может служить блокирование учётной записи действовавшего на момент события Президента США Д. Трампа по явно политическим основаниям. В беспрецедентной кампании блокировок приняли участие запрещённые в России Twitter, Facebook, Instagram¹.

Разумеется, столь открытое информационное «гонение» на значимую в масштабах США и в масштабах всего мира персону стало явным сигналом о том, что «время свободы» в западном обществе заканчивается и начинается попытка формирования нового глобального социума, где предполагается некое новое единство без свободы. Правда, теперь оно строится на ценностях в принципе далёких от тех, что были когда-то католичестве, а во многом и на противоположных. Тем не менее, таков выбор ведущих на данный момент западных элит, и, следуя своей былой социально-философской методологии, наполняя её новым содержанием, в обозримой перспективе они будут стремиться реализовать этот выбор.

В свою очередь, Россия в складывающемся противостоянии всё более определённо заявляет о своей приверженности традиционным ценностям, о готовности следовать им и отстаивать их. Более того, быть в современном глобальном пространстве той силой, которая могла бы защищать и утверждать эти ценности вопреки радикальной парадигме отказа от духовного основания, навязываемой Западом.

В этой связи весьма значимо, что среди избранных к следованию традиционных ценностей в ряду самых первых указаны «права и свободы человека». Так об этом говорится в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»².

С одной стороны, это прямое указание на приоритетность ценности свободы и на то, что РФ в перспективе становится территорией общественной и личностной свободы.

С другой стороны, вне свободы невозможно реализация принципа соборности, что выглядит необходимым условием созидания собственного смыслового пространства, способного не только оградить общественное сознание россиян от внешних воздействий, но и сделать российский идейный дискурс авангардным, ведущим.

Возможности реализации принципа соборности

Пространством, в котором происходит сегодня разворачивание смыслов, стала во многом сетевая коммуникационная среда: социальные сети, блогосфера, конгломерат информационных ресурсов.

Сложным, дискуссионным моментом в их деятельности становится необходимость элиминации из информационной среды контента, несущего разрушительное содержание, в том числе идей, пропаганды, направленных на размывание и дискредитацию тех же обозначенных традиционных ценностей. Ведь в этом случае речь идёт о грани, которая отделяет свободу личности и самовыражения.

Возможно, именно здесь находит своё применение принцип соборности, когда параметры и деятельность социально значимого масс-коммуникационного проекта

¹ Американские сервисы начали блокировать аккаунты сторонников Трампа // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/01/2021/5ff92bfe9a7947d1f628a49b> (дата обращения: 21.06.2023).

² Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 19.05.2023).

отражает по объективным причинам позицию свободно выражаемую и разделяемую абсолютным большинством его участников. Благо, настроения, сложившиеся в российском социуме, дают уникальный шанс для подобной настройки сетевого коммуникационного пространства.

Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения в одном из своих исследований по словам его руководителя Валерия Фёдорова выяснил: 83% респондентов согласны с тем, что политика государства должна быть направлена на сохранение и укрепление традиций и традиционных ценностей¹.

В подобной ситуации становится действительно возможной реализация свободного, т. е. соборного, не по принуждению, не формируемого разного рода цензурой и манипулятивными приёмами, но творческого единения как в самом уточнении, формулировании ценностей применительно к реалиям сегодняшнего дня, так в их совместном утверждении в качестве социально-значимой необходимой нормы.

Сама коммуникационная среда в этом случае обретёт те качества, которые позволяют органично отторгать неприемлемое содержание, имеющее свой генезис в антиценностях или прямо пытающееся проповедовать их. Такое негативное содержание станет подобием подростковой неприличной надписи в подъезде, неприятной, но и не способной оказать никакого ощутимого ментального воздействия.

Следует заметить, что вопрос осуществления принципа соборности в сетевом коммуникационном пространстве связан в первую очередь с тем, насколько полно реальные настроения и реальный ценностный запрос общества найдут своё отражение в действующих социальных сетях, дружных цифровых платформах.

Предстоит выстраивание такой системы, которая могла бы и ограждать коммуникационное пространство от агрессивных вторжений извне, и вместе с тем в известном смысле гарантировать представленность свободного мнения, свободного высказывания для всякого, кто ощущает потребность участия в открытой социальной коммуникации нового типа. В данном случае приходится обращаться к старой как мир истине о том, что свобода не есть вседозволенность.

Сетевые коммуникационные платформы при определённом подходе к развитию и регулированию их деятельности смогут стать тем социальным пространством, где в условиях массового информационного общества проявит себя потенциал, заложенный в принципе соборности, преобразуя и наполняя смыслом само это общество. Сам образ жизни современного человека, связанный с городской средой, чаще всего средой мегаполиса, выпадение из такой традиционной форм присущей некогда соборному укладу, как сельская община, оставляет нереализованной потребность в со-общении, в со-единении, архетипически присущую человеку русской культуры.

Модель социальной жизни, основанная на единении, сохраняющем свободу личности, остаётся наиболее востребованной общественным сознанием. Стоит заметить, что в не меньшей степени это относится к общественному бессознательному.

В качестве примера новых форм социального общения, в которых соборность находит своё отражение, могли бы послужить создаваемые сетевые сообщества, участники которых поднимают сложные вопросы, связанные как с актуальным повесткой, так и имеющие мировоззренческий характер. Ценным здесь является неформальный и немотивированный материально характер участия многих людей в дискуссии. Представление ими собственной позиции, высказываемой на платформе, равнодушного гражданского сознания. Обсуждение способствует появлению сбалансированных и трезвых, а вместе с

¹ ВЦИОМ выяснил, сколько россиян выступают за сохранение традиционных ценностей // Радио Комсомольская правда: сетевое информационное издание: [сайт]. URL: <https://radiokp.ru/podcast/voyna-i-mir-s-valeriem-fedorovym/297139> (дата обращения: 22.05.2022).

тем консенсусных оценок самых разных сторон действительности, предложений, идей к развитию.

Заключение

Сетевая коммуникационная среда может оказаться тем необходимым пространством, в котором соборность как принцип российской жизни получит возможность к раскрытию и утверждению в качестве новой формы социальности. В одной из публикаций, посвящённых современному интерпретированию славянофильства, подчёркивается: «... славянофильские идеи, как символ истинного патриотизма, могут выглядеть позитивными, как современный концепт социальной консолидации в российском обществе на данном этапе его исторической динамики» [8, с. 51]

При этом сетевая соборность возможна лишь в том случае, если будут выполнены некоторые важнейшие условия. В первую очередь свобода участия и высказывания. Неоправданное цензурирование, излишние надзорные процедуры, блокирование критически настроенных (остающихся при этом на общей платформе базовых

ценностей) авторов и участников обсуждений не позволят состояться в достаточной мере сильной и жизнеспособной масс-коммуникационной среде. В реалиях XXI в. это будет равнозначно общему провалу в строительстве сильного конкурентоспособного общества на собственной цивилизационной основе, так как масс-коммуникационные цифровые платформы играют в социальном строительстве все большую роль.

Сложным вопросом здесь всегда будет защита смыслового пространства от анонимной агрессии, идеологических диверсий, информационных операций по навязыванию бесплодного, либо деструктивного дискурса и т. п. Впрочем, здесь, как видится, и должна проявить себя способность самого соборного коммуникационного сообщества обеспечить не административно-цензурную, но естественную саморегулятивную функцию очищения пространства формирования общественно значимого смысла, необходимого социального целеполагания.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М.: RUGRAM, 2022. 256 с.
2. Беркут В. П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 14–23.
3. Бондарева Я. В. Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47–53.
4. Заложных Ю. С. Развитие славянофильских представлений о национальной государственности и власти в общественной мысли современной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2 (56). С. 161–169.
5. Есаулов И. А. Христианское основание русской литературы: соборность // Литературная учёба. 1998. № 1. С. 105–123.
6. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. М.: ARCHIVE PUBLICA, 2022. 70 с.
7. Киреевский И. В. Полное собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Тип. Московского Императорского университета, 1911. 288 с.
8. Лопин Р. А., Почепцов С. С. Проблема новаторского традиционализма философии славянофилов // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. № 47 (1). С. 47–52.
9. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Академический проект, 2018. 551 с.
10. Хомяков А. С. Избранные философские сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Юрайт, 2023. 375 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Aleksej Stepanovich Homyakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov]. Moscow, RUGRAM Publ., 2022. 256 p.
2. Berkut V. P. [Socio-Philosophical Analysis in of Scientific Knowledge Methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 14–23.
3. Bondareva Ya. V. [Russian Religious and Philosophical Anthropology: Antinomy of Freedom and Determinism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2014, no. 1, pp. 47–53.
4. Zalozhnych Yu. S. [Development of Slavo-philic Concepts of National Statehood and Power in Public Thought of Modern Russia]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2021, no. 2 (56), pp. 161–169.
5. Esaulov I. A. [Christian Foundation of Russian Literature: Conciliarity]. In: *Literaturnaya uchyoba* [Literary Studies], 1998, no. 1, pp. 105–123.
6. Kireevsky I. V. *O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [On the Nature of the Enlightenment of Europe and Its Relationship to the Education of Russia]. Moscow, ARCHIVE PUBLICA Publ., 2022. 70 p.
7. Kireevsky I. V. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 1* [Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Moscow Imperial University Publ., 1911. 288 p.
8. Lopin R. A., Pocheptsov S. S. [The Problem of Innovative Traditionalism in Slavophile Philosophy]. In: *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right], 2022, no. 47 (1), pp. 47–52.
9. Lossky N. O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. 551 p.
10. Homyakov A. S. *Izbrannye filosofskie sochineniya. T. 2* [Selected Philosophical Works. Vol. 2]. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 375 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: gorbunofff@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander S. Gorbunov – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
e-mail: gorbunofff@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горбунов А. С. Возможность осуществления принципа соборности в сетевой коммуникационной среде // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 113–119.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119

FOR CITATION

Gorbunov A. S. Possibility of Implementing the Principle of Conciliarity in Network Communication Environment. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 113–119.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-113-119

УДК 316.772

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-120-128

ТЕХНООБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА. ЧАСТЬ I: НОМО COMPUTERIS, НОМО INFORMATICUS, НОМО NETWORK

Гурьянова А. В.¹, Тимофеев А. В.²

¹Самарский государственный экономический университет

443090, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

443086, Самарская обл., г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проследить эволюцию и охарактеризовать специфику ведущих технообразов человека, включая образы Номо Computeris, Номо Informaticus и Номо Network.

Процедура и методы. В соответствии с заявленной целью в исследовании получает экспликацию понятие «технообраз», выделяются и характеризуются основные технообразы человека, прослеживается последовательность их возникновения, обосновывается их взаимодополнительность в плане характеристики современного человека и его технологизированного бытия. В исследовании применяются методы анализа и синтеза, компаративный и дескриптивный, исторический и логический методы. Используется прогностический метод для характеристики особенностей технобиоэволюции человека и осознания её потенциальных последствий – позитивных и негативных.

Результаты. В исследовании получает обоснование понятие антропологического «технообраза». Под «технообразами» авторы предлагают понимать новые форматы бытия человека, сложившиеся в результате воздействия на него комплекса инновационных достижений в области современной техники и технологий. Прослеживается эволюция антропологических технообразов, начиная с образа Номо Computeris, включая образ Номо Informaticus и завершаясь образом Номо Network. Указанные технообразы характеризуются в контексте определяющего их типа социума (информационное общество, сетевое общество). Выделяются и анализируются экзистенциальные модели, лежащие в основании технообразов, в том числе модель «Человек / Машина» и «Человек / Сеть».

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость исследования связана с экспликацией понятия «технообраз» в антропологическом ключе, а также с выделением и последующей характеристикой ведущих технообразов человека в контексте детерминирующих их процессов компьютеризации, информатизации, сетевизации. Практическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы могут использоваться для прояснения идентичности человека в технологизированном мире, координации его поведения и деятельности в условиях экспоненциального роста технических инноваций и технологических решений.

Ключевые слова: технообраз, человек, Номо Computeris, Номо Informaticus, Номо Network

HUMAN TECHNOTYPES. PART I: НОМО COMPUTERIS, НОМО INFORMATICUS, НОМО NETWORK

A. Guryanova¹, A. Timofeev²

¹Samara State University of Economics

ul. Sovetskoi Armii 141, Samara 443090, Samara Region, Russian Federation

²Samara National Research University

ul. Moskovskoe shosse 34, Samara 443086, Samara Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To trace the evolution and characterize the specifics of the leading human technotypes, including the images Homo Computeris, Homo Informaticus and Homo Network.

Methodology. In accordance with the stated purpose, the concept of “technotype” is explicated in the research, the main human technotypes are distinguished and characterized, the sequence of their formation is traced, their complementarity in terms of the modern human characteristics of and his technologized being is proved. The research applies methods of analysis and synthesis, comparative and descriptive, historical, and logical methods. A predictive method is also used to characterize the features of human techno-bio-evolution and to realize its potential consequences, both positive and negative.

Results. The research substantiates the concept of an anthropological “technotype”. The authors propose to understand “technotypes” as the new formats of human beings that have developed as a result of the impact on them of a complex of innovative achievements in the field of modern techniques and technology. The evolution of anthropological technotypes is traced, starting with the type of Homo Computeris, including the type of Homo Informaticus and ending with the type of Homo Network. These technological types are characterized in the context of the type of society that determines them (information society, network society). The existential models determining technotypes are identified and analyzed, including the “Human / Machine” and “Human / Network” models.

Research implications. The theoretical significance of the study is related to the explication of the concept of “technotype” in an anthropological way, as well as to the identification and later characterization of the leading human technotypes in the context of the processes of computerization, informatization, and network development that determine them. The practical significance of the research lies in the fact that its provisions and conclusions can be used to clarify the identity of humans in a technologized world, coordinate their behavior and activities in an exponential growth of technical innovations and technological solutions.

Keywords: technotype, human, Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network

Введение

В ходе эволюции современной цивилизации сосуществуют возникавшие поэтапно, а впоследствии взаимопроникающие и дополняющие друг друга технизированные процессы – компьютеризации, информатизации, сетевизации, виртуализации, цифровизации. По мере их внедрения в практическую жизнедеятельность и под их непосредственным воздействием закономерно меняется облик вовлечённого в данные процессы человека, формируются его новые образы, которые могут быть охарактеризованы как антропологические технообразы. Под «технообразами» в данном случае подразумеваются такие ранее не представленные форматы бытия человека, которые появились в результате воздействия на него комплекса инновационных достижений в области современной техники и технологий.

К их числу можно отнести такие сформировавшиеся за последние десяти-

летия XX в. проявления человека, как Homo Computeris, Homo Informaticus и Homo Network (или Homo Interneticus). Позднее, уже в первой четверти XXI в., к ним добавятся также Homo Virtualis и Homo Digital. По сути, перечисленные технообразы подразумевают одного и того же человека, но на разных витках развития технологий, в различных, всё более совершенствующихся технических условиях, обуславливающих его бытие и сознание. Разумеется, перечисленные технообразы имеют не столь длительную историю, как фундаментальный, родовой образ Homo Sapiens или же социо-конструирующий образ Homo Faber. Возникновение и дальнейшая эволюция технообразов оказались возможными лишь в результате радикальных технологических прорывов, пришедшихся на последние десятилетия XX в., а также на нашу современность – первую четверть XXI в.

Понятие «технообраза»: эволюция представлений

Изначально понятие «технообраза» фигурировало в исследовательской литературе в несколько ином терминологическом контексте, применяясь, в основном, в рамках эстетики постмодернизма. Термин авторства А. Коклен предполагал противопоставление «техно-» и «текстообразов», фиксируя ориентированность последних на процедуры классической (текстовой) интерпретации, в то время как «технообразы» оказывались вовлечены в виртуальные процессы, характеризовались преимущественно интерактивным форматом восприятия и методом распространения через посредство сетевых ресурсов. В таком понимании «технообразы представляют собой нематериальные, подвижные и нестабильные объекты, создаваемые в сетевом пространстве одними пользователями, изменяемые другими. В результате такой интерактивности все становятся соавторами, активным началом, субъектами социального действия» [6].

Изначально созданный технообраз продолжает своё дальнейшее развитие как бы вне и независимо от его первоначального творца, вбирая в себя нюансы всех последующих совершаемых с ним манипуляций и выступая тем самым продуктом «коллективного авторства». При этом все его многочисленные творцы осознают собственную причастность, внося вклад в общий ход креативного процесса. Тем самым технообразы, выступающие плодом совокупной деятельности ряда его создателей, «...реализуют себя в сети в виде некоего коллективного субъекта социального действия», выполняя функциональную роль «аттракторов социальных взаимодействий» [6].

По мнению авторов данного исследования, в современных реалиях понятие «технообраз» нуждается в более ёмкой, нежели приведённая выше, интерпретации. Тем более, что для характеристики «виртуального технообраза» уже существует немало синонимичных обозначений, та-

ких как «цифровой аватар», «виртуальная личность», «цифровой двойник» и пр. Собственно понятие «технообраз» может фиксировать не только виртуальный формат существования неких сформированных человеком идей и представлений, но и само бытие человека, выстраивающееся с учётом всё более интенсивного внедрения в его жизнь новых высоких технологий. Значимость этих последних заключается в том, что, «...существенно изменяя социокультурную среду человека, под их влиянием изменяется и сознание этого человека, его система ценностей и ценностных ориентиров» [7, с. 54].

Своеобразным прототипом понимаемых таким образом антропологических технообразов может считаться понятие «техночеловек», который в ходе набирающей обороты технобиоэволюции «...не перестаёт быть человеческим существом, но становится всё более технологизированным человеческим существом» [1, с. 13]. При этом речь не идёт о его отождествлении «...ни с постчеловеком, ни с биороботом. Техночеловек не приходит на смену человеку разумному, но является ступенью его развития – технологизированным человеком разумным» [1, с. 13].

На пути подобной технологизации как раз и формируются уже упоминавшиеся выше новые измерения бытия человека, связанные с конституирующим воздействием на него революционных достижений в области техники и технологий, которые, на наш взгляд, оправданно называть антропологическими «технообразами». Одним (исторически первым, исходным) из числа этих технообразов является образ *Homo Computeris*.

Технообраз “Homo Computeris”

Отправным пунктом и предпосылкой формирования всей совокупности технообразов человека может считаться компьютеризация, представляющая собой «процесс широкого внедрения в практическую деятельность человека, в повседневный быт электронных устройств для автома-

тизированной обработки информации – компьютеров» [9, с. 211]. Значимость внедрения компьютеров в качестве специализированных девайсов заключается в том, что, в отличие от всех прочих ранее практиковавшихся способов оперирования с информацией, её компьютерная обработка предполагает совершение ряда действий без непосредственного вмешательства человека, хотя алгоритм такого рода операционной активности создаётся всё же самим человеком. В реалиях набирающей обороты компьютеризации машине были делегированы многие виды традиционно человеческой деятельности, связанные с операциями вычислительного характера и рутинными трудовыми процедурами. По сути, человек был освобождён от необходимости тратить драгоценный временной ресурс на монотонное повторение.

Если изначально компьютеризация была чисто техническим процессом, то в последние десятилетия XX в. она уже обрела ярко выраженные социокультурные черты. Под её воздействием, приобретшим глобальный характер распространения, кардинальным образом изменились способы общения и коммуникации людей, принципы деятельности важнейших социальных институтов, нормы и правила признанных ценностных систем и мн. др. Компьютеризация способствовала ускорению и совершенствованию многих значимых социальных процессов – широкому распространению технологий и повышению уровня производительности труда, радикальной перестройке сфер управления, образования и пр. Всё это закономерно привело к «перестройке» самого человека – его сознания, мировоззрения, образа жизнедеятельности, способов осуществления коммуникации с себе подобными.

Таким образом, параллельно с развёртыванием самого процесса компьютеризации начал вырисовываться первый устойчивый технообраз человека – Homo Computeris, предполагающий его восприятие в качестве субъекта-пользователя технических (компьютерных) устройств. Формирование Homo Computeris обусловлено домини-

рованием особой мировоззренческой установки «Человек / машина», ставящей пользователя в прямую зависимость от его умения / неумения пользоваться ПК и применять его ресурсы в сферах быденной и профессиональной деятельности.

Теоретически концепция «человек – машина» имеет уже довольно длительную историю, начиная ещё с Ж. О. де Ламетри и его одноименного трактата 1747 г. Но в отличие от французского философа XVIII в., считавшего человека искусственным (по типу часового) механизмом, подвластным исключительно естественной необходимости, наша современность, подверженная компьютеризации, вносит новые нюансы в интерпретацию этой классической модели. Акцент делается не на механизации или «машинизации» самого человека, а на особенностях его взаимодействия с Машиной – говоря современным языком, с миром ПК, формирующимся в ходе нарастающей компьютеризации.

Считается, что процесс компьютеризации берёт начало с 1981 г., т. е. с момента старта массового производства персональных компьютеров (ПК). Хотя его предыстории и в значительной мере предпосылкой может считаться предшествующее по времени изобретение электронно-вычислительных машин – ЭВМ. В дальнейшем компьютерная техника начала развиваться настолько стремительно (изначально лишь в экономически развитых, а затем и в большинстве других стран), что за короткий, насчитывающий буквально несколько десятилетий, временной период ПК начал восприниматься как нечто само собой разумеющееся со всеми вытекающими отсюда последствиями его воздействия на человека и общество в целом – позитивными и негативными.

Многие сферы человеческой жизнедеятельности, и быденные, и профессиональные, оказались «завязаны» на обязательном инструментальном использовании ПК – само их функционирование стало немислимым без и вне всепроникающей компьютеризации. По сути, в современном обществе сформировалось уже несколько

поколений, воспринимающих компьютер как естественный и необходимый атрибут жизни и деятельности. Как следствие, начало видоизменяться сознание человека, поставленного в зависимость от способности осуществлять функции пользователя ПК или, как минимум, элементарные операции по манипулированию с ним.

Именно принятие компьютера как обыденного явления и необходимого для осуществления жизнедеятельности инструмента превратило человека конца XX – начала XXI вв. в *Homo Computeris*. Эта знаковая трансформация может считаться отправным пунктом для последующей реализации целой череды новых, соответствующих реалиям нашей современности технообразов человека, в частности образа “*Homo Informaticus*”.

Технообраз “*Homo Informaticus*”

Становление *Homo Informaticus* в качестве продукта информационного общества стало возможным благодаря экспоненциальному росту в нём значимости информации и знаний, а также повсеместному распространению информационных технологий. Хотя, по справедливому замечанию теоретика информационного общества Д. Белла, изначально эта свершившаяся «революция в организации и обработке информации и знания» оказалась возможной именно благодаря повсеместному распространению компьютеров, т. е. компьютеризации общества: без компьютеризации не было бы и информатизации. В своей совокупности компьютеризация и информатизация привели к изменению роли информации в жизни человека, к утверждению её нового основополагающего статуса в системе общественных отношений и, как следствие, к формированию у индивидов особого «информационного сознания».

“*Homo Informaticus*” – закономерное порождение, обитатель и одновременно создатель информационного общества, т. е. такой социальной структуры, основанием функционирования и развития

которой выступает информация. Понятие «информационное общество» вошло в употребление с конца 60-х гг. XX в., будучи производным от комплекса пришедших на тот период времени технологических инноваций. Последние были обусловлены радикальными прорывами в таких областях научного знания, как кибернетика, информатика, системный анализ, теория принятия решений и др. Процесс сопровождался разработкой микропроцессоров и внедрения инновационных технологий управления масштабными человеко-машинными комплексами, требующими целенаправленной системной организации. Изначально данные тенденции носили локальный, но впоследствии приобрели поистине планетарный характер распространения.

Homo Informaticus формируется в плотной информационной среде, в реалиях информационного общества, в котором главным доступным массовому пользователю ресурсом, ценностью, товаром, услугой, капиталом, средством занятости и пр. выступает информация. Информация – это «...самый распространённый продукт, товар для продажи и услуг, уникальность которого в том, что при передаче и использовании он не исчезает и – самое главное – способен накапливаться» [4, с. 40]. «Информация обладает уникальными свойствами – она не только пригодна для многократного использования и для многочисленных пользователей, чем больше она используется, тем более ценной она становится» [5, с. 36]. В этой связи приоритетными навыками и умениями, необходимыми для успешной адаптации человека в информационном обществе и его соответствия технообразу *Homo Informaticus*, выступают навыки по получению, переработке, хранению, транслированию и оцениванию информации.

Разумеется, и ранее, во все предшествующие века мировой истории и на разных ступенях эволюции общества, жизнедеятельность человека была напрямую связана с получением информации из окружающей действительности, с её переработкой

и дальнейшим применением на практике. Однако полноценное осознание факта исключительной значимости и ценности информации в общем контексте бытия человека оказалось возможным только в XX столетии. Динамичное внедрение в жизнь человека и общества комплекса информационных технологий привело к формированию всеобъемлющей информационной среды, которая быстро преодолела ограничивающие её рамки локальности и региональности и приобрела планетарный масштаб, создав основу глобального коммуникационного взаимодействия.

Значимой проблемой информационного общества в целом и Homo Informaticus в частности, является интенсивность притока информации, которая превышает элементарные человеческие возможности по её восприятию, обработке, классификации и дальнейшему применению. Этот феномен известен в качестве «информационной перегрузки», которой оказывается в значительной степени подвержен каждый современный Homo Informaticus. Речь идёт о том, что «с одной стороны, мы постоянно на связи, в курсе всего, что происходит, благодаря сотовым телефонам, планшетным компьютерам и другим гаджетам и т. д. С другой стороны, получается, что человеческий мозг непрерывно бомбардируется новой информацией, что может создать перегрузки само по себе» [8, с. 218].

Как следствие, по отношению к потребляющему её человеку информация всё чаще оказывается «...не только самостоятельной реальностью, некоторой автономной сферой активности, но и агрессивной средой обитания, местом конкуренции с техническими устройствами за сферы контроля и влияния, за свободу мировоззрения и образа жизни...» [2, с. 203]. Таким образом, бытие человека как Homo Informaticus является двойственным: будучи творцом и одновременно обитателем информационной среды, он получает практически неограниченный доступ к информации и информационным ресурсам, но, вместе с тем, оказывается в сильнейшей степени

подвержен её негативному воздействию, выражающемуся, в частности, в феномене постоянно испытываемых им информационных перегрузок.

Технообраз “Homo Network”

Компьютеризация и информатизация различных сфер жизни общества вышли на следующий виток своего развития с появлением глобальных информационных сетей (интернета). Важным условием для их появления стало объединение вычислительных средств со средствами связи. Появление компьютерных сетей обусловило качественный прорыв в области компьютеризации и информатизации, который трансформировал сначала сферу производства, а впоследствии и всю социальную реальность. Причём происходящие изменения, изначально носившие сугубо местный и локальный характер, довольно быстро вышли на глобальный, планетарный уровень своего проявления со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Выход компьютерных сетей на глобальный уровень функционирования ознаменовал переход от отдельных, локальных человеко-машинных взаимодействий, свойственных для начального этапа информационной революции, к формированию целостной человеко-машинной социальной системы, обладающей своими специфическими законами, принципами коммуникации, этическими правилами и пр. Данное образование получило название «сетевое общество» в духе его классической интерпретации, сложившейся усилиями Я. Ван Дейка, М. Кастельса и др. известных теоретиков. Осуществляющий в нём жизнедеятельность человек оказывается не просто пользователем компьютера в рамках локально практикуемого человеко-машинного взаимодействия, а интегративным элементом глобальной компьютерной сети: он вовлечён в неё, растворён в ней, функционально и экзистенциально от неё зависим [11, p. 140].

Иллюстрируя масштаб происходящих в современном обществе изменений, ис-

следователи справедливо указывают, что в ходе глобализации компьютерных сетей оформился особый, как бы «...всплывающий над планетой Земля новый телекоммуникационный континент», а сам «...мир оказался опутан словно паутиной разнообразными информационными системами»¹. Возможно, именно эту особенность (планетарную Интернетизацию, глобальную сетевизацию) пророчески спрогнозировал В. И. Вернадский, анонсируя в рамках созданной им концепции ноосферы радикальный прорыв, который должен произойти в результате преобразования средств связи и способов осуществления обмена между разными странами современного мира [3, с. 107].

Пока речь шла о самостоятельном и обособленном от всех остальных существовании каждого компьютера, его влияние было местным, локальным и распространялось лишь в рамках незначительного ареала самого ПК, не образуя при этом системы и не приобретая присущих ей системных свойств. Когда же несколько компьютеров были объединены в систему, пусть даже совсем незначительную по количеству входящих в её состав элементов (например, компьютерная сеть в рамках отдельного института, предприятия, организации), это закономерно вызвало проявление у данной системы качественно новых, ранее ей не свойственных интегративных черт и особенностей. Когда же сетевизация привела к объединению компьютеров в планетарном масштабе (интернет), влияние сети на общество (в частности, общество высоко-компьютеризованных стран) также было глобализовано, выйдя на новый уровень своего развития.

Набирающая обороты сетевизация изменила не только социальную среду, но и условия и параметры жизнедеятельности обитающего в ней человека. Речь идёт о

трансформации ранее сформированного технообраза Homo Informaticus в образ Homo Network, в рамках которого реализуется модель бытия человека внутри и через посредство сети. Ещё совсем недавно понятие «сетевое человека» воспринималось исключительно в социально-экономическом контексте и отождествлялось с «...субъектом, включённым в социально-экономические сети, при этом его связи носят множественный, безличный, функциональный характер» [10, с. 38]. Современная экзистенциальная модель «Человек / Сеть» интерпретирует каждого человека как пользователя, ставя его в прямую зависимость от Интернета, надёжности его функционирования и доступности сетевых ресурсов.

Homo Network – это человек, не мыслящий свою жизни без и вне сети, практикующий параллельно с реальной физической жизнедеятельностью интенсивное бытие онлайн, постоянно пребывающий в состоянии онлайн-активности и коммуникации. Homo Network полагает естественным и само собой разумеющимся постоянный доступ к компьютеру и интернету, а также возможность осуществления беспрепятственного общения с помощью мобильной связи, мультимедийной среды и прочих технологий. Разумеется, указанные факторы радикально меняют сознание, мировоззрение и образ жизни вовлечённого в них человека. В свою очередь, открытая и доступная сетевая среда тяготеет к полной абсорбации в неё человека, формируя новый бытийственный строй, новые модели поведения и деятельности, а также новую систему ценностей, релевантную технообразу человека в качестве Homo Network.

Заключение

В завершение проведённого рассмотрения отметим, что специфика бытия человека в современном мире обусловлена доминированием его различных технообразов, возникавших поэтапно, но впоследствии взаимно дополнявших и обогащавших друг друга. Это такие технообразы, как

¹ Иванов В. Информационное общество и сетевой человек // Евразия: информационно-аналитический портал [сайт]. URL: <http://evrazia.org/article/1216?ysclid=lrq0nnlep1115597272> (дата обращения: 12.01.2024).

Homo Computeris, Homo Informaticus и Homo Network. Под технообразами понимаются технологически обусловленные измерения бытия человека, связанные с конституирующим воздействием на него прорывных достижений в области техники и технологий, стимулировавших экспоненциальное развитие компьютеров и сетей, вызвавших колоссальный прирост информации и знаний и изменивших тем самым жизнь каждого конкретного человека и общества в целом.

Антропологические технообразы формировались в реалиях сначала компьютеризованного, затем информационного и впоследствии сетевого общества на фоне происходящих в каждом из них радикальных технологических прорывов. Процесс компьютеризации «запустил» формирование экзистенциальной модели «чело-

век / машина» и формирование на её основе исходного технообраза Homo Computeris. Продолжившаяся на основе достижений процесса компьютеризации информатизация стала предпосылкой формирования информационного общества и производного от него Homo Informaticus, осуществляющего жизнедеятельность в условиях безусловного доминирования информации и знаний. И, наконец, абсорбция человека в сетевую среду стимулировала становление сетевого общества с производным от него антропологическим технообразом Homo Network, предполагающим выстраивание бытия и сознания человека через посредство всеобъемлющей сети и её безграничных ресурсов.

Статья поступила в редакцию 06.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
2. Гурьянова А. В. Феномен homo informaticus – новое измерение человеческого бытия // Проблемы человеческой экзистенции в информационном обществе. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2015. С. 203–220.
3. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Ноосферная глобализация в контексте модели устойчивого развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1 (37). С. 103–110.
4. Еляков А. Д. Homo Informaticus и современная информационная среда // Философия и общество. 2012. № 3 (67). С. 38–59.
5. Концов В. С. Возникновение информационного общества как результат мировой глобализации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 3. С. 36–38.
6. Митрошенков О. А. Что придёт на смену постмодернизму? // Metamodern. Журнал о метамодернизме [сайт]. URL: <https://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu> (дата обращения: 12.01.2024).
7. Плотников Е. И. Человек в эпоху высоких технологий // Фундаментальные научные исследования как фактор обеспечения конкурентоспособности общества и государства. Белгород: АПНИ, 2020. С. 51–54.
8. Сенкевич А. В. «Сетевой человек»: этико-антропологические аспекты коммуникации в современном обществе // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2017. № 11 (4). С. 217–220.
9. Скородумова О. Б., Меламуд В. Э. Компьютеризация // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 211–213.
10. Чистяков С. В. Концепция сетевого человека // Экономика образования. 2009. № 2. С. 38–41.
11. Guryanova A. V., Krasnov S. V., Frolov V. A. Human Transformation under an Influence of the Digital Economy Development // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 908. P. 140–149.

REFERENCES

1. Alekseeva I. Yu., Arshinov V. I., Cheklevov V. V. [“Technopeople” versus “Posthumans”: NBICS Revolution and the Future of Man]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 3, pp. 12–21.
2. Gur'yanova A. V. [The Phenomenon of Homo Informaticus – A New Dimension of Human Existence].

- In: *Problemy chelovecheskoj ekzistencii v informacionnom obshchestve* [Problems of Human Existence in the Information Society]. Samara, Samara State Economic University Publ., 2015, pp. 203–220.
3. Guryanova A. V., Timofeev A. V. [Noospheric Globalization in the Context of the Sustainable Development Model]. In: *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Social-Humanitarian Studies], 2023, no. 1 (37), pp. 103–110.
 4. Elyakov A. D. [Homo Informaticus and Modern Informational Environment]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2012, no. 3 (67), pp. 38–59.
 5. Konnov V. S. [Emergence of the Information Society as a Result of Globalized World]. In: *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], 2009, no. 3, pp. 36–38.
 6. Mitroshenkov O. A. [What will Replace Postmodernism?]. In: [Metamodern. Journal about Metamodernism]. Available at: <https://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu> (accessed: 12.01.2024).
 7. Plotnikov E. I. [Man in the Era of High Technology]. In: *Fundamental'nye nauchnye issledovaniya kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti obshchestva i gosudarstva* [Fundamental Scientific Research as a Factor in Ensuring the Competitiveness of Society and the State]. Belgorod, APNI Publ., 2020, pp. 51–54.
 8. Senkevich A. V. ["Network Man": Ethical and Anthropological Aspects of Communication in Modern Society]. In: *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokih tekhnologij* [Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies], 2017, no. 11 (4), pp. 217–220.
 9. Skorodumova O. B., Melamud V. E. [Computerization]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2005, no. 3, pp. 211–213.
 10. Chisteaykov S. V. [Concept of the Network Person]. In: *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of Education], 2009, no. 2, pp. 38–41.
 11. Guryanova A. V., Krasnov S. V., Frolov V. A. Human Transformation under an Influence of the Digital Economy Development. In: *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2020, vol. 908, pp. 140–149.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гурьянова Анна Викторовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Самарского государственного экономического университета;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Guryanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Philosophy and History Department, Samara State University of Economics;
e-mail: annaguryanov@yandex.ru

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Pedagogics), Assoc. Prof., Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Технообразы человека. Часть I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 120–128.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-120-128

FOR CITATION

Guryanova A. V., Timofeev A. V. Human Technotypes. Part I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 120–128.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-120-128

УДК 37

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-129-139

«ЗНАЧЕНИЕ» ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Кокоева И. А.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основе отработанных семантикой способов интенсивного анализа предметных значимостей эксплицировать репрезентативные свойства образовательного процесса.

Процедура, методы. Сверхсинтаксические неформальные техники уточнения природы репрезентирующих явлений (эмпирическая интерпретация, объективация, верификация).

Результаты. Показано: образование как гуманитарный человекосозидающий ресурс культивирует человека (не компетенции!), адаптирующего к себе реалии. На данном основании отвергаются платформы технократизации, инструментализации образования в современном постиндустриальном мире, якобы подчиняющем персональное и социальное самоутверждение императивам экономики знаний, индустрии услуг, бездуховному потребительству.

Теоретическая и/или практическая значимость. Содержательно выверенный взгляд на существо образовательной подготовки инспирирует адекватную модель культивации всесторонне, гармонично развитой личности. Привитие способностей к творческому труду – в этом и состоит твёрдая почва воспитательно-образовательной политики, пафос обновления работы средней и высшей школы.

Ключевые слова: комплексность, креативность, личность, образовательная деятельность, полнота самореализации

THE “MEANING” OF THE EDUCATIONAL PROCESS

I. Kokoeva*State University of Education**ul. Vera Voloshina 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To explicate the representative properties of the educational process based on the methods of intensive analysis of subject meanings worked out by semantics.

Methodology. Supersyntactic informal techniques for clarifying the nature of representative phenomena (empirical interpretation, objectification, verification).

Results. It is shown that education as a humanitarian human-creating resource cultivates a person (not competence!) who adapts realities to himself. On this basis, the platforms of technocratization and instrumentalization of education in the modern post-industrial world are rejected, allegedly subordinating personal and social self-affirmation to the imperatives of the knowledge economy, the service industry, and spiritless consumerism.

Research implications. A meaningfully verified view of the essence of educational training inspires an adequate model of cultivating a comprehensive, harmoniously developed personality. Instilling the ability to work creatively – this is the solid ground of educational policy, the pathos of updating the work of secondary and higher schools.

Keywords: complexity, creativity, personality, educational activities, completeness of self-realization

Введение

Сообразно принятой нами содержательной предметно-вещной трактовке семантического «значения» исходно правильно отмежеваться от формального приёма уточнения онтологической определённости знаковых конструкций в терминах теории именования (Фреге, Хвистек, Лесневский, Карнап, Монтегю и др.); в нашем понимании онтология концептуальных сущностей не является дериватом номинации. Скажем сильнее: объёмные порождения социального опыта не имеют прямого «синтаксического представительства, допускающего строевую (формальную) фиксацию» [13, с. 20]. Таково и «значение» «образования», устанавливаемое сверхлингвистическими (не формально

номинативными) процедурами освоения надсловесного сущего, где «логика идей» последовательно замещается «логикой вещей» со специфическими неязыковыми гипотезами существования.
«Значение» образования выражается рядом репрезентативных характеристик.

Феноменологический уровень

Возьмём данные по нескольким вузам, в виде случайной выборки примем положение дел в 4 крупнейших учреждений высшего образования (ВО) разных регионов, сравним средние баллы ЕГЭ за последние годы, оценим качество приёма. Систематизируем показатели в табличном представлении (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1
Бюджетный приём 2021, 2022: средние баллы ЕГЭ по вузам / Budget admission in 2021, 2022: average Unified State Exam scores by university

Вуз	Качество приёма на основании среднего балла ЕГЭ зачисленных на бюджетные места		Рост / падение		Зачисленные на бюджетные места, чел.		Из них без экзаменов		Средний балл рассчитан с вычетом баллов за Индивидуальные Достижения	
	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021
УрФУ им. Б. Н. Ельцина (Уральский Федеральный университет)	74,7	76,2	-1,5	-1,4	4858	4422	165	122	Да	Да
МГУ им. М. В. Ломоносова	88,9	90,2	-1,3	-0,6	3931	3835	491	496	Да	Да
Сибирский Федеральный университет	69,4	70,1	-0,7	-1,0	3697	3337	14	8	Да	Да
МГТУ им. Н. Э. Баумана	81,0	82,7	-1,7	0,8	3655	3551	244	201	Да	Да

Источник: Мониторинг качества приёма в вузы [Электронный ресурс].
URL: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645021/all>.

Сделаем вывод: средний балл поступающих в вузы по ЕГЭ падает, качество приёма ухудшается. Рефлексия причин этого предполагает более глубокое уяснение «значения» образования в перемещении с феноменологического уровня на эссенциальный.

Эссенциальный уровень

Здесь производится квалифицирующий просмотр приближающихся к каким-то предельно совершенным (вырабатываемым конкретно исторически, ситуативно) состояниям практически воплощаемых моделей образования.

Вообще говоря, множество проектов, программ образовательной деятельности счётно, но операционально необозримо. Между тем и в «здесь-теперь» всякого исторического локала обособливаются более или менее реалистичные способы опредмечивания абстрактных образов, реификации идеальных соображений. По вырабатываемому техническому заданию (ТЗ), скоординированному с ним технологическому обчёту производится перевод мыслительных конструкций в неэфмерный – субстантивный план.

Естественно, уже на провизорных стадиях подготовки ТЗ, воплотительных технологий многое отбрасывается в качестве неправомерного. К слову, Ельцин по переводе из Свердловска в Москву (первым секретарём городского комитета КПСС), руководствуясь дремучим стереотипом уравнительности, задумывал рассказывать продвинутые специализированные столичные школы с углублённым изучением иностранных языков. Вскорости его отрезвили (! – если по его адресу осмысленно использовать такую глагольную форму); от своей затеи он отказался. Но дело не в мелочах. В сущностном отношении важно представлять роль специфических легислативных постулатов, конституирующих те или иные возможности [12]. К последним мы бы отнесли капитальные интервальные диспозиции (императивы,

регулятивы), санкционирующие строго определённые инициативы.

Онтология. Комплекс качественных параметров, обуславливающих типы миропредставления, мировыражения. На базе «постулатов значения» вводятся голограммы – унифицирующие признаковые группы, имплицитующие отличия эпохальных, дисциплинарных, тематических, этнических и т. п. сценографий – картин мира. С целью пояснения мысли прибегаем к помощи остенсивных определений; дифференцировка ареалов «событий для нас» в зависимости от программируемых умственных матриц (интенций) получает верифицируемые функциональные выражения $\{x_n\}$. Конечные суммы вида $u_1 + u_2 + \dots + u_n$ имеют разные репрезентирующие значения:

- эпохальные: диверсификация системных концептологий реальности: космоцентризм (Античность) – теоцентризм (Средневековье) – антропоцентризм (Новое время) [13];

- дисциплинарные: диверсификация системных интерпретативных линий: отечественная общая химия признаёт способность атомов (атомных групп) образовывать химические связи с другими атомами (атомными группами), тогда как скандинавская общая химия этого не признаёт;

- тематические: диверсификация экспликативных платформ: классический психоанализ утрирует индивидуальную природу бессознательного (Фрейд) – неклассический психоанализ – коллективную его природу (Юнг); в трактовке бессознательного фрейдизм гипертрофирует физиологизм, тогда как неопрейдизм – социологизм (Фромм), натурализм (Райх);

- этнические: диверсификация космографии в зависимости от традиций ментальности: типология «хаос – космос» во французской и немецкой национальных культурах имеет различное наполнение и преломление: координация стихий в одной и субординация их – в другой [3, с. 65].

Аксиология. Конституирование «значения» по когеренции – ценностной толерантности внутринаучных и тезаурусных

форм. Остов последних образует связка компонентов базисного знания (background knowledge – BK) с компонентами базового консенсуса (basic consensus – BC): BK + BC [13].

Комбинация BK + BC по принятой в методологии науки терминологии аттестует архетипическую структуру мыследеятельности (отработанная синтагматическая линейка концептов: стандарт, фрейм, поле, кластер, программа, парадигма, традиция, гештальт, стадия, паттерн, формат, фация и др. [12, с. 28]) – по учёту понуждающих к солидарным умственным действиям символическим доминантам – презумптивным (из массива языка), пресуппозитивным (из массива культуры) схематичным образам – образцам [12, с. 28–29]. В качестве примера сошлёмся на частные – «атомизм», «лапласовский детерминизм» и общие – «классика – неклассика – неонеклассика» ареальные конфигурации знания (так называемые «ментальные хронотопы»), детерминированные правилами нормирования, регуляризации творческого процесса.

Праксиология. Результативный десижинизм, располагающий альтернативы в порядке предпочтения сообразно нормативной шкале устремлений от нижайшего к высочайшему значению (а, в).

По фиксации аппроксимаций, точек накопления, направлений (векторное движение $a \rightarrow v$) вводится интервал доверия – множество точек нормативной прямой, удовлетворяющих неравенству $a < x < v$. Чисто прагматически уделяется повышенное внимание прецизионности, количественности соображений, придания им алгоритмичности, операциональности, метрической размерности [13]. На данном резоне, скажем, принимается тезис Черча (совпадаемость класса алгоритмически вычислимых функций с классом частично рекурсивных функций); не принимаются «левитация», «дальнодействие» и т. д.

Постулаты значения – инспирирующая стихия, преломляющая идущие сквозь неё лучи – стратегии человеческого формообразования. В итоге складываются дидак-

тические контуры в разных парадигмальных вариациях:

- светской: акцент объективизма; натурализма; реализма;
- духовной: акцент фидеизма; креационизма; телеологизма;
- коллективистской: акцент солидарности; универсальности; общинности;
- индивидуалистской: акцент партикулярности; уникальности; приватности.

Рисуются национальные и интернациональные, локальные и глобальные, моно- и полипрофильные перспективы образовательного процесса. Сойдёмся на том, что все они по каким-то подчёркиваниям каких-то принципиальных черт строительства и устройства человечности адекватны. Вместе с тем их очевидные видоразличия не должны ни заслонять, ни смазывать основополагающего: семья воспроизводит, образование производит человека.

Как производить «существо политическое», соответствующее мере наличной эпохальной данности, её социальной силе?

Возникает нетривиальная дилемма: образование как гуманитарный формообразовательный институт, – должно ли культивировать адаптированного к реалиям человека или же культивировать человека, адаптирующего к себе реалии?

Всё дело в стратегии культивации, центрирующей либо обстоятельства человека, либо человека в обстоятельствах. На наш взгляд, целесообразно руководствоваться стратегией «человек в обстоятельствах», исходя из примата того, что исключительно человек «завоевывает» все и всякие обстоятельства.

На фоне высказанного выглядят легковесными установки сциентизации, технократизации, рационализации, инструментализации образования в современном постиндустриальном мире, якобы свёртывающем человеческое измерение существования, подчиняющем его ценностям экономики знаний, индустрии услуг, бездуховному потребительству.

Действительно. В той же Японии на гиперразвитое обслуживание сферы досуга

приходится до 86% объёма продаж (тогда как на образование всего 5%) [1]. Но что в том хорошего? Не образование должно спускаться до регрессирующих условий, условия должно поднимать до прогрессирующего образования.

Никакая технизация, рационализация, роботизация жизни не оправдывает никакого сужения человеческого (культурно-духовного) пространства; не человека следует подгонять под обстоятельства, обстоятельства – под человека. Основные ценности образования – духовный потенциал, добродетель, гражданственность – как почитались в прошлом, так должны почитаться и в настоящем. Без каких-либо поправок, оглядок на постиндустриальные, гипертехнологические, суперрыночные реалии. Потребно развитие не одномерных человеко-машинных, человеко-рыночных функций как средств; потребно развитие «всех человеческих сил» (Маркс) в качестве единственной самоцели.

Проведём аналогию между видами сценок: «искусство – НТП» XX в. и «образование – НТП» XXI в.

В обстановке вековой давности перебатывавшее инновационные прорывы научно-технического прогресса искусство погрязло в неоправданном экспериментировании, отказе от классических, традиционных приёмов образно-символического отображения деятельности в форме эстемы [10; 11]. Как результат – упрочение беспредметного авангарда (абстракционизм, супрематизм, кубизм, фовизм, дадаизм, неопластицизм, сюрреализм, кинетизм, акционизм, линеаризм, алеаторика и др.) с порочным иррационализмом, цинизмом, алогизмом, нигилизмом, подменой творческих воплощений скандально-эпатажным авантюризмом, отказом от поиска, заявления художественного идеала, погрязанием в банальное мелководе перформансов, безысходность людических упражнений [15]. Внехудожественное экспериментирование в культуре обернулось антихудожественным движением к бескультурию.

Нечто сходное в обстановке наших дней спустя столетие, только теперь предметом экзерциций выступает не искусство, а образование. Уместны ли эксперименты в образовании, имея в виду имплантации в него релевантных информационной реальности новых форм, материалов, технико-технологических решений?

Овамо и семо витийствуют о новом укладе, постиндустриализме, динамизме, униформизме, цифровизации, автоматизации ... Безопорное, конъюнктурное плетение словес, за которым – путь к постгуманизму.

Мы далеки от поддержки дремучего лудизма; оптимизирующие технологии, научно-технические нововводства занимали и занимают достойное место в устройении жизни во все времена, в том числе – наши. Единственное, с чем, по нашему убеждению, стоит бороться – так это с трендами дегуманизации образования, реставрирующими печально известное обескультуривание.

Агентом любого – в первую очередь современного – самого инновационного, ультраавангардного современного социума является человек, формируемый не технологически, но культурно. Отсюда инверсия: сообщаемое культуру образование есть общественная институция, – не «одна из» (наряду с техникой, рынком, инфраструктурой и т. п.), а единственная, обеспечивающая работоспособность всех технологически значимых институций. Технология завоёвывает реальность, образовательная культура завоёвывает технологию.

В противном случае – безвозвратная утрата человека, не способного проявлять свою «общественную сущность» [26, с. 23], которая как продукт «человеческого общества» [32, с. 115] заявляет в объективном мире свою объективность [18, с. 194].

С позиций философско-антропологической трактовки человека как средоточия «сущностных сил» маркером человеческого развития оказывается «развитие богатства человеческой природы» [25, с. 123], обеспечиваемое полноценным – всесто-

ронным человеко-образным образовани-ем. Подчёркиваем: не профессионально ограниченным, прикованным к каким-то узким специализациям, не изуродованным какой-то кастовой замкнутостью, – но человеко-образным, – не приносящим в жертву развитию одной-единственной деятельности «все прочие физические и духовные способности» [23, с. 303].

Образовательная модель

Методологически выверенный взгляд на природу вещей в практическом отношении инспирирует образовательную модель всесторонне и гармонично развитой личности. Сторонясь словоблудья, предикацию «всесторонности, гармоничности» развития человека свяжем лишь с такими параметрами, как комплексность, креативность, полнота самореализации.

Комплексность. Не отмена самоограничений, ликвидация специализации, поверхностное всезнайство, дилетантизм, – а многогранность, многообразность, разносторонность, политехничность подготовки обучающихся – вершителей общезначимых социальных дел.

Во время оно коммунистический идеал всесторонне развитой личности Энгельс, Ленин сближали с вовлечением, участием в различных сферах деятельности [20, с. 33; 23, с. 187]. Опуская уместные поправки на специализацию, профессиональную квалификацию, более или менее определённый, реалистичный смысл таких взглядов стоит связывать с демократическим отсутствием ограничений на некие занятия; всесторонность здесь дериват равноправности, недискриминированности, нескованности любых встроек в социальные связи.

Во всех иных контекстах, подчёркивая избирательность интересов на профессии, правильно говорить о диверсифицировании, дифференцировании человечества «в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков» [17, с. 281].

Как подчёркивал Луначарский, «только разнообразное в своих отдельных челове-

ческих личностях общество, распадающееся на ярко выраженные индивидуумы, представляет действительно культурное богатое общество» [21, с. 445–446].

В кругу наших разысканий «комплексность» оттеняет идею объёмной полипрофильной образованности (исключающей казус: образование даёт всё больше знаний о всё меньшем), позволяющей действовать в режиме междисциплинарности – на стыке наук, схватывать существо дела (модальность *de re*) методом полиэкрана [9].

Креативность. Социально всесторонность означает беспрепятственность заявления-проявления человеческих сущностных сил (в разделении труда); гносеологически она означает свободу игры «всех человеческих сил как таковых безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [27, с. 476]. Всесторонность здесь – способность творить, получать инновационный продукт по продуктивному расширяющему синтезу – неалгоритмичному аутопоэзисному комбинированию достояний концептосферы [14].

Естественно, как некое персональное состояние собственного развития всесторонность конкретна, исторична, аутентична – покрывается суверенным контуром индивидуального самоутверждения в объективной действительности. В плане тематизации нашей проблемы акцентируется накопление не «сведений», но мыслепродуктивных возможностей, вырабатываемых (образовательно-воспитательным) поощрением отправления свободного общественного производства – «полной ... не ограниченной самостоятельности» [22, с. 68].

Креативная самостоятельность есть биодоминантная демонстрация свободы: свободы социальной и ментальной – в предельной трансформации материального и духовного производства во внутреннюю потребность – созидание не по принуждению, а побуждению – творчество, где мы сами, уподобляясь Всевышнему, сотворяем реалии по собственным – не заранее

принятым правилам («установленным масштабам»).

С праксиологической точки зрения цивилизационное движение от «труда» к «творчеству», от задетерминированной деятельности к спонтанной самодеятельности фундируется демократизацией – простором демократического волеизъявления сущностных сил как личности, так и масс (последнее чётко представлял Ленин, высказывая: если не поднять людей, «на самодеятельность, ничего не выйдет» [19, с. 311]).

Используя мысль Гегеля, обоснованно уточнить: «Основным понятием и конечным устремлением» [7, с. 54] поднятия народа «на самодеятельность» оказывается твёрдая гарантия полномасштабной самореализации человека.

Полнота самореализации. В отвлечении от всяческой «дикости вождельний» (Гегель) полнота самореализации как многообразная и полнообразная объективация личностных талантов, дарований достигается максимальным вовлечением, участием индивида в творческом процессе. Полнота самореализации – деятельностная универсальность – получает законченное воплощение универсальности в созидательном практически-духовном отношении к жизни.

Привитие способностей к творческому труду – в этом и состоит твёрдая почва воспитательно-образовательной политики, пафос выработки всех жизненных планов.

В традиционных доктринальных категориях философии дело семантизируется в концептах «универсальность», «беспредельность» продуктивности человека: чем универсальнее человек сопоставительно с животным, «тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живёт»; фактически универсальность человека сказывается «в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело» [26, с. 92].

Как видно, универсальность человека совпадает с его творческой родовой потенцией созидать несуществующее в природе, используя продуктивную производитель-

ную способность. Способность порождать, изобретать, творить. Коль скоро подобный вид трудовой активности генеалогически подготавливается: освоением всего выработанного человечеством богатства и культуры; обретением новообразовательной сноровки, – «свободная индивидуальность работника» [29, с. 227] взращивается нетривиальными образовательно-пропедевтическими инициативами, предполагающими:

- максимальное раскрытие индивидуальности;

- превращение любого вида социально значимой деятельности в персонально ангажированную самодеятельность;

- нахождение способа полномерной объективации субъективного через трансформацию внешних целей во внутреннее: «Та цель, – настаивает Гегель, – для осуществления которой я должен быть деятельным, должна каким-либо образом являться и моей целью; я должен в то же время осуществлять при этом и свою цель ... Бесконечное право субъекта заключается в том, что сам он находит удовлетворение в своей деятельности и в своём труде» [5, с. 22].

Обретение самости – особого статуса быть «самим собой для себя» (Гегель) – означает выработку продуктивной свободной привычки к всеобъемлемости, всесторонности самоопределения, – мудрому использованию выпавшего на собственную долю жизненного капитала, обмирщению жизненной задачи, которая самостоятельно для себя ставится [31, с. 297].

Объёмная многоотсечная тенденция универсальности, всесторонности находит положительное согласование с оппозирующей ей тенденцией элективности, специализации, индивидуализации. Искомое снятие коллизии отыскивается подчёркиванием политехничности.

Последнее инициирует не освоение ряда (родственных – смежных) профессий, но интегральное знание профессионально обслуживаемой производственной системы. Упор – не на частичные функции, а на общие принципы организации процессов

производства, которые нужно изучать в обучении; в идеале решается задача выработки компетентностной ориентации во всей системе производства. Не умения делать «всё» [20, с. 33], отображающего утопические воззрения на будущее производительной деятельности, лишённой разделения труда, но именно – осведомлённости о способе добывания материальных благ на фиксированной стадии общенаучного и общетехнического развития.

Образовательная подготовка в широком значении обязана давать потребные знания о природе трудовой деятельности, как физической, так и умственной, и главным образом – под углом зрения её творческого, универсального, самодетельного осуществления. Общее развитие всех человеческих (тем более креативных) способностей есть ключ к развитию конкретных специальных способностей, а значит, к возможности полнотной реализации индивидуальности [32].

Создание объективных предпосылок последней составляет содержание, направленность общественного прогресса, расширяющего материальную и интеллектуальную базу развёртывания человеческой природы.

Заключение

Обобщая мировой социально устроительный опыт, уместно отметить столь принципиальные факторы, как:

- последовательная ликвидация живого (с XX столетия – монотонно-конвейерного) труда, вытеснение его высоко технологичным, интеллектуально ёмким производством, востребующим специфического агента, выступающего не «продолжением», но «укротителем» сил природы [28, с. 110].

- повышение образовательного, квалификационного ценза участников производства, решающих незапрограммированные технологическими процессами нестандартные – творческие – ситуативные задачи.

Коренное изменение характера, условий труда предъявляет новые требования к профессиональному его обеспечению, по-

буждая и понуждая «большое общество» расширять систему СПО, налаживать непрерывное образование, периодическое повышение квалификации, овладение родственными профессиями, интенсифицировать методы освоения знаний, – иначе говоря: изменять способ развития человеческого в человеке [22, с. 441]. За счёт приобщения его к высокой производственной и жизненной культуре, используя мысль Бэкона, предугадывающей, как человек может «разумно и умело показать, проявить себя и в конце концов изменить себя и сформировать» [2, с. 458].

«Собственное осуществление» (Маркс) личности как самоосуществление крепится на собственном усовершенствовании как самоусовершенствовании, достигаемом внутренним культурным ростом, укреплением отношения к себе как носителю родовых (общечеловеческих) ценностей [8], занимающемуся (по Марксу [26, с. 121]) самоопредмечиванием.

Получается «практическая» эпихейрема (свёрнутый силлогизм): самореализация – образовательно подготавливаемая – самодетельная – свободная – самоопредмечиваемая – самоформируемая – общечеловечески оправданная – гуманитарно состоятельная деятельность, нацеленная на самосовершенствующую самоактуализацию, самоотдачу, где человек созерцает себя в создаваемом им очеловечиваемом мире [26, с. 94].

Обобщённо с позиций семантики «значения» образование означает «переработку себя» (Гегель) в приобщении к культуре – человеческому «всеобщему». В педагогической подготовке «мы узнаём набросанную как бы в сжатом очерке историю образованности всего мира. Это прошлое наличное бытие – уже приобретённое достояние того всеобщего духа, который составляет субстанцию индивида» [4, с. 15], – подчёркивает Гегель, – и который позволяет ему создавать и общечеловеческое, и собственное богатство. Культура есть человекотворение – производство и воспроизводство человечности во всех её ипостасях (прогрессивные методики обучения (в частности, В. Ф. Шаталова) используют момент

активного взаимодействия ЗУН в интенсивной межличностной коммуникации).

Механизм культуры универсален, всесторонен, и только универсально, всесторонне развивающиеся индивиды могут в него встроиться, превратить его достояние в «свою свободную жизнедеятельность» [22, с. 441].

Для того, правда, требуются необходимые условия:

1. Правильное понимание того, «каким надо быть, чтобы быть человеком» [16, с. 204];

2. «Нахождение самого себя» в преследовании, воплощении собственных целей [6, с. 398];

3. Развитие своей природы в качестве первостатейной самоцели [24, с. 387; 25, с. 123];

4. Обнаружение связи «между своей жизнью и историческим и мировым опытом ...» [30, с. 346].

Статья поступила в редакцию 17.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баява Л. В. Гуманитарное образование в информационном мире // Совет ректоров. 2009. № 12. С. 16–21.
2. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. П. А. Федорова, Я. М. Боровского. М.: Мысль, 1977. 567 с.
3. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов н/Д.: Ростовский университет, 1992. 316 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 4 / пер. Г. Шпета. М.; Л.: Гос. изд-во, 1959. 438 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 8 / пер. А. М. Водена. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. 470 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 11 / пер. Б. Г. Столпнера. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. 527 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 1 / пер. Б. Г. Столпнера. М.: Искусство, 1968. 312 с.
8. Ильин В. В. Аксиология. М.: Проспект, 2023. 192 с.
9. Ильин В. В. История и философия науки. М.: Проспект, 2019. 336 с.
10. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2019. 184 с.
11. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2019. 384 с.
12. Ильин В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2019. 203 с.
13. Ильин В. В. Теория познания. Философская семантика. М.: Проспект, 2024. 192 с.
14. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2021. 176 с.
15. Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
16. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 2 / под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. 509 с.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 26. М.: Госполитиздат, 1961. – 590 с.
18. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 29. М.: Госполитиздат, 1963. 782 с.
19. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1962. 599 с.
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. М.: Госполитиздат, 1963. 695 с.
21. Луначарский А. В. О народном образовании: сборник статей. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1958. 559 с.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. 827 с.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1961. 545 с.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 26. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1963. 703 с.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974. 535 с.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 46. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1968. 560 с.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 46. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1968. 618 с.
29. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 49. М.: Госполитиздат, 1974. 555 с.
30. Плеханов Г. В. Сочинения: в 24 т. Т. 17. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 346 с.
31. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1 / общ. ред. М. М. Григорьяна. М.: Госполитиздат, 1955. 676 с.
32. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2 / общ. ред. М. М. Григорьяна. М.: Госполитиздат, 1955. 943 с.

REFERENCES

1. Baeva L. V. [Humanitarian Education in the Information World]. In: *Sovet rektorov* [Council of Rectors], 2009, no. 12, pp. 16–21.
2. Bacon F. *Essays* (Rus. ed.: Fedorov P. A., Borovsky Ya. M., transl. *Essays. Vol 1.* Moscow, Mysl' Publ., 1977. 567 p.).
3. Gachev G. D. *Nauka i nacional'nye kul'tury* [Science and National Cultures]. Rostov on Don, Rostov University Publ., 1992. 316 p.
4. Hegel G. W. F. *Essays. Vol. 4* (Rus. ed.: Shpet G., transl. *Sochineniya. T. 4.* Moscow, Leningrad, State Publ., 1959. 438 p.).
5. Hegel G. W. F. *Essays. Vol. 8* (Rus. ed.: Voden A. M., transl. *Sochineniya. T. 8.* Moscow, Leningrad, State Publ., 1935. 470 p.).
6. Hegel G. W. F. *Essays. Vol. 11* (Rus. ed.: Stolpner B. G., transl. *Sochineniya. T. 11.* Moscow, Leningrad, State Publ., 1935. 527 p.).
7. Hegel G. W. F. *Aesthetics* (Rus. ed.: Stolpner B. G., transl. *Estetika. T. 1.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1968. 312 p.).
8. Il'in V. V. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 192 p.
9. Il'in V. V. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 336 p.
10. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arhitektura ponimaniya* [Theory of Knowledge. Hermeneutical Methodology]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 184 p.
11. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2019. 384 p.
12. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Social'naya epistemologiya. Sociologiya znaniya* [Theory of Knowledge. Social Epistemology. Sociology of Knowledge]. Moscow, Gaudeamus Publ., Akademicheskij proekt Publ., 2019. 203 p.
13. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofskaya semantika* [Theory of Knowledge. Philosophical Semantics]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 192 p.
14. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 176 p.
15. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [Philosophy of Crisis. Humanity is on the Verge of Catastrophic Change]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 104 p.
16. Kant I. *Essays* (Rus. ed.: Asmus V. F., Gulyga A. V., Ojzermana T. I., eds. *Sochineniya. T. 2.* Moscow, Mysl' Publ., 1964. 509 p.).
17. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 26* [Complete Works. Vol. 26]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 590 p.
18. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 29* [Complete Works. Vol. 29]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 782 p.
19. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 35* [Complete Works. Vol. 35]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 599 p.
20. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 41* [Complete Works. Vol. 41]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 695 p.
21. Lunacharsky A. V. *O narodnom obrazovanii: sbornik statej* [On Public Education: Collection of Articles]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1958. 559 p.
22. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 3.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 630 p.).
23. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 20.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 827 p.).
24. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 25.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 545 p.).
25. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 26. Ch. II.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963. 703 p.).
26. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 42.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974. 535 p.).
27. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 46. Ch. I.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1968. 560 p.).
28. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 46. Ch. II.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1968. 618 p.).
29. Marx K., Engels F. *Essays* (Rus. ed.: *Sochineniya. T. 49.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974. 555 p.).
30. Plekhanov G. V. *Sochineniya. T. 17* [Essays. Vol. 17]. Moscow, Leningrad, State Publ., 1928. 346 p.
31. Feuerbach L. *Selected Works* (Rus. ed.: Grigor'yan M. M., ed. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: T. 1.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 676 p.).
32. Feuerbach L. *Selected Works* (Rus. ed.: Grigor'yan M. M., ed. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. T. 2.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 943 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кокоева Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения;
e-mail: kokoevaia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Kokoeva – Assistant, Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining, Federal State University of Education
e-mail: kokoevaia@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кокоева И. А. «Значение» образовательного процесса // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 129–139.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-129-139

FOR CITATION

Kokoeva I. A. The “Meaning” of the Educational Process. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 129–139.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-129-139

УДК 1: 13 + 159.9 + 130.2

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147

ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ И НАГЛЯДНЫЕ ФОРМЫ ИХ ИЕРОТОПИИ (ВСЕРОССИЙСКАЯ АКЦИЯ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК», ГЛАВНЫЙ ХРАМ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Колесниченко Ю. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Настоящее исследование ставит своей целью обосновать необходимость нравственной воспитательной работы в рядах российского общества посредством сохранения и поддержания в постоянной активности значимой компоненты социальности – исторической памяти.

Процедура и методы. Подвергаются культурологическому, герменевтическому, социально-философскому анализу феномены современной отечественной истории – всероссийская патриотическая акция «Бессмертный полк», архитектурный объект «Главный Храм Вооружённых сил РФ».

Результаты. Делается вывод об исключительной символической и исторической значимости данных явлений, об особенностях национального менталитета, раскрывающегося в этих реализованных концептах.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе впервые с социально-философских, герменевтических и аксиологических позиций проведено исследование особенностей иеротопических феноменов современной России на примере акции «Бессмертный полк» и Главного Храма Вооружённых сил Российской Федерации.

Ключевые слова: «Бессмертный полк», Великая Отечественная война, Главный Храм Вооружённых сил Российской Федерации, евразийство, иеротопия, историческая память, мифотворчество, российский менталитет

THE EURASIAN VALUES OF RUSSIAN CONTEMPORARY HISTORY AND THE VISUAL FORMS OF THEIR HIEROTOPY (ALL-RUSSIAN ACTION “IMMORTAL REGIMENT” (“BESSMERTNIY POLK”), THE MAIN CATHEDRAL OF THE RUSSIAN ARMED FORCES

Yu. Kolesnichenko

Federal State University of Education

ul. Vera Voloshina 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate the need for educational work with the population of the Russian Federation by preserving and maintaining in constant activity the significant component of sociality – historical memory.

Methodology. The phenomena of the current national history – the all-Russian patriotic action “Immortal Regiment” and architectural project “The Main Cathedral of the Russian Armed Forces” – were subjected to cultural, hermeneutical, socio-philosophical analysis.

Results. A conclusion is drawn about the exceptional symbolic and historical significance of these phenomena, and the peculiarities of the national mentality revealed in these implemented concepts.

Research implications. The hierotopic peculiarities of modern national history phenomena on the example of the “Immortal Regiment” action and The Main Cathedral of the Russian Armed Forces were for the first time analyzed from the social and philosophical, hermeneutical and axiological perspectives in the following study.

Keywords: “Immortal Regiment”, Great Patriotic War, the Main Cathedral of the Russian Armed Forces, Eurasianism, hierotopy, historical memory, myth-making, Russian mentality

Введение

Необходимость нравственного воспитания народа остро стоит перед современной отечественной историей. Сохранность исторической памяти как элемент экологии культуры в действии есть важный элемент образовательной и воспитательной активности нашего социума. Современность как анти-традиция, идущая вслед за постмодерном, предполагает научный, а также нравственный релятивизм. *Историческая же память есть всегда сохранность традиции, есть нравственное мифотворчество.* Положительная мифологизация исторической памяти есть, таким образом, нравственная основа современности.

Историческая память всегда идеологизирует и аксиологизирует объект, попадающий в поле её влияния. Согласно А. С. Панарину, существует некие культурные образцы-идеалы в духовной сфере. Эти образцы – истинные ценности, разделяемые обществом вне исторического времени и пространства, воспринимаются обществом как нетленные, «идентификация с ними», по выражению Панарина, носит *принудительный* (моральный) характер [10].

Сверхценностное значение феномена Великой Отечественной войны и сакральное пространство всероссийской акции «Бессмертный полк»

Национальная идея – «Бессмертный полк» – воплощённая идея действенной исторической памяти. Эта истинно народная акция в корне нейтрализует социальное неравенство, обеспечивая социальное равенство перед лицом исторической памяти, перед лицом вечности, *помогает преодолеть насущную дискретность и*

извечный разрыв исторических судеб поколений. «Очевидно, что преодоление разрыва между крупными историческими этапами, как и между отдельными периодами внутри последних, предполагало в качестве одного из важнейших условий сохранения единства национальной истории и национальной культуры идейно-духовный процесс, который мы назвали бы “самоидентификацией”, то есть повторной общественной самоидентификацией, фиксирующей новые исторические реалии и предполагающей переосмысленные – в связи с изменившейся ситуацией – ответы на традиционные вопросы...» [2, с. 5] – справедливо утверждает исследователь Э. Я. Баталов.

Собирательная *идея-символ, идея-образ* [11], *идея – сверхценностный культурный миф России* должна быть построена по логике Всеединства (Вл. Соловьёв), носить наднациональный, транснациональный характер. Она имеет отношение не к сумме множества социальных единиц, но к всеединному *интегралу* социального нерасчлещаемого целого.

Представляется, что *идейное единение* России проходит в плоскости евразийского ментального пространства: от идеи всеобщего как интегрирующей социальной сверх-личности – к идее отдельной личности. Каждая из этих отдельных индивидуальных личностей есть *локальное* воплощение идеи, объединяющей сверхличность, отражающей в себе главные её идеальные качества¹.

¹ Мысливченко А. Г., Апрышко П. П., Колесниченко Ю. В. Личность // Русская философия: энциклопедия. 4-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм: Мир философии, 2022. С. 405–408.

Продолжая логику этой мысли, можно выявить различные типы ментальной модальности [1] в зависимости от типа устойчивых социальных объединений, а также массовых соборий и акций. Так, «Бессмертный полк» есть явное проявление работы сверхценностной компоненты сознания. Людей в этой акции, сформировавшейся вокруг и посредством символа – действия – Крестного хода, освящающего события и героев Великой Отечественной войны – *стяживает* идея сверхценностной патриотичной детерминации. Такого рода детерминации «имеют природу “энерго-информационных полей”, связанных с метафизической (сверхчувственной) реальностью и возникающих, например, нациями, государствами, социальными группами (по различным основаниям, например, религиозным). Можно предположить, что подобные “поля” способны быть “образами-записями” об истории группового субъекта. Их энергоинформационный потенциал, изменяющийся под влиянием исторических событий, проявлений “коллективной воли” людей в поступках и образе мыслей, позволяет влиять на происходящие в социальной общности процессы, определяя её будущее» [5, с. 34], – отмечает исследователь А. А. Гостев.

Важно, что интегрирующая идея должна носить не только объединяющий, но также *мобилизационный* характер, поскольку мобилизационное качество евразийской цивилизации является её интегративной силой, неоспоримым культурным преимуществом [6; 9]. Таков механизм формирования *евразийского сакрализованного гражданского общества* – воплощённые трансцендентальные – не трансцендентные – идеалы Всеединства [3]. Одна из этих воплощённых форм – интеграционный ценностный образ исторического события – Великой Отечественной войны.

В условиях пост-религиозности российского общества реальное историческое событие эпохального (мирового и цивилизационного) значения морально-этически канонизируется в мире трансцендентального. Сохранность сверхценностной идеи

Великой Отечественной войны на новых этапах развития исторической памяти и культурной семиосферы в целом является важной задачей государственного социального строительства, её образующим ценностным принципом в деле воспитания подрастающего поколения.

Как всякое эпохальное событие сверхценностной природы Великая Отечественная война *никогда не будет «завершена»*, наполняясь новым конкретно-историческим и интерпретационным содержанием (обнаружение архивных документов, братских могил и т. п.). С каждым новым витком исторического развития общества оно являет собой теперь уже извечную, неизбывную *общечеловеческую мировую драму*, которая повторяется и будет повторяться в превращённых культурных формах (таких, как акция «Русского мира» – «Бессмертный полк», проходящая одновременно 9 мая в разных городах и странах, на различных континентах).

Тема исторической памяти Великой Отечественной войны, в частности, помогает решить вопрос национальной, наднациональной и поколенческой *идентичности* посредством осознания совместно прожитого реального и сублимированного в культурных формах *героического* опыта, отрефлектированного в формах национального самосознания именно как *героика* отечественной истории. Эти формы позволяют осознать *единственность* российской цивилизации в строю иных форм цивилизационных образований и принять себя не как срединную, промежуточную, модернизационную или иную недо- (unter) цивилизацию, но как отдельное, уникальное, определённо самодостаточное и самобытное социообразование «Россия» и культурно-идентификационный «Русский мир», *являющиеся носителями отечественного цивилизационного кода* [3]. В этом и состоит высокая миссия народного консерватизма в современную переходную эпоху: сохранить цивилизационное многообразие, многоголосие мира и тем самым обеспечить сопричастность его божественному многообразию Космоса» [10, с. 15].

МикроКосм российской цивилизации есть определённый самой историей феномен общецивилизационного *макроКосма*, самоидентификация которого есть дело смелого и открытого диалога, прежде всего, с самим собой, о том, что *он есть как таковой*, без извечной отсылки к мнимым его составляющим – полюсам социально-географического профиля (Европа и Азия). Национальная «Я- (точнее сказать – МЫ-) концепция» не есть суммарная двух культурно-географических единиц, но *единая и нераздельная внутренней логикой своего существования ментальная общность*. Препарированию, искусственному разделению и членению она поддаётся лишь насильственно, продукт этого деления носит исключительно спекулятивный характер. У России есть собственная цивилизационная статья, осознание сути которой как *качественного единства, понятия не дихотомийно, но дипластийно*¹, есть особое интеллектуальное усилие отечественной гуманитаристики по выходу из традиционной мыслительной колеи под названием «Евразия есть сумма Европы и Азии».

По мнению Н. А. Нарочницкой, «это и есть культурная экология, которая определяет территориальное самосознание живущих на ней людей, их причастность не только к реалиям сегодняшнего дня, а ко всей национальной истории, культурным традициям, традициям деятельности на конкретной территории. Если люди сохранили национальное самосознание, они сумеют реализовать на своей территории умный проект, обеспечивающий её развитие» [8, с. 58].

Современная архитектурная иеротопия России – Главный храм Вооружённых сил Российской Федерации

Обращает на себя внимание ещё один феномен, связанный с современной российской символизацией зрительных форм и образов, – иеротопия (храмовое *пространство*) Главного храма Вооружённых Сил Российской Федерации², евразийский

дух этого сооружения, евразийский характер его построения.

Оптическое – «зрительное» – освоение социальных (и не только живописных) феноменов возможно лишь в двух исторически значимых перспективах – прямой и обратной (П. А. Флоренский, Е. Н. Трубецкой, Б. В. Раушенбах). Обратная перспектива в живописи (точнее, в иконописи), как известно, есть перспектива *горняя*, она есть особая зрительная оптика иеротопических / сакральных пространств. Прямая же перспектива есть, наоборот, перспектива *дольная*: реалистичная, геометричная, поддающаяся рационализации и строгому математическому расчёту. Феномены «Бессмертный полк» и архитектурный объект «Главный храм Вооружённых сил РФ» есть, на наш взгляд, проявление обеих перспектив в реальном *событии* культурного строительства современного российского общества, момент схождения индивидов в точке личностной сопричастности каждого сакрализированным событиям истории Великой Отечественной войны, когда происходит *восхождение, преобразование* индивида до уровня достойной памяти предков Личности в истории. Происходит его слияние с Личностью коллективной (по Л. Н. Карсавину). «Философия общего дела» Н. Ф. Фёдорова получает здесь своё современное развитие.

Топология личности не совпадает с топологией индивида. Топология личности имеет прямое отношение к религиозно-философскому пониманию бытия. Она и есть, собственно, *вместилище* этого бытия. Индивидуальная ответственность перед бытием, личная ответственность перед собственной жизнью – единственная возможность применения творческой инициативы личности – преобразуется в мощь объективного строительства, в организующий принцип не только индивидуального бытия, но мира в целом. Личность несёт ответственность перед национальным бытием, организует и преобразует его, явля-

¹ Под дипластией здесь понимается не бинарное деление, но бинарное **сочетание**.

² Официальное название этого храма – Патриарший

собор Русской православной церкви во имя Вознесения Христова.

ется его единственной внутренней творческой потенцией, мерилом и оценщиком его ценностной составляющей, носителем национального менталитета¹.

Менталитет есть комплекс социально-го – рефлексивного и эмоционального типов – интеллекта, а также аутентичного комплекса бессознательного, каждый раз подстраиваемого под момент исторического настоящего, проходя сквозь пласт социального сознательного, оформляя его и получая новые импульсы для собственной самости [3].

Сверх-ценностные феномены отечественной истории в своей визуальной репрезентации (в виде памятников и т. п.) строятся по *схематике* классической героики. Это – элементы абсолютной мифологии (А. Ф. Лосев) [7], в наших терминах – *положительной мифологии*. Миф – это героика как супер-норматив. На его фоне антигероика есть та же норма, но норма отрицательная. Антиподом героя может стать не только анти-герой, но alter ego самого героя, его *анофатическое Я*.

Социальная философия всегда стремится к рефлексивной целостности, оценивая мысль с позиции приращения эвристической ценности, с позиции выполнения задачи воссоздания мыслительного *гештальта* эпохи. В области семиотики культуры, символогии эти функции выполняют сверхценностные феномены эпохи, такие, как Великая Отечественная война. Отражённые формы этого супра-национального российского феномена пребывают в символических формах – памятниках. В них же и происходит предельно нерефлектируемая символизация-действие (символизация как континуация) сверх-ценностной компоненты этого события. Происходит создание образа сверх-ценностного события в момент творения иеротопии, в момент слияния сакрального

пространства с *личностями*, участвующими в этом процессе.

Образ выступает здесь в качестве компенсаторной функции мышления. Бессознательное содержание, или качество, эпохи содержит в себе своё главное противоречие как норму, как суть своего качества. Оно видится как именно смысловое, сущностное, нравственное противоречие, т. е. в модальности *проблемы* лишь по завершении эпохи и оформления её главного смысла в терминах последующей эпохи, в осознанном по *завершении* феномена виде. Аксиологические оценки по отношению к той или иной исторической эпохе возможны, таким образом, лишь в своём некритическом виде. *Бессознательное* эпохи творит её и её смыслы. По её *завершении* бессознательное, становясь *осознанным*, *умерщвляется*, если становится осознанным лишь поверхностно (фактуально). Будучи *оценённым*, оно приобретает характер сверх-ценностно определяющего события для последующей социальной *парадигмы*.

Современная отечественная история в области культурного строительства демонстрирует правоту идей евразийства в попытке объяснить и обосновать особенности отечественного российского менталитета, формирования особой – наднациональной, супра-национальной, истинно российской – религиозной картины мира. На евразийском культурном пространстве формируется новый тип православия – евразийское христианство.

Евразийское христианство, в отличие от ортодоксального православия, есть органический – антитетический – тип христианства, основанный на понимании личности как ответственного, патриотически устроенного субъекта действия, предполагающий *всеединение христиан и нехристиан в едином священнодействии исторического размаха и эпохального патриотического значения*. Когда патриотическое становится синонимом сакрального и в этом сакрализованном статусе как минимум обожествляется, канонизируется, символизируется до степени сверх-ценностного. Евразийский тип хри-

¹ Мысливченко А. Г., Апрышко П. П., Колесниченко Ю. В. Личность // Русская философия: энциклопедия. 4-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм: Мир философии, 2022. С. 405–408.

стианства выстраивает здесь, таким образом, свой канон: Числовой символизм (Дорога памяти длиной в 1418 шагов, по количеству дней Великой Отечественной Войны; высота центральной колокольни в 75 метров (по количеству памятных лет Победы в Великой Отечественной Войне)). Демонстрируется подчёркнуто неортодоксальный подход к реализации архитектурно-символического концепта Храма – неконфессиональный синкретизм (приобщение к созданию реликвий храма художника нехристианского вероисповедания (скульптора Д. Намдакова – буддиста)), использование в качестве элементов оформления собора фресок с изображением сцен народной жизни, исполненных в стилистике патриотических декоративных панно сталинского периода, а также мозаичных портретов ныне здравствующих руководителей страны¹. Всё это говорит о совершенно уникальном историческом замысле – сооружении православного сакрального объекта с целью построения евразийского иеротопического – храмового / сакрального – пространства россиян (и не только православных по своему вероисповеданию). *Создаётся Иеротопия евразийского всеединого образа.* Евразийский дух его сооружения как *процесса*, привлечение к конструированию сакрального христианского объекта, как было сказано выше, авторов нехристианского вероисповедания есть евразийский *замысел*, евразийский тип христианства.

Подобного рода идеи современной отечественной культурологии, эстетики, этики и социальной философии требуют детальной проработки. Только тщательный выверенный анализ подобного рода феноменов, равно как и любого другого феномена, относящегося к семиотической ценностной сфере, поможет достичь реального результата в сфере отечественной герменевтики культуры.

¹ К слову, сам выбор места, на котором был построен храм, глубоко символичен. На этом месте был найден гранитный верстовой столб времён обороны Москвы от немецко-фашистских захватчиков, установленный по линии обороны города.

Развитие идей классического евразийства в современной Евразии

В силу невозможности осветить все аспекты современного евразийского творчества, хотелось бы всё же остановиться в двух словах на тех, кто продолжает развивать идеи классического евразийства не только в культурологической, но также социально-философской мысли. Такие учёные географической, но не идейной, периферии, как Рустем Вахитов (Уфа) [4], Алексей Дзермант (Беларусь) успешно, последовательно, политически и идеологически активно развивают идеи евразийцев *первой волны*. А. Дзермант сформулировал идею фронтирного евразийства в книге «Беларусь – Евразия. Пограничье России и Европы» [6]. Это – очень плодотворный концепт современной социально-философской мысли, базирующийся на евразийской парадигме. Вахитов же видит проявления *латентного* евразийства и в работах В. Л. Цымбурского, автора известной статьи «Остров Россия»².

Евразийство есть, таким образом, главное качество нашей цивилизации. Геосоциальное не есть синоним геополитического в евразийстве. Евразийство – частный случай цивилизационного подхода, сужен до своей конкретной области применения – геосоциальной Евразии.

Евразийство – это *принцип* (по формуле типизации принципов, таких как принцип дополнительности, личности, принцип субъекта и т. п.), который используется при анализе уникальности, аутентичности нашей культуры. Это – синоним нашей цивилизованности. Евразийство сегодня – это закон российской интегративности, принцип и основание её существования. Евразийство сейчас должно трактовать не только как историко-философский феномен – историко-философский факт первой трети XX в., но именно как *закон существования и функционирования российской цивилизации, как главное её качество и базальный уровень ментальности*.

² Цымбурский В. Л. Остров Россия [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/subject/figures/1072-vadim_cymburskijj_ostrov_rossija.html (дата обращения: 11.10.2023).

Заключение

Создание отечественного положительного мифотворчества, т. е. *абсолютной мифологии* (по А. Ф. Лосеву [7]) как истинной глубинной сферы самосознания (самостийной, самодостаточной цивилизационной единицы), как единой межпоколенческой стяживающей платформы культуры [12], есть дело настоящего и будущего патриотически настроенных учёных и педагогов, разделяющих с Россией единую историческую судьбу. Сохранность и бережное поддержание на новых этапах развития исторической памяти и культурной семиосферы является крайне важным делом государственного социального строительства, её образующим ценностным принципом. По А. С. Панарину, «История ми-

ровых цивилизаций свидетельствует, что цивилизация способна потерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело её ценностное ядро» [10, с. 23]. Этот вопрос относится к «состоянию его *ценностной сферы и проблемам идентичности*» [10, с. 23].

Мы выражаем своё согласие с мнением Александра Сергеевича и подчёркиваем важность поддержания аксиологических усилий, предпринимаемых в современной отечественной семиосфере с целью формирования и поддержания патриотического сознания народа на новом витке развития российского общества, в условиях новых исторических вызовов.

Статья поступила в редакцию 18.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 7–37.
2. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
3. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92–102.
4. Вахитов Р. Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2023. 239 с.
5. Гостев А. А. Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / под ред. В. А. Кольцовой, Е. В. Харитоновой. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 25–47.
6. Дзермант А. Беларусь – Евразия. Пограничье России и Европы. М.: Родина, 2020. 336 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
8. Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М.: Книжный мир, 2021. 352 с.
9. Неретина С. С. Концепты и тропы. М.: Институт философии РАН, 1999. 277 с.
10. Панарин А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир, 2005. 432 с.
11. Сидорова В. В. Культура образа. Кросс-культурный анализ образа сознания. Харьков: Гуманитарный центр, 2012. 220 с.
12. Синенко В. Я., Бондарева Я. В. Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс) // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 68–75.

REFERENCES

1. Abulkhanova K. A. [Russian Mentality: Cross-Cultural and Typological Approaches]. In: *Rossiiskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki* [Russian Mentality: Questions of Psychological Theory and Practice]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 7–37.
2. Batalov E. Ya. *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [Russian Idea and American Dream]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2009. 384 p.
3. Butenko A. P., Kolesnichenko Yu. V. [The Mentality of Russians and Eurasianism]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1996, no. 5, pp. 92–102.
4. Vahitov R. R. *Evrazijstvo: Logos. Ejdos. Simvol. Mif* [Eurasianism: Logos. Eidos. Symbol. Myth]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2023. 239 p.

5. Gostev A. A. [The Influence of Orthodox Christianity Tradition on the Russian Mentality as a Problem of Historical Psychology]. In: *Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta* [Historiogenesis and the Current State of the Russian Mentality]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 25–47.
6. Dzermant A. *Belarus' – Evraziya. Pogranich'e Rossii i Evropy* [Belarus – Eurasia. Borderlands between Russia and Europe]. Moscow, Rodina Publ., 2020. 336 p.
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 558 p.
8. Narochnickaya N. A. *Russkij kod razvitiya* [Russian Code of Development]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2021. 352 p.
9. Neretina S. S. *Koncepty i tropy* [Concepts and Paths]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1999. 277 p.
10. Panarin A. S. *Revansh istorii: Rossijskaya strategicheskaya iniciativa v XXI veke* [Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the 21st century]. Moscow, Russkij mir Publ., 2005. 432 p.
11. Sidorova V. V. *Kul'tura obraza. Kross-kul'turnyj analiz obraza soznaniya* [Image Culture. Cross-Cultural Analysis of the Image of Consciousness]. Kharkov, Humanitarian Center Publ., 2012. 220 p.
12. Sinenko V. Ya., Bondareva Ya. V. [Integration Processes as the Basis of Meta-Subject in the Education System (Philosophical and Pedagogical Discourse)]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern Philosophical Studies], 2023, no. 3, pp. 68–75.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор Государственного университета просвещения;

e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education;

e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. Евразийские ценности российской новейшей истории и наглядные формы их иеротопии (Всероссийская акция «Бессмертный полк», Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации) // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 140–147.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. The Eurasian Values of Russian Contemporary History and the Visual Forms of Their Hierotopy (All-Russian Action “Immortal Regiment” (“Bessmertniy Polk”), the Main Cathedral of the Russian Armed Forces. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 1, pp. 140–147.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9,25, уч.-изд. л. 12,25.

Подписано в печать: 20.03.2024 г. Дата выхода в свет: 25.03.2024 г. Заказ № 2024/03-08.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А